

Олег Николаевич Верещагин

Я - охотник

http://zhurnal.lib.ru/w/wereshagin_o_n/ohotnik.shtml

Аннотация

В давние жестокие времена, когда нечисть нередко стучалась в людские жилища, и человек не знал, как ему спастись — мудрые и безжалостные создали их. ОХОТНИКОВ. Тех, кто не боялся ничего и никого, потому что МЁРТВОМУ нечего бояться. Времена менялись. Но Охотники оставались. Снова и снова выходили они на бой в мире, который давно забыл о древних врагах человека и не верил в них. Злу было на руку это неверие. Ярославу было четырнадцать, когда его сделали Охотником. С тех пор прошло семь с половиной веков...

Рассказанная ниже история выдумана от начала и до конца.

За исключением того факта, что Зло, с которым не борются, становится сильнее...

От автора.

Рассказанная ниже история выдумана от начала и до конца.

За исключением того факта, что Зло, с которым не борются, становится сильнее...

От автора.

Ночь. Старое городское кладбище недалеко от города Болотова.

Сегодня сон был страшным.

Его ПЕРВЫЙ — монгольский сотник — визжа, извивался на рогатине, проткнувшей монгола насквозь и пригвоздившей к бревенчатой стене. Жуткие, судорожные рывки отдавались болью в окаменевших на древке ладонях. Эта тварь никак не хотела умирать и с визгом вновь и вновь бросалась на перекладину под широким пером, чтобы дотянуться до того, кто ее уничтожил¹.

Но главным и самым страшным было не это, а другое — монгол МЕНЯЛСЯ, ПЕРЕКИДЫВАЛСЯ, как это часто бывает с оборотнями, когда их настигнет смерть. Его быющее тело словно бы оплывало, как свечной воск — и на рогатине с воем металась огромная рысь с оскаленной окровавленной пастью. И в ту же секунду, еще не завершив трансформации, потерявшее разум от предчувствия смерти чудовище ПЕРЕКИДЫВАЛОСЬ обратно — в кривоногого, длиннорукого, плотного воина с залитым кровью редкозубым ртом.

Мучительный стон слышался, прорезал кошмар, как острый нож — плотную занавесь.

— А-а-а-а...

Он трезво понял, что стонет он сам, стонет наяву, а то, что видит — всего лишь сон.

Понял — и проснулся, сделав над собой привычное усилие...

...Он лежал в теплой беззвучной темноте с закрытыми глазами. Эти слова. — «тепло», «темнота» — были для него только словами, но он помнил, КАК это, когда «темно», «тепло». И знал, что сейчас — именно так.

Руки во сне сами собой сжались в кулаки — на древке приснившейся рогатины. Он

¹ Рогатина — вовсе не «рогатое» копьё, как думают многие. Это грозное оружие, годное для охоты и для войны, было изобретено нашими предками. На толстое древко-оскепище насаживался целый меч — наконечник длиной 30 см., шириной — 6 см. и весом до килограмма! Таким копьём можно было колоть и рубить, сразить всадника в броне и дикого быка. Только охотничья рогатина имела под наконечником-пером перекладину-ограничитель, не позволявшую раненому зверю дотянуться до охотника.

развел пальцы, пошевелил ими и открыл глаза.

В неровное, словно обгрызенное по краям входное отверстие, краешком робко и любопытно заглядывала луна — полная, налитая, с медным оттенком. Где-то недалеко забрехала собака, потом ее брех перешел в судорожный подвыв. Перешептывались без ветра, деревья — теплый воздух, поднимавшийся от нагретой за день земли, ворошил листья. Раньше бы сказали, что деревья разговаривают... Жаль, что они не умеют говорить. И вообще почему-то добрые чудеса приходится делать своими руками, а зла и без того — хоть отбавляй.

Надо было вставать и идти осматриваться. Временами он испытывал недоуменную жалость к нынешним людям, с беззаботной легкостью ставившим свои города, дома, заводы в таких местах, которые еще триста лет назад обошел бы любой деревенский дурачок. Селятся, а потом приходят в ужас от творящихся под боком вещей и пытаются найти им объяснение... Впрочем, последние несколько дней были совсем спокойными и тихими. Может быть, потому что он достаточно ярко заявил о себе по прибытии — и весть о его появлении уже разнеслась по всем закоулкам этих мест? Хорошо бы. Меньше хлопот, больше времени для нормальной жизни...

Он поднялся, нашарил ногами кроссовки, не глядя взял куртку и надел ее. Выпрямился — самый обычный четырнадцатилетний парнишка, худощавый, спортивный, русоволосый, в кроссовках, джинсах, джинсовой куртке на черную майку с надписью белым «ВСТРЕЧАЙТЕ ДОКТОРА!» Необычным было место, где находился парнишка — провалившийся склеп XIX века. Но что делать, если это самое спокойное место в городе? Безлюдное и тихое в любое время суток — кладбище давно заброшено, если и появляется кто, так это одна-две-три старушки за день. Если погода хорошая.

— Слав-ка-а, — раздалось от входа шипение. — Слав, ты тут, че ль?

На фоне призрачного полнолунного неба свесилась мальчишеская голова с длинными лохмами. Прошипела снова:

— Сла-ав?... — уже несколько неуверенно.

— Здесь, — откликнулся парень, и второй мальчишка безбоязненно соскочил в склеп.

Старые кеды тихо шоркнули о выбитый временем под.

— Я думал, ты ушел, — пожаловался ночной гость. Луна осветила грязноватое лицо — лицо мальчишки лет на пять помладше первого, смышленное и с грустными глазами. — Я бежал, спешил так...

Протянув руку, хозяин склепа взъерошил отросшие волосы гостя, и тот неумело улыбнулся. Мишку — так звали маленького бомжонка — Ярослав пригреб две недели назад, когда только явился в город. Мальчугана, попавшегося на краже пачки печенья, смертным боем били за привокзальными ларьками двое продавцов. Подробности той истории. Славка вспоминать не хотел — он внезапно вышел из себя и жестоко наказал обоих мерзавцев, из-за чего до сих пор избегал встреч с милицией, хотя вряд ли продавцы запомнили, что с ними произошло. Сначала Славка гнал увязавшегося за ним Мишку, но тот не отставал и помог найти это место на кладбище, на котором и сам жил. Судя по всему, немногословный, сильный и спокойный старший парень просто покорило мало видевшего хорошего бомжонка, и тот стал кем-то вроде добровольного осведомителя и помощника. Сперва Славка поопасался, что придется постоянно защищать Мишку, но тот свои проблемы решал сам и даже денег или еды не просил, а помогал охотно, легко прощая новому другу многочисленные странности. Кроме того, Славку в глазах Мишки окутывала атмосфера тайны, такая привлекательная хоть для малолетнего бомжа, хоть для сына банкира.

Временами Славка задумывался, какой храбростью должен был обладать Мишка — или до какого отчаянья дойти! — чтобы ночевать на кладбище. И еще --- что пять лет назад точно так же погиб Саша. Пригреб вокзального малыша — и тот вывел на Сашу... кого — вспоминать не хочется. Неизвестно, за деньги, из страха, еще почему-то, но предал. ЭТИХ пришло слишком много, и Саша не смог отбиться...

...Но Мишка было похож на младшего брата Славки, на давно умершего братишку,

которого Славка до сих пор вспоминал и видел в хороших снах. И не хотелось даже думать, что Мишка может стать вольным или невольным предателем.

— Зачем ты меня искал? — спросил Славка. Мишка сделал большие глаза и тревожно-секретным шепотом, слышным, наверное, даже на лодочной станции за дальним краем кладбища, начал докладывать:

— Телка одна ТЕМ краем идет. Ну, ТЕМ! Про который ты говорил. Со станции нарезает, спешит.

Ярослав кивнул и, ни слова не говоря, вроде бы неспешно отправился к дыре входа. Р-раз! И в склепе никого не было, кроме восхищенно покачавшего головой Мишки...

...Трое каких-то дубловатых сопляков домotalись до Ленки еще в середине пути и не реагировали ни на презрительное молчание в сумме с нарочито повернутой к окну головой, ни на реплики типа: «Отзынь» и «Повзрослеешь — звони 02, я подойду». Очевидно, были слишком тупыми. Никакой реальной опасности для честной девушки с разрядом по дзю-до они не представляли, да и для другой — тоже, но сидеть в одном салоне с ними было так же тошно, как слушать рекламу. Ото всех троих пахло жвачкой и даже прикалывались они занудно, явно копируя героев боевиков. Вдобавок — младше.

Короче, утомившись таким стремным соседством, Ленка вышла за две остановки от своего дома, около старого кладбища. Светила луна. Серебрилась вода в реке и тропинка между обрывом и оградой, по которой предстояло пройти два километра. Зато потом сразу окажешься на огородах своей улицы — еще минута и дома.

Отважно подпернув тяжелую сумку с бабулиными гостинцами и обругав нехорошим словом Витьку, который нагло закосил под больного и остался дома вместо того, чтобы помочь сестре, она двинулась вперед с решимостью советской танковой дивизии под Берлином. Хотя идти мимо кладбища было не в кайф. Ваще. Начисто. Потому что страшно.

— А главное — кто оценит? — бухтела она, внимательно глядя себе под ноги. Речка что-то одобрительно журчала, на перекате. — Да никто. Витек, козел, обрадуется, конечно. Еще бы! «Похавать притаранила?! О, е, во!» И к утру варенья — как и не было. Акселерат недобитый, ест как птичка — клюнет два кило и сыт на полчаса. А ты тут стаптывай ноги по самое это самое. И кроссовки жалко.

Она шмыгнула носом от жалости к себе. И внимательно осмотрелась. По этой тропинке Ленка ходила десятки раз, но никогда — глубокой ночью. А тропинка-то ведет мимо кладбища, вот оно — за деревянным забором... В голову на автомате полезли разные дикие истории про кладбища, мертвецов и гробы на колесиках, над которыми хорошо смеяться, когда сидишь дома — а не когда перед тобой больше километра пути вдоль кладбищенского забора. Причем с правой стороны — обрыв и река. Прикусив губу, девчонка ускорила шаг, уже раскаиваясь, что выскочила не на своей остановке. Потерпела бы. Хоть до следующей — правда, оттуда из-за странностей городских дорог до дома пешком не два, а три с лишним километра. Ну и что? Не развалилась бы. А еще лучше — потерпеть этих придурков. Сейчас бы уже дома сидела. С Витькой — брат-проглот внезапно показался родным и близким до неприличного.

— Погоди, чего ты заметалась, как фанатка у «Наны» на концерте? — сквозь зубы процедила Ленка. — Ну кладбище. Покойнички, крестики, оградки. Как парк, только для придурков. Вон светло. Луна. Оборотни... МАМА!!!

Большая собака неспешно трусила навстречу по тропке. Опустив лобастую голову к самой утопанной земле, неспешно — а куда ей спешить, если разминуться тут все равно негде?! Призрачный лунный свет мешал понять ее масть и даже настоящие размеры — Ленка видела только, что собака ОЧЕНЬ большая. И откуда она взялась?! Из какой-нибудь дырки в заборе? И что делать?!

— Пошла, — неуверенно пискнула Ленка. Собака остановилась. Медленно подняла голову — ее и девчонку, закрывшуюся сумкой, разделяли метров десять. В собачьих глазах сверкала луна, они казались серебряно-алыми, с плотными, как в самом жутком фильме. Убежать?.. Пока повернешься — догонит. Через забор?.. Ага, а за забором что?! Оставалось

одно — в реку, пропадай гостинцы, сумка и все на свете, потому что Ленка никогда не пробовала переплывать ее — реку — в одежде. — Пошла! — Ленка топнула и, собрав все свое мужество, сделала шаг вперед. — Мамуля, ты чего?..

Собака чуть пригнула голову к земле, шире расставила лапы и открыла клыки. Ленка слабо удивилась, как они помещаются в пасти — казалось, там у собаки полно ножей. Потом это чудище неспешно, крадучись, двинулось к окаменевшей девчонке — уверенным скользящим шагом. Шерсть на загривке поднялась, как проволока — густая, толстая, жесткая даже на вид.

Ленка закрыла глаза, понимая, что падает в обморок.

— Не бойся, я провожу.

На какой-то ужасный миг ей показалось, что говорит собака — а это могло значить лишь одно: крыша поехала. По этому девчонка зажмурила глаза еще крепче... но слегка нетерпеливый мальчишеский голос повторил:

— Не бойся, я провожу тебя домой, — и добавил: — Открой глаза.

Еще толком не открыв глаз, Ленка сообразила, что рядом с ней кто-то стоит, шарахнулась, взмахнула, рукой, почувствовала, что сумка соскальзывает с плеча, а сама она падает — и...

И сильная, уверенная рука поставила ее вместе с сумкой обратно на тропку.

— Уйди! — завопила Ленка, почувствовав почву под ногами. — Я орать буду! Ма-а-а!.. Я дзю-до знаю! Не подходи!

Ответом ей был веселый, залиvistый смех, заставивший Ленку окончательно разжмуриться.

Она была жива. И, живая, с сумкой на плече — стояла на тропинке. Собаки не видно. А рядом с ней, подбоченясь, отставив ногу, стоял парень ее лет. Скаля красивые, ровные, белые зубы, он подло хохотал над ней, над ее страхом и воплями! Нет нужды говорить, что Ленка немедленно возненавидела его на всю жизнь. Вдвойне омерзителен он ей стал, как только Ленка поняла, что парень красивый — может быть, самый красивый из всех, кого она видела за свои четырнадцать лет. Спортивный такой, не раскоченный, как эти культуристы, которые жрут белковые смеси, будто груднички и говорят только о «железе», но и не тощий хлюпик. Ленка всегда втайне гордилась тем, какой у нее красивый и сильный брат (не вслух, жирно будет!). Так вот: этот парень был повыше, посильнее на вид и красивее. И прикинут мальчик неплохо — ни единой тайландской или китайской вещи с рынка, все фирменное, хотя и простенькое: куртка, тишотка со вполне дурацкой надписью «ВСТРЕЧАЙТЕ ДОКТОРА!», джинсы, кроссовки, часы...

Страх отступил перед злостью, и Ленка агрессивно спросила:

— Ты что, конь?

— Почему? — не переставая улыбаться, спросил мальчишка.

— Потому что ржешь, — независимо ответила Ленка и, гордо задрав нос, двинулась дальше по тропинке. Парень был, рядом, и идти стало не страшно. Тем более, что он сразу нагнал ее со словами:

— Ну извини. Давай сумку, я правда тебя провожу.

«Не нуждаемся!» — хотела ответить Ленка, но прикинула, сколько еще осталось идти вдоль кладбищенского забора — и милостиво протянула мальчишке сумку:

— На... Ладно, прощаю... А тебе по пути? Я на улицу Речкалова.

— Григория Андреевича? — мальчишка деловито закинул на плечо сумку, даже не прогнувшись, словно она была набита бумагой, а не трехлитровыми банками и свертками с разными вкусами. Ленка непонимающе моргнула:

— Какого Григория? Я тебе говорю — Речкалова.

— Речкалова звали Григорий Андреевич, — пояснил мальчишка. — Герой Советского Союза, гвардии капитан — сбил в войну 56 вражеских самолетов...

— А, — равнодушно откликнулась Ленка. — Ясно. Так тебе что — по пути?

— Мне все равно, — покачал головой мальчишка. — Я приезжий. Вот хожу,

знакомлюсь с городом.

— Ночью? — подозрительно спросила Ленка.

— А что? — тоже подозрительно спросил мальчишка. И пояснил: — Ночью никто ее мешает. Тихо, спокойно.

— А днем спишь? — язвительно спросила Ленка.

— Иногда, — согласился мальчишка. Подколок Ленки он словно не намечал.

— Откуда ты такой приезжий? — поинтересовалась девчонка.

— Из Белоруссии, — охотно сообщил мальчишка. Помолчал и заметил: — Город у вас небольшой, а кладбище огромное.

— Это старое, на нем не хоронят, — ответила Ленка. — И город старый, вот и накопилось.

— И часто ты мимо кладбища по ночам ходишь?

— Сегодня первый раз, — призналась Ленка. И вздрогнула: — Вот ужас-то!

— Кто? — поинтересовался мальчишка.

— Да собака, собака, — поморщилась Ленка. — Я и не думала, что такие бобики бывают. По-моему, она бешеная.

— Бешеные собаки выглядят не так, — возразил мальчишка. — Но ты права: такое лучше один раз увидеть, чем увидеть не один раз, как говорил тогда еще покойный Зяма Мухомор.

— Чего-чего? — вытаращилась Ленка, но мальчишка засмеялся:

— Так, шутка... А все-таки, откуда ты ночью?

— С остановки, — вздохнула Ленка. И соврала: — Не на своей вышла, задумалась. Шнурки — с бабулей с начала лета на даче сидят, и это надолго, а я туда-сюда мечусь, как дура, потому что Витька на дачу ехать не хочет, у него тут любовь. Такой скандал закатил... Вот наши меня и отряжают — проверить; живой братишка или нет. По мне, так лучше было его при рождении придушить.

Мальчишка дернулся, как будто споткнулся, повернул к Ленке бледное, даже какое-то голубоватое лицо. На миг девчонке стало не по себе, но ее спутник («спасителем» она его даже про себя не называла) улыбнулся:

— Меня Славкой зовут. Ярослав. Красивое имя, а его вот так испоганили... А тебя как?

— Ленка. Елена, — представилась Ленка и выругала себя: «Вот дура, и чего испугалась?» Но тут же испугалась еще сильнее — за кладбищенским забором отчетливо треснули кусты, и треск этот, не прекращаясь, крался следом за идущими. Расширив глаза, Ленка всматривалась в щели между досок, пока Славка не сказал, негромко и повелительно:

— Перейди сюда, — и занял место между Ленкой и забором. — Не смотри и не бойся. Идем... не спеши, это сразу выдает страх.

Треск не прекращался. Временами в щелях мелькала бесформенная, какая-то клубящаяся тень. Но страха поубавилось — как будто рядом шел не худощавый, хотя и крепкий ровесник, а взрослый, необъяснимо надежный человек.

— Кто там? — тихо спросила Ленка, все-таки косясь в сторону серебристых от лунного света досок.

— Много кто, — туманно ответил Славка. — Знакомая тебе собака с товарищами.

— Стая? — Ленка вспомнила, что она читала и даже по местному телеканалу видела — одичавшие собаки живут в окрестностях Болотова. Неужели и в город перебрались? Внезапно она почему-то очень испугалась за Славку, забыв, что ненавидит его: — Ты обратно здесь не ходи, слышишь? А то вдруг они нападут...

— Ага, а то они тебя боятся, — серьезно согласился Славка. — Не бойся, я не тут пойду.

— Очень надо бояться за тебя! — взбрыкнула Ленка. — Сумку не урони!

— Не уроню, — как-то сквозь зубы ответил Славка, и Ленка удовлетворенно подумала, что он обиделся. Но, бросив взгляд на лицо попугчика, поняла, что голос его звучал так от непонятого напряжения, читавшегося в застывших глазах. Это было так непонятно и опять-

таки жутковато, что Ленка заткнулась и молчала до тех пор, пока они не дошли, до огородной калитки. Подальше рисовалась дома. В большинстве окон отблескивала луна, но кое-где еще горел огонь, и «Мумий Троль» мяукали песню Цоя «Восьмиклассница». Кладбище осталось позади.

Больше всего Ленке хотелось, чтобы Славка проводил ее до дому... или даже зашел. Но, поняв, что ей этого ХОЧЕТСЯ, девчонка почти свирепо сказала:

— Спасибо! Давай сумку, тут я дома.

— Может, до самого дома проводить? — нерешительно предложил Славка. Ленка, перехватив у него сумку, вежливо произнесла:

— Речкалова 67. Собственный дом. Если осмелишься — заходи. Но учти — у меня брат разрядник по самбо. Понял?

— Понял, — кивнул Славка. — Нет, я не чтоб зайти. Я...

— Ах так?! — девчонка возмутилась до глубины души и, тщательно закрыв за собой калитку, не оглядываясь, двинулась к дому. В другое время она не преминула бы покрыть огороды одним броском, то и дело оглядываясь, чтобы поскорее оказаться дома. Но сейчас она гордо шла среди грядок, задрав нос.

Потому что знала — ночной попутчик Славка стоит у калитки и смотрит ей вслед.

Ночь. Улица Речкалова, 67.

Самое странное было не то, что Витька не спал — он болтал по телефону со своей Катюхой и до трех ночи, и до четырех утра, благо, у Катьки телефон стоял в спальне. Вот и сейчас он сидел около телефона — но не верхом на стуле, как обычно, а на краю телефонной тумбочки, словно присел на полминуты. Куда страннее было то, что двери на улицу открыты настежь (под потолком коридора толкалась у лампочки многочисленная мошкара), калитка — тоже. В дверях стоял Серега, друг Витьки — держась руками за косяки, с напряженным лицом. Второй друг — Ник — переминался за калиткой около трех скутеров.

— Здрасьте, — Ленке очень хотелось брякнуть сумку на пол, но, памятуя о банках, она аккуратно поставила клетчатое чудовище у вешалки. — Это что за тусовка за полночь? Вить, я тебя спрашиваю!

— Отстань. Не мешай, — коротко и зло огрызнулся Витек и тут же заговорил в трубку: — Нет, я не вам. Вы как хотите, Зинаида Сергеевна, но я ее... — тут его, похоже, оборвали, потому что Витька сгорбился и вцепился одной рукой в волосы.

— Что случилось? — встревожилась Ленка. Зинаидой Сергеевной звали маму Катьки. — Серега, что произошло-то, что ты-то молчишь?!

— Не зуди, Лен, — ответил приземистый, плечистый Серега, отбрасывая со лба белобрысый чуб. — Прикинь, Катюха пропала.

— А? — Ленка непонимающе повернулась к брату, который снова что-то попытался сказать, но тут же опять обреченно замолчал, слегка покачиваясь на тумбочке.

— Не трогай его, — попросил Серега. — Тут дело такое. Ему сейчас стремно совсем. Он Катюку часа два назад привел домой с дискача. До самой калитки типа довел. Потом поторчал там под окнами, кайф поймал — Ромео там, все такое... И потопал домой. Лег отсыпаться. А тут ему звонок — шнурки Катькины в напряге: где дочка?! Витек сперва не врубился — как где, если он ее до родных ворот доставил?! А они там в слюни и слезы — не приходила! А он еще не отошел и опять — как типа не приходила, если я ее до калитки?! Вот такие дела. Как разобрались, что правда нету ее, так шнурки в ментовку звякнули, а Витек нам. Сейчас искать поедет. Вот только он отобьется. Прикинь, мамаша ее на него бочку катит — в полтонны! Чуть ли не типа он ее чеченцам продал.

— Каким... чеченцам? — слабо спросила Ленка.

— Вот и я говорю — каким? — пожал плечами Серега. — Но главная непонятка тут знаешь где? Он ее правда в калитку загрузил. И потом около дома петлял, она же не выходила! Так что — она типа на пяти метрах пропала, которые там до двери, в своем

дворе?!

— А я варенье привезла. И грибы, — зачем-то доложила Ленка. Витька швырнул трубку так, что старый аппарат жалобно звякнул и подскочил.

— Дура старая, — сказал он и громко задышал ртом. Ленка, с изумлением поняла, что ее брат изо всех сил старается не заплакать от обиды. — Привет, Лен. Мы поехали.

— погоди, я с вами, вы куда без меня?! — завопила Ленка, но Витька уже выскочил наружу, с грохотом ссыпался по ступенькам. Серега задержался, пробормотал:

— Эх, держите меня семеро, — потом задумчиво прочел сажушку:

— С крыши на землю упала сосулька. — Вышел напрасно из дому дедулька... — и подмигнул Ленке: — Баюшки, Лен. Дверь типа запри.

— Я маме скажу! — предприняла последнюю попытку вмешаться в ход событий Ленка. В ответ на ее вопль на улице согласным хором заурчали моторы скутеров — и это урчание уплыло вдоль заборов в лунную ночь.

Ленка осталась стоять в гордом одиночестве на крыльце. «Мумий Тролль» заткнулись. Улица спала, только в районе кладбища завывала собака. Зло пофыркивая, девчонка заперла дверь, мстительно подумав, что, если Витька забыл ключ, то ему придется ночевать на улице. Она нипочем не откроет, хоть головой бейся!

— Порожняк какой-то гоню, — призналась сама себе Ленка, переступая через сумку, чтобы подойти к двери черного входа, которую так и не закрыла. Размышляя о том, какой фокус выкинула с братцем Катерина (что она на самом деле пропала — Ленка и мысли не допускала), девчонка на миг остановилась, протянув руку к дверной ручке... а потом поняла, что стоит на крыльце черного хода, около начала огородной тропинки — неизвестно как и неизвестно когда открыла дверь вместо того, чтобы ее запереть, да еще и пошла по ступенькам. Но — что самое интересное и странное — Ленка осознала, что ею владеет странное ощущение: словно что-то важное забыто там, за огородами, у реки... надо пойти и забрать это, надо пойти к реке...

И к кладбищу. Эта мысль была — как вспышка молнии. Ленке отшатнулась из огородной темноты на крыльцо, в светлый прямоугольник. Испуганно вскинула голову — и увидела, как в свете луны прямо за огородной оградой медленно и заволаживающе клубится туман. Невесть откуда взявшийся, густой и непроницаемый, как кисель.

— Ну и ночка, — вслух сказала Ленка и, решительно взбежав на крыльцо, закрыла за собой дверь и с нарочитым лязгом задвинула засов. Потом, кряхтя, чтобы было себя жалче, приволокла сумку в кухню, вжикнула молнией... и вскинула голову.

Она могла бы присягнуть на сборнике лучших песен «Чижа и К», что в окно кухни кто-то смотрел. Точно — краем глаза Ленка успела уловить отшатнувшуюся размытую фигуру.

Сжав зубы и стараясь не глядеть в окна, девчонка прошлась по всему дому, тщательно задерживая шторы. Потом еще раз проверила обе двери и вернулась к сумке. Банки одна за другой перекочевывали под стол — оттуда их можно будет опустить в подвал. Банку прошлогоднего клубничного варенья Ленка оставила на столе. Это от нервов — прежде чем лечь спать, она просто обязана съесть хотя бы блюдце.

То ли от варенья, то ли еще от чего, но Ленка и впрямь успокоилась. Мысли потекли мирные и тягучие, как клубничный сироп. Вспомнилось, что Ник — Колька — так домой и не зашел. Он вообще старается к Ленке не подходить близко, потому что в ее присутствии делает физические и моральные глупости. Ленка облизнула ложечку и самодовольно хихикнула. Что Ник в нее влюблен, девчонка знала с третьего класса. Ей это было совершенно поровну, хотя такое постоянство и льстило — временами она даже делала мальчишке авансы, хотя Витька каждый раз ругался с ней и требовал прекратить издевательство над другом. Ну да, Витенька, а то Катюша твоя над тобой не издевается, только ты этого фик замечаешь. Может, и пропажу свою выдумала, чтоб ты по городу пометался, а потом начнет томно заводить глаза и рассказывать то ли о приступе лунатизма, то ли о временной амнезии — а ты будешь смотреть ей в ротик и придурочно кивать, слушая даже не слова, а голос. Как верный ручной песик... Ленка хихикнула. Все-таки эти парни

простые, как банан. В своей компании таакие разговоры — послушаешь, так каждый просто секс-символ. А прижмет по-настоящему — и становятся тише воды ниже травы, каждый звук ловят.

Она вздохнула. Интересно, с девчонками так же? Если по-настоящему влюблена в парня, как это? Вспомнился вдруг Славка — странный парень из другого города, встреченный каких-то полчаса назад: смех, прямая фигура, странный немигающий взгляд, уверенность в каждом движении.

Ленка вздохнула снова и подлила себе еще варенья.

Ночь. Схватка на пригородном мосту.

Тумана сегодня быть не должно — но он был, а значит, это не просто туман. Славка неспешно шагал по набережной, ориентируясь на горбатый силуэт моста, серебрившийся в лунном небе, над расплывшимся туманным морем. Странно: туман полз не от реки, а к реке, словно выливаясь из парка, отделявшего Болотов от федерального шоссе. И это усиливало отчетливое ощущение опасности.

Он не знал, почему идет сюда. Это было одним из умений, подаренных ему когда-то — безо всяких логических объяснений чувствовать, где в нем нужда и успевать туда.

Почти всегда успевать. Случаи, когда он НЕ успел, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Но о каждом из них он помнил. И не хотел, чтобы их становилось больше.

Последний раз он опоздал в 44-м. Против желания память подсунула картинку из прошлого — гулая пустота католического костела, куда он ворвался с отрядом. И кровь — везде, где только можно. В те дни люди словно сошли с ума — и, ЭТИ, чувствуя, что людям не до них, сошли с ума тоже. От безнаказанности, от обилия беззащитной добычи, от царившей уже не первый год жуткой атмосферы. Вот еще за что он ИХ ненавидел: за то, что ОНИ питались людской бедой, как люди — хлебом или мясом, летели на человеческое горе и толклись около него, словно мотыльки возле света... Кстати, поэтому всем названиям, которые выдумали для НИХ умные головы, Славка предпочитал древнее и емкое слово НЕЧИСТЬ.

Туман беззвучными водопадами сливался в реку, пленкой расстилался над поверхностью. Славка сошел с дорожки, приостановился. Вспомнил девчонку, которую спас недавно (интересно, поняла ли она, что ее спасли?). Она, конечно, уже дома. Спит или ест варенье. В сумке было много варенья, запах — добрый запах сада, таза над огнем, солнца — чувствовался даже через полиэтиленовые и металлические крышки. Он едва не попросил у нее баночку. Магазинное — совсем не такое.

Показалось — рот наполняется слюной. Если бы...

А девчонка эта — Ленка — теперь у него всегда будет ассоциироваться с запахами варенья и лета.

И все-таки — что его сюда привело? Может быть, надо идти в парк? Туда совсем не хотелось. Туман был единственной вещью, которая делала его полуслепым. Кроме того, туман ломал звуки. А если еще это и непростой туман... Так в парк, что ли?

На мосту появились несколько человек. Раз... два. Двое что-то несли — длинное, похожее на свернутый ковер. Позади шли во всю ширину моста еще трое. Вот, похоже, и те, кого он ждет. Славка напряжился, но остался на месте. Нет, пусть спускаются вниз. На мосту с них станется бросить в воду груз — мальчишка не сомневался, что это человек, завернутый в ткань. Чтобы он не погиб, придется нырять, а эти успеют уйти. Упускать же их Славка не был настроен...

...Его подвело то, что парень на мотороллере — сейчас их называют скутерами, но Славка не мог привыкнуть к этому названию — появился не по дороге, а съехал головокружительным, почти отвесным откосом буквально к мосту, нос к носу с пятеркой, тащившей груз. Умело, еще на ходу соскочил, откинул подножку — в руке черным штрихом

возникла монтировка, и Славка услышал:

— А ну, козлы, стой, я сказал!

Громкий мальчишеский голос. Неизвестный ездок был не робкого десятка, подумал Славка, уже приближаясь бесшумными, непредставимыми для обычного человека пятиметровыми скачками — вот так ночью преградить путь пятерым явно криминальным личностям... Люди, наверное, опешили бы. И дали Славке десять-пятнадцать секунд, которых ему не хватило — как же он ругал себя на бегу за то, что решил дожидаться, пока они спустятся с моста!

Парень с монтировкой, бедняга, должно быть, ничего не успел и понять-то. Страшной силы удар отбросил его на скутер, опрокинул наземь. Металл звонко задребезжал на асфальте. Рослая серая фигура склонилась над лежащим, послышалось громкое сопение, фырканье — и сиплый голос пролаял:

— Берем и его. Машину — в реку, живей... — и нетерпеливое: — Хррраа...

Злость на свою оплошность помогла совершить последний — вовсе уж невероятный — прыжок. Серая мерзость, склонившаяся над лежащим парнем, что-то почуяла в последний миг, выпрямилась мгновенно... но слишком медленно для Славки. Удар, пришедшийся прямо в основание плоского, поросшего серой короткой шерстью остроухого черепа был точным и беспощадным — сухо хрустнуло, тварь молча осела, а Славка, приземлившись на широко расставленные ноги, процедил:

— На охоту вышли? Будет вам охота.

Растерявшиеся в первую секунду, четверо оставшихся молча окружали Славку. Они больше и не пытались притворяться людьми — длинные нелепые плащи сползали с них, открывая серую шерсть, узловатые когтистые лапы, узкие клыкастые морды с горящими алым огнем глазами. Так себе, мелочь, ночные добытки, не первый ранг. Один из них, почти совсем трансформировавшийся, прорычал еще получеловеческой глоткой:

— Не боишься умеррррреть, че-ло-век?

— Мертвые не умирают, — удачно лег на ответ древний девиз Охотников. Славка увидел, как расширились ноздри у тех, что стояли ближе — и алое сияние глаз потускнело. Твари не уловили главного для себя — ЗАПАХА. Хоть какого-нибудь ЖИВОГО запаха. И они — УЗНАЛИ ОТВЕТ.

Вот это и был самый нужный, самый выгодный момент. Серебряная молния вылетела из левого рукава Славки. Пробитый зазубренной стрелкой пружинника оборотень еще выл, распадаясь, стонущим голосом, а второй уже полетел с визгом в такую страшную для них текучую воду, выброшенный через перила безжалостным ударом ноги — и третий захрипел, зажимая дымящуюся полосу на шерстистой груди — там, куда пришелся выскочивший из правого рукава длинный узкий клинок. Второй удар прервал хрип. Последний успел отскочить из-под размашистого обратного удара.

Для стороннего наблюдателя схватка на мосту выглядела бы мельтешением теней. И Славка, и его противники двигались в шесть или семь раз быстрее обычного человека. И все-таки мальчишка для своих противников был слишком быстр и гибок. Последняя тварь поняла это. Она попыталась проскользнуть вдоль перил, но Славка преградил ей путь — кончик серебряного клинка качнулся перед произвольно оскалившейся пастью.

— Не убивай, — пролаял оборотень.

— Кто послал? — спросил мальчишка, приближая клинок так, что шерсть на морде затлела. Тварь дернулась и твякнула, потом заскулила:

— Маардай... Маардай... не убивай!

Славка оскалился не хуже оборотня и вогнал клинок ему в пасть. Зубы судорожно лязгнули о серебро. Отвратительно запахло кипящей плотью, глаза твари выпучились и лопнули, а через миг с клинка соскользнул подобранный на помойке пустой плащ.

Славка скривился, толчками ног собрал вонючее, дымящееся барахло в кучу, столкнул в воду. Подняв руку, убрал клинок — тот послушно, как живой, втянулся в рукав. Теперь можно было посмотреть, что с людьми.

Ковер оказался просто свертком мешковины. Внутри лежала девчонка одних лет со Славкой... с Ленкой, поправился он, усмехнувшись. Красивая, лицо безмятежное — спит. А проснулась бы она... при мысли о том, где она могла проснуться, что ее ожидало и каково пришлось бы ей перед смертью, Славка пожалел, что врагов было всего пятеро.

— Все будет хорошо теперь, — он коснулся ее лба пальцами, превращая наведенный сон в обычный. Скоро ночная прохлада ее разбудит, и она удивится тому, что спит на мосту... Парень — что с ним?

Мальчишка дышал, но на губах у него вскипали пузырьки крови, лицо было зеленоватым, глаза запали. Сломанное ребро проткнуло легкое. Сотрясение мозга, перелом таза — фиксировал Славка, опустившись на колено. И удовлетворенно хмыкнул — будет жить. И жить, и гонять на своем скутере, и с девчонками целоваться. Кстати — а это не его ли девушка? В любом случае, заслужил. Сейчас не на каждом шагу встретишь таких. В больнице ему валяться не миновать, но от самого опасного избавить его можно уже сейчас...

Славка положил руку ему на грудь и почувствовал кожей, как в глубине лежащего перед ним тела из распоротого легкого вышла и встала на место, схватилась кость — а рана тут же затянулась. Мальчишка тихо закричал, не приходя в сознание, дернулся. Можно вылечить и сотрясение, и таз срастить — так, что он только оглянется удивленно, когда в себя придет. Но тогда сам Славка отсюда, будет уползать ползком. А ночь еще не кончилась.

Ощущение опасности было похоже на порыв ледяного ветра. Славка вскочил на ноги, инстинктивно повернулся туда, откуда грозила беда...

...Высокий человек стоял около первых деревьев парка — туман клубился у его ног, а за плечами сгущалась, шевелилась, поблескивала угольно тьма. Какие-то тени нависали над его плечами. Выглядел человек совершенно обычно — молодой мужчина лет за тридцать, но не сильно «за», хорошо одетый. Казалось, его ждет неподалеку дорогой автомобиль. Он рассматривал Славку с интересом.

— Маардай, — сказал Славка. И остро пожалел, что потратил силы на двух человек, лежащих у его ног. Может стать так, что сейчас они все-таки погибнут... и перестанет существовать он, Ярослав. — Доброй ночи, Маардай.

— Доброй ночи, Ярослав, — голосом тоже совершенно человеческим откликнулся стоящий в тумане. — Так ты и вправду в городе? А я не поверил. Через десятки руки дошло, знаешь ли... Опять ты мне охоту сорвал. Что ж ты не уймешься никак, а? — он улыбнулся, сверкнули одинаковые острые зубы, шедшие в два ряда, как у акулы. — Ну я понимаю — раньше. Люди были дикие. Нас было много. Готов даже признать — слишком много. Вот тогда ваше дело имело смысл. А сейчас — что от нас вреда-то? — Маардай снова улыбнулся нормальными человеческими зубами. — Да все, кого мы за год по всему миру убьем — столько людей на какой-нибудь войне за день убивают, сами, без нашей помощи! Что я тебе-то рассказываю, ты не меньше моего видел...

— Люди со своими делами сами разберутся, — тоже улыбнулся Славка. — А здесь никакой войны нет. И вам тут не место.

— Тебе место? — удивился Маардай. — Ты же труп, Ярослав, ты что, забыл? Или сегодняшняя девчонка тебе крышу сорвала?

— Хватит, — оборвал его Славка, и лицо Маардая исказила гримаса ярости: — Хочешь их забрать — иди, попробуй.

Маардай качнулся вперед, туман заструился быстрее, тьма над плечами обрела форму широких крыльев... но тут же отпрянул. И покачал головой — снова с улыбкой:

— Нет. Не сейчас. Не хочу рисковать. Мы еще увидимся, Ярослав. И я тебе обещаю, что найду способ сделать так, чтобы твои собственные крики разорвали тебе горло. Даже для мертвецов есть такие способы, поверь.

Славка кивнул — он это знал. Когда же он поднял голову — залитая лунным светом опушка была пуста. А по набережной быстро приближались огни двух скутеров.

День. Молодежное кафе «У Шварца».

На экране большого телевизора — «домашнего кинотеатра» — Арнольд Шварценеггер сошелся в последней смертельной схватке с инопланетным охотником-Хищником. Часть посетителей внимательно наблюдала за происходящим, обмениваясь негромкими, но азартными репликами. Шварценеггером в кафе было переполнено все — по стенам висели цветные фотографии-кадры из фильмов, предметы обихода героев звезды Голливуда и министра США по физической культуре, в стеклянной витрине рядом со стойкой лежали календари, майки, бейсболки, сумки и прочий ширпотреб с надписями и рисунками, посвященными его нелегкому кинематографическому пути. «У Шварца» пользовалось популярностью не только среди фанатов киноактера, но и просто среди подростков — именно тут продавали самое вкусное мороженое и устраивали по субботам самые лучшие дискотеки.

Витька, Серега, Ленка и Катька сидели за столиком около большущего окна, из которого открывался вид на тенистую улицу. Катька без умолку трещала, в сто первый раз пересказывая обстоятельства странной истории, с ней произошедшей. Серега, вздыхая, кисло смотрел в вазочку с мороженым. Ленка поглощала вторую порцию, кидая ехидные взгляды на брата.

Витька против обыкновения не слушал Катьку, хотя обычно готов был часами внимать любой ереси, которую она изрекала. Но сейчас его куда больше занимал Ник, которого он навелstil полчаса назад в больнице...

...В палату Витьку не пустили. Да он и не рассчитывал, сунулся больше для очистки совести. Когда дежурная медсестра дала от ворот поворот, мальчишка обогнул через больничный сад двухэтажное здание из серого гранита, пошлялся под окнами, огляделся и, решительно подойдя к пожарной лестнице, одним духом взлетел на карниз второго этажа. Два шага с распластанными по стене руками — и он переваливается через подоконник в открытое окно пустого и прохладного коридора травматологического отделения. Конечно оставался риск, что его все-таки засекут и выставят, да еще и решат вообще не пускать больше. Но кто виноват, что от Колькиных родаков ничего не добьешься толком? Одни вздохи да причитания. Короче, лучше не ждать милостей от природы, а взять их самим.

Примерно в таком ключе рассуждал Витька, поочередно и очень аккуратно заглядывая в двери палат, на которых не оказалось номеров. Родаки говорили, что Ник загорает в третьей, только вот где эта третья?

В одной палате двое смурных мужиков играли в шахматы. Третий лежал на животе и однообразно храпел. Всех троих Витька немного знал — это были работяги с лакокрасочного, попавшие сюда после того, как пять дней назад там взорвался бак с окислителем. На скрип двери никто из них даже не обернулся — как видно, они давно не ждали от жизни ничего хорошего.

Во второй палате среди коек, на которых лежали свернутые в трубочку тощие полосатые матрасы, сидел на коробке из-под «Комбата» скучный рыжий таракан. Увидев мальчишку, он оживился и зашевелил усами.

В третьей целовались среди таких же коек медсестра и студент-практикант из областного ВУЗа. Год назад Витька непременно сказал бы какую-нибудь гадость, но с тех пор в его личной жизни произошли резкие изменения, и к целующимся он стал относиться с уважением.

В четвертой лежал один-одинешенек Ник.

Витька даже испугался, увидев его. В палате Ник был один (хотя вообще-то вторая кровать была застелена, и на тумбочке лежали кое-какие вещи — скорее всего, сосед Ника вышел). Голову охватывала плотная белая повязка. Глаза были закрыты, вокруг них чернели круги — признак сотрясения мозга. Простыня прикрывала мальчишку до груди, но Витька различил, что ниже пояса друг целиком закован в гипс. «Ну да, у него же таз сломан,» — подумал Витька, тихо входя и чувствуя необычную жалость к беспомощному Нику.

Тот никак не отреагировал на негромкие, но достаточно слышные в тишине палаты

шаги, и Витьку пробрало холодком: а вдруг он умер, никто и не заметив! В газетах писали и по ящику показывали про больницы такое, что вполне могло случиться...

Ник открыл глаза.

— Живой! — обрадовался Витька, словно его фантазии и впрямь стали реальностью. И тут же зажал себе рот, испуганно оглянувшись на дверь. Сонный покой больницы не всколыхнулся, и мальчишка сел на край кровати: — Привет. Извини, что не принес ничего — как знал, в окно пришлось лезть.

— Ерунда, — очень тихо сказал Ник и снова закрыл глаза, слабо улыбнувшись.

— Тебе что, плохо совсем?! — забеспокоился Витька, но его друг чуть скривил губы:

— Нет, ничего, просто долго разговаривать трудно. И когда глаза открыты, то все кружится — дерьмово так... Со мной даже менту, который приходил, разговаривать почти не дали — доктор над душой стояла. Да, все равно... он мне не поверил...

— Про что? — удивился Витька. Вместо ответа Ник спросил:

— А Ленка?

— Она придет, — со всей возможной убедительностью ответил Витька, мысленно обложив свою сестру нехорошими словами. — Пускать к тебе станут, она обязательно придет. И другие...

— Не надо, — веки Ника вздрогнули. Витька не понял:

— Чего?

— Не надо, чтоб приходила. Я не хочу. Ну, пусть не видит меня... так. Да ко мне еще долго никого не пустят. Вон, только маме разрешили. Она и спит тут.

Витька понял, кому принадлежит вторая кровать. Он, если честно, не знал сейчас, что еще говорить. То есть, одну вещь нужно было сказать обязательно, вот только ребята его возраста редко говорят друг другу такие вещи, а если и говорят, то очень стесняются. И все-таки Витька, собрался с духом.

— Коль, — тихонько позвал он, сказав настоящее имя Ника. Тот дрогнул ресницами: слышу. — Коль, спасибо тебе... ну, я не знаю — огромное, что ли. Мент, который к нам приходил, знаешь что сказал? Оказывается, с начала лета по району семнадцать пропаж людей. Столько никогда не было. И они никого не нашли из пропавших пока. Думают, что это сектанты какие-то. Катку вроде бы прямо во дворе ждали и чем-то ее обрызгали — экспертиза говорит, органическое вещество усыпляющее... — Витька почувствовал, как его заносит в словесные дебри и решительно прервал сам себя: — Короче. Если бы ты один на пятерых не бросился, то Катюху я бы больше не увидел, наверное. А я... в общем, спасибо тебе. Ты, наверное, герой. Мент говорил, что ты, наверное, драться с ними стал монтировкой, потом они тебя по затылку ударили сильно, а сами испугались или еще что — Катку бросили и убежали.

Ник открыл глаза. И вдруг с усилием четко и уверенно сказал:

— Все было не так. Я и менту говорил, но он не поверил. А у меня нет никакой амнезии. Ты можешь сейчас сгонять за медсестрой, чтобы мне успокоительное вкололи, только выслушай — я правду говорю! Я правду говорю, а мне не верят, только по головке гладят и фигню разную слюнявую бормочут!

— Не волнуйся, не волнуйся, ты что?! — испугался Никовой вспышки Витька: — Я слушаю. Слушаю же, ну! Закрой глаза...

— Да постой ты, — Ник держал глаза открытыми: — Я правда на них с монтировкой... Думал: вы же недалеко, сейчас отмахую одного-двоих неожиданно, а там подоспеете с Серегой. Только... — Ник сглотнул: — Вить, понимаешь, это были не люди. Один из них ко мне так прыгнул и ударил. Не по затылку, а... куда-то, не помню — куда. И все. Я вырубился наглухо.

— Это тебя одним ударом так? — недоверчиво спросил Витька и осекся. Помолчал секунду, вглядываясь в лицо друга и повторил: — Это были... кто?

— НЕ ЛЮДИ, — раздельно повторил Ник. — И мне по фигу, веришь ты, нет — только дослушай, я тебя. прошу. Это были оборотни. Как из «Серебряной пули». На двух ногах, в

плащах, но как волки.

— Маски, — предположил Витька осипшим голосом. Почему-то он в тот момент не усомнился в том, что Ник на самом деле что-то ВИДЕЛ. — Маски, как те, которые Серега из Москвы привез. Помнишь, в январе физичка чуть двойню в коридоре не родила?

— Не бывает таких масок. Не то что в Москве — даже в Голливуде, — Ник упорно держал глаза открытыми, и были они умоляющие, и умоляли об одном: доказать ему, Нику, что все, им виденное, — и вправду чушь. Доказать... или поверить. — И еще запах. Как от огромной мокрой собаки. Я его даже лучше, чем так... глазами помню.

— Коля... — осторожно сказал Витька и замолчал, глядя в пол. Потом добавил: — Ты пойми — не бывает так. В жизни так не бывает.

— Может, им только на руку, что не бывает, — пошевелил губами Ник. Еле слышно, Витька уловил сказанное по движению губ: — Вить, я боюсь. Я не за себя. Вить, это они крадут людей. По-моему, они обосновались в нашем городе. Вить, они... я их видел, правда видел. Они ЕСТЬ, Вить. Они ЗДЕСЬ, понимаешь, Вить, Вить! Они любого... могут...

— Коля, по-моему, тебе плохо, — осторожно прервал его Витька, но Ник скривился и простонал:

— По-до-жди-и... Потом — что хочешь... думай. Дослушай, — он немного бессознательно играл в героя боевика, произносящего свои последние слова за миг до смерти, но слова эти были серьезны, и Витька послушно замолчал:

— Я потом в себя ненадолго приходил. От боли. Помню, что очень-очень больно стало, я даже закричал и глаза приоткрыл. Человек. Там был человек. Он надо мной наклонялся. Ему луна в спину светила, лица совсем не помню, только по-моему, это тин. Нашего возраста. Вот тут, — рука Ника скребнула простыню на груди, — у него надпись. Фосфорес... фос... светящаяся. Два слова: «ВСТРЕЧАЙТЕ ДОКТОРА!»

— Встречайте доктора? — тупо переспросил Витька...

...Он усомнился в том, что Ник бредит, именно после этих слов. Если Витька хоть что-то понимал в том, что такое бред — то в бреду не может быть ничего четкого, точного.

Очень хотелось Витьке уехать. Вечером вместе с Ленкой на дачу. Предки будут до потолка прыгать. Можно и Катку с собой сговорить. На недельку. Даже нужно. Нечего ей тут оставаться. Только пусть мать ее родакам позвонит, нажмет на чистый воздух, природу и постоянный контроль.

«Я что, боюсь? — вдруг подумал Витька удивленно: — Я... поверил?!»...

... — Вить, сделай что-нибудь, — громко сказал ему Ник уже в спину, и Витька оглянулся. Ник смотрел на него с подушки из своих бинтов: — Витек, сделай что-нибудь. Я правду говорю! Я правду говорю! Семнадцать человек — это не все! Будет больше! Вить, я правду говорю!!!

...Витька передернул плечами и поднял глаза. Катюха смотрела, с обидой:

— Ты меня не слушаешь, — заявила она и надулась. Ленка ехидно хихикнула. Витька сердито сказал:

— Сходи к Нику, как пускать начнут. Слышишь, Лен?

— Может, и схожу, — независимо отозвалась Ленка. — Ну, мы еще будем тут сидеть — или пойдем? Мне же вещи на дачу собрать нужно.

Ей показалось, что брат что-то хочет сказать — во всяком случае, он уже открыл рот, но тут же тряхнул головой и снова закрыл его.

Все четверо поднялись. Серега, поставив на стул ногу в кроссовке и перетягивая шнурок, убито сказал:

— Не, вы как хотите, а я типа виноватым себя чувствую перед Ником. Дернуло нас перед этим мостом разбежаться. Вот теперь он на кровати загорает. Ну не, я к нему тоже сползаю, чего ждать, пока пускать начнут, туда-сюда...

«А если бы мы не разбежались, что было бы? — мысленно спросил себя Витька. — Может, мы сейчас все лежали бы в палате с Ником? Или на кладбище. Молча и неподвижно. Нет, не на кладбище — хоронят ведь на третий день...» Он вдруг отчетливо представил себя

в гробу в своей комнате — и это было так страшно, что он уронил на пол куртку Катьки, которую подавал ей.

— Ты сегодня вообще, — обиженно заявила Катюха и сорвалась к выходу, на бегу натягивая куртку. Витька проводил ее рассеянным взглядом.

Около дверей девчонка врезалась в рослого молодого мужчину в хорошем пиджаке. Тот с улыбкой негромко сказал: «Па-ардон, милая барышня», — и, посторонившись, подождал, пока она выйдет, внимательно осмотрел зал кафе. Решительно направился к стойке, больше ни на кого не обращая внимания...

... — А где его машина? — спросила Ленка, когда они вышли в жаркий июньский полдень.

— Чья? — не понял Серега.

— Того мужика, которого Катька чуть не завалила, — пояснила Ленка.

— А с какого перепугу у него должна быть машина? — удивился Серега. Ленка со смехом пожала плечами:

— Не знаю. Просто он так выглядел, словно его тут «линкольн» ждет... Ну что, разбегаемся? Ты бы хоть на дачу к нам заглянул, Серый.

— Жизнь затоптала, — философски ответил Сергей. — Она типа требует, чтобы я зарабатывал на нее.

— Кто? — очнулся Витька.

— Жизнь! — заржал Серега. — Ну, может, и попробуюсь. Огородами. Типа ждите. Витек, так ты отчаливаешь сегодня? Что Катюхе передать?

— Я не знаю, может, еще и не поеду, — Витька махнул рукой. — Увидимся. Пошли, Лен...

День. Старое городское кладбище недалеко от города Болотова.

Витька топал рядом молча, сунув руки в карманы джинсов, и Ленка видела, что там — в карманах — они сжаты в кулаки. Лицо брата выглядело так, словно они шли не из кафе, а с похорон. Чтобы развеселить Витьку, Ленка начала рассказывать ему о событиях прошлой ночи, но обнаружила, что Витька не слушает ее до такой степени, что даже не считает нужным поддакивать, обиделась до предела, и замолчала, мстительно думая: вечером уедет, и пусть этот кретино-бамбино торчит в городе с Катюхой, которая на него обиделась, пока уши не посинеют. А варенье возит и с уговорами ездит пусть кто-то другой. И пусть...

— Ой, — непроизвольно вырвалось у Ленки.

— Что? — молниеносно и резко обернулся Витька.

— Вот, — Ленка указала себе под ноги.

На тропинке — а точнее, у самого забора, ограждавшего кладбище, в пыльной траве — лежали три или четыре шарика. Ленка заметила их только потому, что смотрела вниз. Витька хмыкнул:

— Подшипники... — но все-таки нагнулся — шарики посверкивали очень заманчиво, словно разбежавшиеся капельки ртути. Как и большинство мальчишек, Витька и сам не знал, зачем собирает разную металлическую дребедень вроде тех же подшипников, болтов или гаек. Но — собирал.

Шариков оказалось четыре — один закатился к самому забору. Все еще сидя на корточках, Витька, сложил их на ладонь и поднял глаза на Ленку:

— По-моему, это серебро, — неуверенно сказал он. — Тяжелые очень... и без никелировки, а блестят.

— Разве бывают серебряные подшипники? — удивилась Ленка. Брат выпрямился и пожал плечами:

— Не знаю. Может, это и не подшипники. От украшения какого-нибудь.

— Наверное, вернуть надо, — предположила Ленка, беря один шарик. Он оказался на самом деле холодным и увесистым.

— Кому? — усмехнулся Витька.

— Мне.

Брат с сестрой обернулись испуганно — они не слышали шагов, произнесший короткое слово человек словно бы из воздуха сгустился. И теперь стоял буквально в шаге от ребят, скрестив руки на груди.

— Славка? — удивленно и вроде бы обрадованно захлопала глазами Ленка. Витька покосился на нее недоуменно — он увидел лишь своего ровесника в джинсах и джинсовой куртке, рослого, широкоплечего и симпатичного (зависть кольнула ему сердце, но тут же ушла — мальчишки не умеют завидовать так, как девчонки, для которых даже лучшие подруги — объект для состязания) и удивился, что Ленка его знает, а мальчишка, весело и открыто улыбается ей. — Вить, это Славка, я тебе про него рассказывала! — Ленка повернулась к брату, взглядом приглашая хотя бы изобразить радость.

— Когда? — искренне удивился Витька, подбрасывая шарики на ладони. Ленка возмущенно приоткрыла рот:

— Да сейчас! Последние десять минут тебе втолковываю, как я вчера домой возвращалась и на меня собака напала, а вот он меня проводил! Ну ты конкретно с глушняком дружишь!

— Я задумался, — чувствуя себя редкостно глупо, ответил Витька. И, шагнув вперед, протянул руку: — Виктор.

— Ярослав, — рука у мальчишки была холодной и твердой, очень сильной, но он явно не стремился специально демонстрировать силу. — Это правда мои шарики, — он порылся в кармане джинсов и показал еще три таких же, как найденные братом и сестрой.

— Что смотришь? Отдай, — скомандовала Ленка, опуская на ладонь Славки тот шарик, который держала в руке. Витька, помедлив, высыпал свои, и Славка быстрым движением, не глядя, сбросил шарики в карман.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Наверное, просыпал вчера ночью. Утром хватился — нету, пошел искать.

— Славка — приезжий, он любит гулять по ночам и не боится собак и кладбищ, — пояснила Ленка вроде бы насмешливо, как обычно говорила с мальчишками, но Витька достаточно хорошо знал сестру, чтобы различить за насмешкой легкое смущение и желание завязать разговор.

— Вы идете домой? — дружелюбно спросил Славка.

— Ой, пошли к нам! — вдруг обрадовалась Ленка. Посмотрела на брата, ища у него поддержки: — Правда, пошли?

— Спасибо, — покачал головой Славка, — я бы с удовольствием, но у меня дела. Правда, очень важные. Может быть, я зайду попозже, я же помню адрес.

— Я вечером уезжаю, — протянула Ленка. — На дачу.

— Одна? — беспокойно спросил Славка, и Витька вмешался:

— Я ее провожу до остановки. А что?

— Ничего, просто у вас не очень спокойный город по ночам, — Славка посмотрел в упор, и этот взгляд Витьке не то что не понравился... скорее показался странным. — Много бродячих собак и прочей... нечисти.

— Может, ты дашь мне адрес — ну, где ты живешь у нас? — клянчила Ленка, и Витька понял, что совершенно не узнает насмешливую и неприступную сестру. Черт, неужели и он так же глупо выглядит со стороны, когда разговаривает с Катюхой?! А сестричка между тем продолжала чудить: — Ты можешь и сам зайти — я вернусь дня через три...

— Может быть, зайду. Если не будет дел, — осторожно ответил Славка, и Витька немного разозлился — ему не понравилось, что этот парень словно нарочно мучает сестру.

— Какие дела летом? — спросил он. — Или у тебя семья, дети и три жены? Может, работа важная?

— Скорее работа, — не отреагировал на подначку Славка. — Сдельная, так что свободного времени не очень много. Но я правда постараюсь зайти.

— А ты у нас долго пробудешь? — наседала. Ленка. Славка пожал плечами:

— Не меньше месяца. Может, больше.

— Ты сам откуда? — поинтересовался Витька. Славка ответил:

— Приехал из Болгарии. Через Белоруссию.

— Из Болгарии?! — изумилась Ленка. — Ты там живешь, что ли?

— Я оттуда приехал, — повторил Славка и не стал развивать тему Болгарии, отделиваясь общими замечаниями и междометиями в ответ на все вопросы Ленки, а потом, едва они дошли до огородов, быстро попрощался и свернул налево по тропке. Ленка остановилась и долго смотрела ему в спину, так душераздирающе вздыхая, что Витька не выдержал:

— Гнать он мастер, Лен. Из Болгарии!

— Ничего ты не понимаешь, — с пафосом ответила Ленка, и Витька рассердился:

— Отлично понимаю, что ты в него втрескалась под корень!

— Я?! — это слово перешло у Ленки в какой-то взвизг, настолько велико было ее возмущение: — Да нужен он мне... нужен он мне... как... Дурак ты, Витек, и майка у него как ты — дурацкая! Нужно по колено резиновым быть, чтобы такую лажу заказать, наштамповать и на груди таскать: «Встречайте доктора!»

— ЧТО?! — Витька развернулся к сестре так, что из-под кроссовок полетела вырванная с корнем трава...

...Ярослав видел, как этот парень, Витька, пролетел буквально в двух шагах от него, выскочил на дорогу, огляделся и, кажется, плюнул в сухую пыль. Когда возвращался, лицо у него было хмурое и недовольное. Интересно, что ему нужно было? Ярослав совсем было собрался выйти из кустов и поинтересоваться, но напомнил себе, что таких контактов должно быть как можно меньше. Если нельзя, чтобы их не было вообще — то свести до минимума. Никого, нельзя втягивать в ЭТИ дела, а он и так уже втянул — Мишку. Кстати, он должен ждать.

Повернувшись, Ярослав бесшумно пересек пыльные кустики и, проникнув сквозь дырку в заборе, оказался на территории кладбища, уже хорошо ему знакомой. Внезапно с грустью подумал, что с каждым годом, на свете остается все меньше и меньше незнакомых вещей и мест. Вот и из этого города он уедет — и, если когда-то вернется, Болотов уже не будет для него НОВЫМ. И это печально. Временами ему начинало казаться, что он — просто экспонат музея. Посетители приходят и уходят, меняются лица, а он стоит на стенде под стеклом и наблюдает, наблюдает...

В Америку отсюда уехать, что ли? В Америке он еще не был.

Мишка сидел на скамейке около одной из могил и со вкусом ел подгнивший банан. Широко расшнурованные кеды стояли рядом. Славка оперся руками на могильную оградку и тихо свистнул.

Мишка подхватился, но, увидев Славку, заулыбался и махнул банановой шкуркой:

— Привет! А я жду, жду... Нашел шарики?

— Ребята нашли, — Славка обошел могилу и сел на скамейку. — Миш...

— Чего? — от того, что бомжонок снова вгрызся в банан, у него получилось «кхрчехо?»

— Не хрюкай, — машинально сделал замечание Славка и вытянул ноги, откинулся на оградку, не зная, с чего начать. — Миш, у тебя совсем никого нет?

Мишка помрачнел — почти видно было тень, набежавшую на мгновенно посерьезневшее лицо. Он швырнул шкурку за ограду, вытер руки о штаны и коротко ответил:

— Совсем.

— Миш, ты на улице пропадешь, — тихо сказал Славка. — Это точно.

— Ничего со мной не случится, — так же угрюмо буркнул Мишка. — Тут же тихо. Это в больших городах — там да...

— Сколько еще можно так жить? — спросил Славка. — Год? Два? Десять? Или всю

жизнь по помойкам будешь скитаться? Ты подумай, Миш.

Бомжонок сопел носом. Наверное, думал — это он умел. И вдруг вскинул с надеждой голову:

— Слав, — он заглянул прямо в немигающие глаза Ярослава, чего не каждый взрослый смог бы, — а можно я с тобой? Куда ты — туда и я. Ты же сам говорил, что я полезный для тебя. Я в любую щелочку... куда угодно! Если хочешь, я вроде как слугой у тебя буду...

— Со мной? — переспросил Славка, поняв, что начинается самое неприятное — ему предстояло гнать от себя младшего, всем сердцем прикипевшего к нему — старшему, сильному, умному, храброму... — Куда со мной?

— Куда ты — туда и я, — мотнул головой Мишка.

«А что? — вдруг мелькнула мысль. — Почему бы нет? Документы, деньги? Не проблема... Такое ведь было, это не первый случай!»

ТЫ СИЛЕН, ПОКА ТЫ ОДИН. КАЖДАЯ ТВОЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ — СЛАБОСТЬ, ЩЕЛЬ В БРОНЕ. ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ МААРДАЙ УЗНАЛ ПРО НЕГО? ТЫ ДУМАЕШЬ, ЭТО БУДЕТ ТРУДНО?

Если бы Славка мог испытывать страх — можно было бы сказать, что он испугался. И отрезал:

— Нет. Со мной нельзя.

— Запрещают, да? — Мишка против ожидания не обиделся. Славка удивился:

— Кто запрещает? Ты про кого, Миш?

Мишка таинственно огляделся по сторонам. Посмотрел вверх, на кроны деревьев. И, наклонившись к Славке, прошептал:

— Начальство. Слав, я ведь давно догадался. Ты из ФСБ? Я читал про то, что у них есть агенты-мальчишки...

Славка мысленно выругался. Эта легенда успела навязнуть ему в зубах — менялись только названия спецслужб. Великого Государя Приказ Тайных Дел. Министерство Иностранных Дел Российской Империи. Этнографический комитет при Институте Востоковедения. «ОсвАг»².

И в то же время — Мишка очень удачно сбился на неверный путь. Теперь можно было о нем и вправду позаботиться, не подвергая риску.

— Не ФСБ, — серьезно сказал Славка. — СВР, Служба Внешней Разведки, и больше ничего не спрашивай.

— Блин, — замирающим от восторга и сладкого ужаса голосом ответил Мишка. — Так и знал.

Славка полез в карман джинсовки и достал бумажник. Вытащил из него три... пять... восемь лиловых пятисотенных бумажек, из другого отделения — восемь сотенных долларовых купюр.

— Это тебе, — отрывисто сказал он, протягивая деньги мальчишке. — Сейчас поедem приводить тебя в порядок, а вечером ты поедешь далеко отсюда. В город Псков к одному очень хорошему человеку. Он о тебе позаботится.

— А ты? — спросил Мишка, не беря деньги. — Ты приедешь?

— Нет, — коротко и честно ответил Славка.

Мишка моргнул. Скривил губы. И, обхватив старшего, мальчишку за плечи, расплакался навзрыд — как не плакал, наверное, уже давно... с тех пор, как из его жизни исчезли, ушли те, по кому можно было плакать.

Поздний вечер. Привокзальный парк.

² Перечислены спецслужбы России в разные исторические периоды. Приказ Тайных Дел, основанный в XVII веке царём Михаилом Романовым. МИД и Этнографический комитет — спецслужбы XIX — нач. XX веков. «ОсвАг» — контрразведка и разведка Добровольческой Армии белогвардейцев в 1918-1920 годах на юге России.

Мишка уехал почти час назад. Притихший, в новенькой одежде, с модным рюкзачком, причесанный и ухоженный, может быть, впервые в жизни — с билетом, имея в кармане деньги и письмо к одному из немногих людей, которым Ярослав верил безоговорочно и твердо — священнику псковской церкви. Тот позаботится о мальчишке и возьмет грех на душу — не станет разрушать легенду о юном агенте ФСК, принявшем участие в судьбе бомжонка.

«Даже лучшие из нас все еще подвержены человеческим чувствам, — подумал Славка. — Хотя это — поводок, за который многих наших привели к гибели.» Сколько он себя помнил — каждый из его товарищей знал, что жалость, любовь, ласка, ненависть, упрямство — гибельны. И не было года, чтобы кто-нибудь не поскользнулся на них.

И не разбился насмерть, падая.

Славка усмехнулся: насмерть. Дико звучит применительно к...

Он не дал себе додумать.

Ярослав сделал глупость. Отправив Мишку, почти час просидел на ограде железнодорожного, перрона. Просто так, низачем, бездумно глядя, как идут составы, да выворачивают из-за угла большого серого здания автобусы — железнодорожный и автовокзал располагались рядом. Очнулся, только когда, начало темнеть, даже на открытых местах — а под кронами большого парка, и подавно сгущалась ночь. Пытаясь понять, зачем все-таки он уселся на эту ограду, Славка ощутил беспокойство, уловив полное отсутствие мотивов. А это могло значить лишь одно: расслабившись, он и сам не заметил, как поддался чужой воле, задержался в нужном кому-то месте на необходимый срок.

Необходимый для того, чтобы стемнело. И, возможно, собралось побольше нечисти.

Он хотел остаться на вокзале ночевать. Или подождать последнего дачного автобуса и, уехав подальше от города, обосноваться на чьей-нибудь пустующей даче: в июне еще можно найти такие. Но это значило — оказаться ночью не в городе, а вне его, не имея возможности подействовать на ситуацию. Тогда Маардай развернется вовсю. Ярослав решил проскочить на кладбище и приготовить по всем статьям. В конце концов — не так уж далеко...

...Он понял, что ошибся, как только вошел под кроны первых деревьев парка. Только что подошла электричка, но дорожки были пусты — больше сотни людей, не сговариваясь (и сами едва ли понимая — почему!) выбрали путь через рынок — дальше. В парке никого не было — ни единого ЧЕЛОВЕКА.

А ЭТИ даже не прятались.

Трое вошли в парк прямо следом за ним и шагали по тропинке метрах в десяти — в столь излюбленных нечистью длинных плащах, прикрывавших, наверное, уже начавшуюся трансформацию. Еще две тройки появились на боковых аллеях секунд через пять-десять. Что-то трещало и тяжело перепархивало в густых кронах деревьев — сразу в нескольких местах. И наконец, спереди, как неощутимым для обычного человека ледяным ветром, тянуло настоящей мощью: там ждал очень опасный противник. Не Маардай. Но кто-то более сильный, чем все «шестерки» вокруг.

Можно было резко повернуть и ломануться через кусты на улицу. Но Славка был уверен, что тогда они немедленно нападут — в зарослях у них будет преимущество. И продолжал шагать. Вспомнился анекдот про мужика, который на стук в дверь спросил: «Кто?» — «Смерть» — услышал он. — «Ну и что?» — спросил мужик. — Ну вот, в общем-то, и все...» — ответили ему.

— Посмотрим, — процедил вслух Славка. И недобро усмехнулся, почувствовав, как напряглись в страхе за свою суррогатную жизнь твари вокруг. Они его боятся — это хорошо. В конце концов, бывало и хуже.

Действительно — бывало. Память подсунула совсем недавний эпизод в заброшенной дальневосточной шахте... Хотя — там с ним была Любка. Вот бы ее сюда! Где носят чудеса жизни Любку-Любовь?

Вспомнилась и другая девчонка — Ленка. А еще подумалось, что она должна сегодня

уезжать на дачу именно тем автобусом, которым собирался ехать он. Может быть, она сейчас идет в обход парка и думает о нем, о том, что он обещал зайти...

Далеко впереди серовато светилась последним дневным приветом арка — выход на улицу. Но Славка уже знал, что туда не дойдет. По крайней мере — сейчас. Ключьями темноты по бокам арки стояли четыре твари. Не оборотни, не упыри — настоящие, природные *уводни*. Да, только Маардай мог вытащить из глубины дремучих лесов аж четырех представителей этого почти начисто истребленного племени, хранившего в себе лютую злобу к любой жизни.

Но и это было не самым страшным. В самой арке, расставив ноги и чуть пригнувшись, замер зыбкий, колышущийся силуэт.

Давно Ярослав не видел наведенного *встречника*. По правде сказать, он и не думал, что можно навести злого духа-мстителя на охотника. Чтобы появился и пошел на добычу встречник, нужен сложный колдовской обряд, но дело даже не в этом. Просто встречник идет лишь за живым, охотники от него застрахованы. Так было всегда.

Здорово постарался Маардай. Славка ощутил нечто вроде угрюмой гордости — как видно, он сильно досадил врагу. Сколько хлопот из-за него. А еще подумал, что СНАРУЖИ идущим людям наверное кажется, что в парке раньше времени настала ночь.

И еще подумал: хорошо, что Мишка уехал.

Он сбавил шаг. Остановился совсем. Тройки за спиной и по бокам бесшумно растянулись, замыкая кольцо. Деревья угрожающе потрескивали, и Славка с досадой подумал, до чего нынешние люди обожают сажать в парках разный мусор: то бессмысленные, нездешние пирамидальные тополя, похожие на обглоданные крысиные хвосты, то глупую бестолковку-красавицу березу, то добрую, но беспомощную яблоню... Ни дуба, ни рябины, ни хоть орешника — чтобы можно было встать спиной и не беспокоиться о нападении сзади и сверху! К дубу даже Маардай не сунется.

Он тряхнул правой рукой — в ладони сверкнул серебряный клинок, и нечисть попятилась, даже уводни. Только встречник не шелохнулся. У него нет и подобия жизни, ему не за что бояться, а хочет он лишь одного — убить того, на кого наведен. Левую руку в карман — сама собой налезает на нее перчатка, и шипы на костяшках пальцев загораются тем же холодным, чистым светом, что и клинок. И еще — пружинник в левом рукаве. Пять гвоздей-стрел с зубчатыми остриями, на торце каждой — древний знак Огня. Жаль, больше ничего не взял... Ну, шел-то не сражаться, а друга провожать.

«Счастливого пути, Миш,» — неожиданно весело подумал Славка и шагнул вперед со словами:

— Интересно знать, как вы со мной справитесь.

Встречник метнулся к нему, как черная молния. Поднимая меч, Славка успел заметить — идти в бой от предков завещано с шуткой на устах:

— Проклятое любопытство...

...В июне в одиннадцать еще светло.

Нет, это неправильно сказано. Темно, конечно. Но небо не черное, а подсвеченное недалеко еще ушедшим солнцем — и от того кажется, что ночь еще не наступила.

С Витькой Ленка разругалась окончательно — из-за, его придурочного поведения днем за огородами. Когда он рванул за Славкой, Ленка черт-те-что подумала, а дальнейшие объяснения брата вывели ее из себя — он нес такую пургу, что поверить мог только законченный шизик. Видя, что ему не верят, Витька и повел себя, как шизик — разозлился и умотал из дому непонятно куда. Когда он не вернулся к моменту отъезда, Ленка, было успокоившаяся, разозлилась снова, покидала в сумку вещи, которые просили привезти родители и пулей вылетела из дому, забыв о том, что нужно бояться.

Она не боялась и сейчас. До вокзала оставалось пересечь небольшой парк — было видно, как светятся сквозь листву вокзальные огни, слышался шум. Насквозь знакомый парк... в который почему-то очень не хотелось идти.

Пиная сумку коленом, Ленка остановилась около высокой арки, верх которой терялся

среди ветвей деревьев. За этой аркой было очень темно, и даже вокзальные огни казались какими-то далекими и призрачными. Похоже, парк сегодня вечером пустовал, хотя обычно в нем дни и ночи напролет можно было встретить людей — идущих на вокзал или с вокзала.

Ленка оглянулась. Люди были и сейчас, но они почему-то плавно огибали ворота и шли в обход, через базар. Этот выход ее вполне устраивал — девчонка уже сделала несколько шагов в ту сторону... и остановилась.

Да, ей не хотелось идти через парк. И в то же время какой-то голос внутри приказывал ей свернуть под арку. Станный голос — как будто кто-то ЗВАЛ ее. ИМЕННО ЕЕ.

Ленке стало не по себе. Разом вспомнилась не то что жуткие, но странные события прошлой ночи. И милицмейские данные о пропавших людях. Она посмотрела на часы — до автобуса оставалось еще полчаса. Даже если она решит вернуться домой, а потом пойти через базар — все равно успеет. Зачем ей лишние пять минут, выигранные на дороге через странную темноту парка?

Но как же быть с этим ЗОВОМ? Ее вдруг охватило странное ощущение: словно она уже бежит по тропинке между кустов, бежит, торопится... нагибается и видит...

Ленка оглянулась на группу ребят, проходивших мимо. Позвать, сказать, что в парке кому-то плохо? Ребята были едва знакомые, просто из одной школы, да еще и старшие. Посмеются. А еще хуже, если пойдут и никого не отыщут, Да и с чего она взяла, что там кто-то есть?

Она еще раз окинула взглядом улицу — уже не в поисках помощи, а просто чтобы придать себе храбрости. Поддержнула сумку и вошла под арку...

...Сразу со всех сторон окружила ее темнота. Странная, густая и неподвижная. Звуки отдалились, свет луны над деревьями поблек. Арка за спиной превратилась в смутный, пугающий силуэт. И в то же время неопределенное чувство того, что ее кто-то ждет, усилилось и превратилось в уверенность.

Под ноги попало что-то мягкое — Ленка в ужасе подскочила и тихо взвизгнула... Но это оказался просто длинный плащ. Странно... Неподалеку она различила еще несколько таких же плащей. Тянуло затхлостью, неживым, кислым тленом — словно открылась дверь в погреб, где долго без света и тепла разлагались вскрывшиеся банки солений. Над головой зашуршало — Ленка вскинулась и увидела смотрящие прямо на нее два алых глаза.

— Брысь, — тихо сказала девчонка. Глаза мигнули — медленно, плавно. Расстояние между ними было слишком большим даже для самой крупной кошки. — Мамочки, — пискнула Ленка и отсемила в сторонку, Глаза не шевельнулись, но и не исчезли.

— Уходи, — послышался из ветвей голос — вроде бы человеческий, но какой-то мяукающий, противный. — Уходи, человек, пока жив.

Ветви зашуршали, глаза приблизились, раздалось тихое хихиканье — отвратительное, больше голоса. Так мог хихикать злобный сумасшедший. Ужас, охвативший Ленку, был так велик, что она даже не закричала — уронив сумку, молча, шарахнулась в сторону в полной уверенности, что ЭТО в ветвях сейчас набросится на нее — и... и... дальше думать было страшно. Девчонка запуталась в одном из плащей и полетела наземь, больно стукнувшись затылком и локтем. Глаза спланировали вниз, на землю. Охваченная смертельным страхом, девчонка увидела, как из темноты поднялась широкоплечая фигура карикатурно напоминавшая человеческую.

Но ни шагу вперед сделать этот ужас не успел. Тонкий серебряный штрих пронзил ее насквозь с коротким мокрым хрустом. Раздалось мяуканье, исполненное боли, шипение, бульканье — и алые глаза, погасли.

Ленка вскочила, словно с нее упали невидимые веревки. Крутнулась на месте, собираясь бежать... и застыла, услышав знакомый голос:

— Помоги мне.

Голос принадлежал Славке! Это было так неожиданно, и странно, и... и радостно, что страх почти совсем отступил. Ленка дрожащим больше от волнения голосом спросила:

— Слав, это ты?

— Я, — слышался тот же голос, — Лена, помоги мне.

— Слав, что происходит? — с чисто девчоночьим упрямством добивалась Ленка, не трогаясь с места.

— Я ранен, — отозвался тот же голос. — Лена, помоги мне. Мне очень плохо.

— Где ты, я тебя не вижу! — сердито вскрикнула Ленка. — Тут же темно!

— Это не темнота, — оказал Славка. — Тебя просто заставляют не видеть, а на самом деле тут достаточно светло. Вот, я присмотрись — видишь?

И Ленка вправду УВИДЕЛА! Ночь вновь стала обычной лунной ночью, полосатой от теней деревьев. Лежали на поляне перед аркой странные плащи. Что интересно — от красноглазой твари не было и следа. А шагах в десяти всего, около кустов, лежал на боку Славка и смотрел на Ленку. Он улыбался своей бесподобной улыбкой кинозвезды — и первой реакцией Ленки была жгучая злость, потому что это оказался дурацкий розыгрыш... но потом Славка, не двигаясь и не переставая улыбаться, сказал:

— Лена, не бойся. Я не могу двигаться. На меня напали. Надо срочно уходить отсюда, иначе мы погибнем оба. Прости, что позвал тебя, но больше я ни до кого не могу дозваться в таком состоянии.

Ни его слова, ни тон их — сухой и отрывистый, очень взрослый — не вязались с этой улыбкой. Но теперь Ленка ему поверила. И подбежала, вскрикнув:

— Славик, что с тобой?! — это было ее мечтой уже сутки: назвать его «Славик». И она эту возможность использовала с чисто девчоночьим эгоизмом.

— Осторожно, — Славка мучительно пошевелился (как-то ВРОЗЬ, словно разладившийся Терминатор). В правой руке у него оказался короткий и очень яркий меч, при виде которого Ленка замерла, растеряв все желание отпускать реплики влюбленной героини сериала: — Не бойся. Помоги мне сесть. Только сесть.

Ленке стало страшно. Это был не прежний — смутный и полусказочный — страх. Это был конкретный и живой страх, что она сейчас посадит Славку, а у него из распоротого бока полезут кишки. Или окажется, что он лежит в лужище крови. Или еще что-нибудь такое же кошмарное.

Всхлипнув, она встала на колени и, уцепившись обеими руками за Славку, начала помогать ему садиться.

Славка больше не улыбался — он скалился. И был страшно тяжелый. Неживой. Вблизи Ленка различила то, что казалось ей игрой лунного света: модная куртка Славки была распорота вместе с майкой и... телом. В узкой ране, края которой почернели, как от ожога и широко разошлись, поблескивало розоватым ребро.

Парень на месте Ленки хлопнулся бы в обморок. Она была девчонка — девчонка из народа, в котором (так уж горько повелось!) почти каждое поколение вытаскивает с полей сражений свою долю раненых мужчин. Поэтому Ленка стиснула зубы, запищала тонко и продолжала тащить.

Славка сел. Странно — он даже не вспотел! Левый рукав джинсовки у него был полуоторван. Вместе с рукой. Ленка увидела в разрыве мускула оголенный плечевой сустав. Крови почему-то тоже не было.

— У тебя... — горло у нее перехватило.

— Знаю, — хрипло ответил Славка. — И еще бедро.

Левое бедро у него было вырвано — туда и смотреть не хотелось. От страха и непонятности происходящего Ленке показалось, что сейчас она сойдет с ума...

— Тебе надо в больницу, — выдохнула она, цепляясь хоть за какую-то реальность.

— Нет, — ответил Славка. — Нельзя. Мне надо несколько часов покоя. Помоги мне, Лена, скорее.

— Ты же умрешь от потери крови! — вскрикнула она, понимая, что говорит чушь.

ПОХОЖЕ, У ПАРНЯ, КОТОРЫЙ ЕЙ ТАК ПОНРАВИЛСЯ, КРОВИ ПРОСТО НЕ БЫЛО.

— Нет, — повторил Славка. И снова улыбнулся. — Помоги мне добраться до

кладбища.

Ленка отшатнулась — отшатнулась, стоя на коленях, упала на мягкое место и, не сводя глаз со Славки, отползла, мотая головой.

— Ннннн...

— Ты боишься, — вздохнул Славка. — Я понимаю. Но без тебя я погибну.

Несколько секунд Ленка рассматривала внезапно ставшего таким непонятным и страшным парня. А он смотрел на нее. Человеческими, только очень уж неподвижными глазами. Наконец, Ленка шумно выдохнула и заявила:

— Если я еще посижу — я начну думать. А это опасно. Цепляйся, я потащу. Если кто увидит — пустят по городу слух, что я пьяных дружков начала по домам водить — то-то соседки кайф сорвут, давно им нечего было предкам выложить...

— Никто не обратит внимания, — заверил Славка.

— Ага, ты глаза отведешь, — буркнула Ленка, с натугой поднимая парня на ноги.

Они успели сделать несколько шагов к арке, когда Славка вдруг задержался и застонал:

— Поздно-о-о... ай, поздно! Лен, девочка, бросай меня и беги скорее! Беги на вокзал, к людям!

Ленку мороз пробил от этого стога. А спросить ничего она не успела. Потому что и сама увидела его причину.

ОНИ шли по улице из города. Во всю ширину опустевшей проезжей части, Несколько десятков быстро и бесшумно движущихся темных фигур, похожих на кадр из фильма ужасов. Подчеркивая и усиливая впечатление, за ними следом катился туман.

До арки, в которой застыла девчонка и навалившийся на ее плечо израненный странный мальчишка, ИМ оставалось около полукилометра.

И — НИКОГО. Даже огни в домах погасли, словно по команде.

— Беги, — дернулся Славка.

Губы у Ленки онемели от леденящего страха, но головы она не потеряла. Вместо того, чтобы сбросить с плеча тяжелую руку, она круто повернулась и потащила Славку в гущу кустов.

— Не спрячешься, — простонал он. Простонал прямо в щеку Ленке — никогда еще ни один мальчишка не был к ней так близко... — ну, если исключить Витьку, но ведь это не то. Придурок чертов, чтоб ему отказаться здесь! — Брось меня... позвони, запомни телефон, они приедут и отомстят...

Ленка не слышала, что он там ей вкручивает. Ей было не до этого. Если на мэрию напал очередной припадок благоустройства — то они пропали оба. Через забор — высокий, увенчанный пиками — она перелезть уже не успеет.

Вот они — два выпиленных прута. Выход прямо на Речкалова — она и сегодня не полезла тут только потому, что сумка большая. Сумка, кстати, пропала — звону будет на целый престольный праздник.

Кусты сзади захрустели. Ленка, пригнувшись к дыре, вывернула шею.

Твари оставалось до нее два шага. Человеческих. Дальше через кусты лезли еще, но эта была совсем близко — пригнувшись, как волк перед броском, серошерстная. На длинных лапах растопырились пальцы — вполне человеческие, но увенчанные когтями сантиметров по десять. В глазах колыхалось алое пламя.

— Отдай его, — прорычала тварь. — Отдай и иди, живи.

— На, — всхлипнула Ленка.. И отмахнула по длинным, жадно протянутым лапам выхваченным из руки Славки мечом.

Из обрубков выплеснулась зеленая пена. Тварь изумленно — по-человечески! — перевела на них взгляд и с пронзительным, обиженным визгом покатила в кусты. Ленка, скуля от ужаса, рванула вперед, каждую секунду ожидая, что сейчас ее схватят сзади... вот сейчас...

Не схватили. Отсюда до дома был квартал. Но Ленка не была уверена, что выдержат замки, двери, окна.

Кричать? Пусто на улице. И огни не горят в домах. Это в летнюю-то теплую ночь, когда молодежь гуляет до трех утра. Пусто... пусто... Ленка подумала, что автобус сейчас отходит от вокзала. Мама и папа будут ждать, и бабушка... а ее разорвут в квартале от собственного дома. Да что же это такое творится-то?!

В заборную дыру никто за ними не вылезал. Ленка, ежесекундно оглядываясь, заспешила к дому, уже не думая, будет ли он надежной защитой — оказаться дома стало пределом мечтаний. Славка молчал, отталкивался здоровой ногой от земли и не требовал отдать меч.

Слишком часто она все-таки оглядывалась, потому что не заметила, как на пути словно из-под земли вырос мужчина — рослый, элегантно одетый. Ленка сразу его вспомнила — этого изящного джентльмена Катюха чуть не сбила с катушек, когда ломанулась наружу из «У Шварца». И вот теперь он стоял и улыбался Ленке — невесть как оказавшийся на ночной улице.

— Вам помочь, девушка? — весело спросил он, протягивая руку.

— Да, пожалуйста! — почти выкрикнула Ленка, Но Славку будто током ударило — он дернулся, пытаясь встать на обе ноги и сжал плечо Ленки:

— Не подходи к нему! Это Маардай!

— Кто? — переспросила Ленка. И вдруг поняла, что не может отвести глаз от лица мужчины — словно его взгляд превратился в прочную цепь, приковавшую ее, Ленку, к нему.

— Оставь его и уходи, — негромко сказал джентльмен. — Ты хорошо боролась. Тебя и твоих не тронут. Я редко даю такие подарки людям.

Уже ничему не удивляясь и почти не боясь, Ленка с трудом подняла руку к воротнику майки и непослушными пальцами достала нательный крестик.. Маардай наблюдал за ее движениями благожелательно, чуть склонив голову, даже кивал. Ленке повела рукой с крестиком в воздухе, очерчивая знамение, произнесла:

— Сгинь, пропади, нечистая сила!

— Крест, — Маардай улыбнулся. У него оказались ужасные зубы — в два ряда, одни клыки. И как этого раньше никто не заметил?! — Старая глупая сказка. Мы были за тысячи лет до креста. Мы были тогда, когда еще не существовало людей. С чего нам бояться ваших выдумок?

Он поднял ладонь — руку Ленки обожгло, она упала, словно парализованная. Цепочка креста лопнула, он беззвучно канул в дорожную пыль.

— Ты перепутала фильм и жизнь, — добродушно сказал Маардай. — Но я не сержусь. Отдай мне мальчишку и уходи.

— На, — сказала Ленка и, не размахиваясь, всадила короткий меч в живот джентльмена в безупречном костюме.

Маардай согнулся пополам. Его лицо исказилось, как попавшая в огонь резиновая маска. Ленка почувствовала, как меч сам собой выбросило из раны.

— А вот это действительно больно, — голосом безликим и сухим, как шорох сыплющегося песка, сказал Маардай. Каким-то внутренним чувством Ленка поняла, что он не может разогнуться и, передернувшись, занесла меч... но позади послышался сиплый вой, хлопанье, мяуканье, хрип — целая толпа разных тварей штурмовала забор сада, спеша на помощь своему раненому предводителю. Отчаянно вскрикнув, девчонка поволокла. Славку дальше — и отмахнулась наугад мечом, когда еще кто-то заступил дорогу:

— Уйди!

— Ленка, что за новости?! — раздался рассерженный голос Витьки. — Дура, я же тебя ищу — убежала, ничего... Господи, что это?!

— Вить, помоги! — взмолилась Ленка, ничего не объясняя... Мальчишка, разинув рот наблюдавший за приближающимися по улице тварями — в его взгляде было больше изумления, чем страха — без разговоров подхватил Славку и поволок его к дому. Ленка отступала спиной вперед, держа наготове меч. К счастью, нечисть не напала, — она, что-то бормоча, сгрудилась вокруг Маардая, который встал на колени.

— Надеюсь, я тебя убила, — сказала Ленка и добавила несколько слов, которые девочки как правило не произносят даже в начале раскованного XXI века.

Ночь. Дом на улице Речкалова, 67.

— Ленка, — Витька смотрел на сестру испуганными глазами. Но это был не испуг человека, УВИДЕВШЕГО что-то страшное. Это был испуг человека, для которого ПОДТВЕРДИЛОСЬ то страшное, о котором он знал и раньше. Или, во всяком случае, подозревал. — Ленка, это оборотни. Ник говорил правду. Они есть.

— Есть, — негромко сказал Славка. Он косо сидел на стуле, куда усадил его Витька. При электрическом свете раны казались особенно жуткими. Витька повернулся к нему и враждебно, зло сказал:

— А ты кто такой? Ты ведь из них, так?

— Не так, — ответил Славка. И закрыл глаза. Казалось, он потерял сознание, но... после секундного молчания странный мальчишка заговорил снова. — Не впускайте их в дом. Ни в коем случае.

— Они вышибут любое окно, — Ленку начала колотить дрожь, — или даже дверь, их же там...

— Не впускайте их, — повторил Славка. — Они не могут войти сами. Даже если вы откроете двери настежь — они не могут войти, если их не позвать. Маардай бы смог... но он здорово ранен. Мой меч — не шутки, тебе повезло, Лена. Чуть больше умения — и ты бы могла его убить.

В окно кухни постучали. Витька вскрикнул — сквозь стекло глядела, чудовищная получеловеческая рожа, слюна капала на раму. Черные губы, открыв длинные клыки, зашевелились.

— Открой, — пролаял оборотень.

— Не впускайте их, — как заклинание, твердил Славка. — Они будут стараться вас обмануть — ничему не верьте. С рассветом они уйдут.

В дверь заскреблись — с хрустом, длинно. Потом зазвонил звонок — длинно, одной сверлящей слух трелью, почти не переносимо. За дверью засмеялись; смех был жуткий, нечеловеческий.

Стараясь не глядеть в окна, Ленка решительно подошла к телефону, сняла трубку, но не успела набрать никакого номера. Вместо гудков из трубки послышался голос Маардая:

— Ты никуда не сможешь позвонить. Отдай его — и мы уйдем навсегда.

— Ты не можешь войти! — заорала Ленка. Маардай рассмеялся в ответ:

— Впереди много ночей. И я скоро приду в себя. Отдай его, Лена. Ты подвергаешь опасности себя и своих близких. Он того не стоит. Он даже не живой. Его место — среди нас.

Ленка швырнула трубку на аппарат. И — поняла, что вокруг стоит тишина. Свет мигнул и погас. На полу обозначились косые полосы лунного блеска. Витька молча прошелся по комнатам, сжимая в руке топорик для мяса, вернулся и мрачно доложил:

— Телик и радио не работают... Что делать?

— Ждать утра, — сказал Славка. — Я очень прошу — помогите мне раздеться и лечь. Не бойтесь. К утру я буду в норме.

— Ты видала фрукта... — начал Витька, но Ленка оборвала его:

— Хватить, Вить. Давай уложим его в гостиной, раз уж так получилось... Хорошо еще, я не сказала точно, когда вернусь — сейчас бы все на ушах стояли.

— Может, эти твари ушли? — размышляя о своем, спросил Витька. Славка ответил:

— Нет, они здесь. Они караулят.

— Ты кто такой вообще? — зло спросил Витька. — Откуда ты взялся? Что происходит?

— Сначала — лечь, — требовательно откликнулся Славка. — Потом я расскажу.

Двигаться он стал еще хуже — до дивана брату и сестре пришлось его волоочь. Но

разделся он сам — действуя одной рукой. Его движения снова напомнили Ленке испорченный механизм. Но это был не механизм, а мальчишка ее лет — и Ленка отвернулась, когда он начал стягивать джинсы.

— Что это? — спросил за ее спиной Витька. Лязгнул металл.

— Пружинник, — ответил Славка. Скрипнул диван. — Он разряжен. Я дурак — взял только пружинник и меч. Если бы не твоя сестра и ты, я бы погиб.

Ленка повернулась к ребятам. Славка натягивал простыню, потом выпрямился и облегченно вздохнул. Расслабился.

— Спрашивайте, — предложил он.

— Тебе, наверное, нужно поспать... — начала Ленка, но Славка повозил головой по валику:

— Нет. Просто полежать спокойно. Дай клинок.

Он устроил меч вдоль своего бедра под простыней. Повторил:

— Спрашивайте.

— Тебя правда зовут Славкой? — Витька подошел к окну, задернул шторы.

— Еще — Охотник, — ответил Славка.

— Это кличка? Фамилия? — уточнил Витька.

— Кличка, фамилия, — согласился Славка. — Но не только. Это просто Я. Я — охотник.

Ленка издала нечленораздельное восклицание:

— Как же я сразу не... Ты охотник за нечистью?!

— Я охотник за нечистью, — согласился Славка. — Ярослав Найденович Охотник. Четырнадцать лет.

— Я не думала, что она и правда есть, — призналась Ленка. — В смысле — нечистая сила.

— Сейчас — намного меньше, чем раньше, — уточнил Славка. — Но им сейчас легче — люди не верят, а значит, меньше бегутся.

— Что же — есть и сатана? — серьезно спросил Витька. Это были первые его слова, обращенные к Славке без агрессии. — Ну, раз есть нечистая сила...

— Все гораздо проще, — Славка прикрыл глаза. — Сатана, бог, ангелы, дьяволы... Есть эволюция. Учили в школе? Эволюция создала человека. Но дело в том, что она создала, не только его. Много тысячелетий человек делил место на планете с не-людьми. Или просто — НЕЛЮДЬЮ. Самой разной. Любое разумное существо — не человек — и есть нелюдь, это слово не оскорбительное, а просто... определитель. На меня в парке напали уводни — они нелюдь. Но вот у вас в подвале живет домовик — я его чувствую. Он нелюдь тоже — а никакого вреда от него нет.

— У нас домовый?! — вытаращила глаза Ленка. — Нет, без балды? Правда?!

— Правда, — терпеливо ответил Славка. — Человек оказался сильнее других разумных обитателей планеты и кого уничтожил, кого позагонял по лесным чащобам и горам. Многих — за дело. Среди нелюди много НЕЧИСТИ. Это нелюдь злобная — да еще и умеющая зачастую прикидываться людьми, как упыри и оборотни.

— И Маардай? — с дрожью в голосе спросила Ленка. Славка вздохнул:

— Нет. С ним сложнее... Нелюдь — она все-таки живая. Умеючи ее не труднее убивать, чем людей. А Маардай — это НЕЖИТЬ. В нем нет понятной человеку жизни, хотя изначально — очень давно! — он и был человеком. Но от всего человеческого отказался ради власти. И получил ее. Огромную. Он — царь НЕЧИСТИ и НЕЖИТИ. Я таких как он знаю не больше десятка.

— А ты сам? — Витька сел на край дивана. — Ты кто такой?

— Я нежить, — спокойно ответил Славка. В комнате повисло молчание.

— Ты... — выдохнула Ленка. — Ты... неживой?

— Неживой, — кивнул Ярослав.

Ленка завизжала...

... — Я родился в середине XIV века, в год большой чумы, в Московском княжестве. Родных плохо помню. Лучше всего, как ни странно — младшего братишку. Они все умерли. А меня взял на воспитание языческий волхв — наверное, один из последних на Руси. Он заботился обо мне, как о родном. А потом мне исполнилось четырнадцать лет — и он меня убил.

— Убил? — спросил Витька. — Как? 3-зачем?

— Чтобы я был всегда, — пожал плечами Ярослав. — Так делали, много-много тысяч лет. Таких, как я, готовили по всей Земле, в разных народах. Нужны были воины, борцы, с нечистью. Охотники. Мы защищали людей. Мы истребляли нечисть везде, где заставляли ее... Тогда было очень-очень больно — обряд оказался мучительным и длинным. Я не люблю его вспоминать. А потом я появился опять. Новый. С тех пор я есть.

— Подожди, — Витька потер лоб. — Ты же ходишь... говоришь...

— Я ведь НЕ МЕРТВЫЙ, — напомнил Славка. — Нежить, не мертвец и не живой.

— Постой, — умоляюще попросила Ленка. Она сидела на краешке стола, не сводя глаз с лежащего Славки. — Но ведь ты же смеешься, моргаешь, ешь, пьешь, спишь! Это... в туалет, наконец... Вдыхаешь!

— Я могу этого ничего не делать, — спокойно разъяснил Ярослав. — Но делаю, потому что люди боятся странного, а я живу среди людей и защищаю их. Меня и так довольно легко «расколоть» — моя температура равна температуре окружающей среды, я не умею плакать и выделять слюну. Наконец, я не дышу... А вот спать я люблю на самом деле. Во сне ко мне приходит то, что было. Когда я был живым.

— По-моему, это дикая жестокость, — стеклянно сказала Ленка. — Твой этот волхв — просто маньяк-некрофил какой-то. Убить мальчика!..

— Это было другое время, — возразил Ярослав. — 14 лет — уже не мальчик, а мужчина. Достаточно сильный — и не потерявший гибкости. Оптимальный вариант... Кроме того, я один из последних «в серии». Насколько мне известно, охотников прекратили создавать где-то в начале XV века.

— А наш мир — он не кажется тебе странным? — с интересом спросил Витька. Славка засмеялся:

— Я же не в хрустальном гробу все это время спал! Мир менялся вокруг меня — и я менялся вместе с ним. Только основа осталась прежней — я охотник.

В комнате вновь воцарилось молчание. Славке, наверное, все-таки трудно было говорить, а брат с сестрой пережевывали сказанное. Еще сутки назад они не поверили бы ни единому слову Ярослава, сочли бы его сумасшедшим, заигравшимся в детские игры или просто шутником. Но с тех пор столько всего произошло...

Первой нарушила молчание Ленка. Она не особо любила историю, но ее поразила мысль о тех веках, свидетелем которых был Ярослав.

— И ты все это видел? — спросила, она. — Я имею в виду — и Дмитрия Донского, и монголов, и рыцарей, и Ивана Грозного с Петром Первым, и разные сражения? И гражданскую войну, и Великую Отечественную? И... ой, мамочки, голова кружится! Ты правда все это видел?

— Не все, конечно — я же не могу быть сразу в нескольких местах, — Славка открыл глаза. — Но видел многое. И могу сказать, кстати, что в ваших учебниках истории большинство написанного — правда. Но, если честно, из меня не получился бы эксперт по историческим проблемам. Я мало следил за происходящим, а те, кто меня интересовал, так же мало менялись с веками — они всегда старались жить за счет людской беды и страха. Чем хуже дела в стране — тем больше их в нее слетается.

— Тогда им в нашей России раздолье, — глубокомысленно заметил Витька. Но Славка покачал головой:

— Не так уж. Есть у нас, русских, эта — мода — клеветать на свою собственную страну. Раньше не было — как очевидец говорю... Так вот, например — XIX век в России был очень спокойным, если исключить самое начало.

— Нашествие Наполеона? — вспомнил Витька.

— Да... А потом — тишина. Я даже ухитрился по несколько лет жить на одном месте! Обленился совсем... По всей Европе гремели войны, революции, кризисы — а тут тихо. А уж начало XX века вообще было раем. Так что не нужно стараться обогнать самих себя — мол, никогда в России порядка, справедливости и спокойствия не было. Было, и побольше, чем в других странах.

— Зато сейчас нет, — не сдавался Витька, но Славка уверенно ответил:

— Это пройдет. Просто людям кажется, что самые страшные беды — которые они переживают лично. А это не так. У нас столько ужасов было — одно Смутное Время чего стоит, или гражданская война. И все прошло, потому что люди верили в будущее и не сдавались. И нынешние беды пройдут. Россия пропасть не может. Я прожил шесть с половиной веков и знаю, что говорю.

— Да ты патриот, — то ли с насмешкой, то ли уважительно заметила Ленка. Славка без надутости сказал:

— Ага. Это в русском человеке заложено даже глубже, чем инстинкт самосохранения. Только многие стыдятся об этом открыто говорить.

— И все это время ты воевал с нечистью? — уточнил Витька.

— Да, — ответил Славка. — Все это время, с перерывами, конечно. Я уже сказал ведь, что были спокойные времена.

— А в принципе — как их вообще убить? — задумчиво осведомилась Ленка, накручивая на палец локон. — Ты сказал, что крест не помогает? А что помогает? Осиновый кол?

— Это то же самое — ерунда, — безапелляционно ответил Славка. — Даже не знаю, откуда она взялась. Вот, слушайте. Нечисть — и, кстати, любую нелюдь вообще — убивает серебро. Мгновенно — даже прикосновение к серебру для них равно тяжелому ожогу, а уж ранение наверняка калечит тяжело или убивает. Поэтому мы пользуемся в первую очередь серебром — нам оно не вредит. Хорошо действует соль — обычная соль, так что старик-сторож с берданкой может оказаться опасным врагом нечисти... Они боятся дуба — смертельно, так же, как серебра. Чуть меньше — рябины, во всяком случае, ни один из них не подойдет к дому, около которого, она растет и поопасается нападать на человека, у которого в кармане ягоды рябины. Опасаются орешника, и липы — это все древесная магия, очень-очень древняя... Помогает святая вода — кстати, не потому, что туда опустили крестик, а потому, что он — серебряный. Облить нечисть святой водой — все равно, что человека окатить кипятком, но тут надо быть осторожным: один бросится бежать без оглядки, а другой повоет, покатается по земле и только больше освирепееет... Не переносят текучей воды — для них даже узенький ручеек все равно, что колючая проволока под током. Но если над ручейком хоть ниточку, натянуть — переберутся, как по мосту. Есть еще разные графические знаки... но я ими не пользуюсь и почти не знаю. Больше надеюсь на средства физической защиты, как по телевизору говорят.

— Меч и пружинник? — спросил Витька, кивнув на конструкцию, лежащую на журнальном столике: плоская коробка с отверстием на эластичном ремне, с петлей из шнура телесного цвета. Славка улыбнулся:

— Не только. У меня хороший арсенал.

— И ты всегда один? — покачала головой Ленка. — Это же опасно.

— Не так уж, — возразил Славка. Помедлил и признался: — Понимаете, нас, охотников, очень трудно убить. Можно, конечно, но ОЧЕНЬ трудно. Если только застать врасплох или навалиться огромной толпой... или уж попадется очень сильный противник — таких теперь уже и не осталось почти.

— Ага, — возразила Ленка, — сегодня... ой, уже вчера... ты чуть не накрылся.

— Там же был наведенный встречник! — возмутился Славка абсолютно по-мальчишески, став похожим на Витьку, когда у того что-то не получалось и он искал причину для оправдания. — Я вообще знать не знал, что можно натравить его на охотника —

мы же нежить, встречнику нужно живое! И четыре уводня! Плюс полтора десятка прочей мерзости!

— Встречник... уводни... — Витька со свистом выпустил воздух: — Кто это?

— Уводни — просто лесная нечисть, очень сильная, опасная, да к тому же умеет отводить глаза, — пояснил Славка. — Их почти не осталось. А наведенный встречник — это вообще не нелюдь, это как управляемое стихийное бедствие для одного человека. Был целый ритуал, как его вызвать и натравить на врага — встречник будет его искать и убьет рано или поздно. Только враг должен быть живым, а тут как-то на меня притравили. Маардаева работа.

— Да как вся эта гадость оказалась в нашем городе?! — вырвалось у Ленки. Она передернула плечами, зябко поежилась. — Да еще в таких количествах?!

— Ну, какие там количества... — пренебрежительно заявил Славка. — А что до вашего города — просто на его месте когда-то был храм бога, имя которого я не назову — люди его забыли, и хорошо. Это очень давно происходило — не то что по вашим или даже моим понятиям, просто — ДАВНО. Тут приносили человеческие жертвы, и так — тысячи лет. А потом пришел народ ариев — это дальние предки славян, германцев, прибалтов... Арии разгромили храм, убили жрецов Безымянного и прокляли место именами своих богов добра и справедливости. Жрецы, которых они убили, были все из нечисти. Так что место это — нехорошее, вот Маардай сюда и явился, а за ним потянулась мелочь. Ну а потом я пришел. Мы хорошо чуем нечисть, ей редко удается от нас спрятаться, но бед она успевает натворить.

— А сколько вас вообще? — поинтересовался Витька. — Ты говоришь: «охотники», «мы», а вас много?

— Раньше было больше, — как и о нечисти сказал Славка. — Я не знаю — сколько, я же говорю — нас делали в разных странах, тысячи лет, а перестали по меркам истории, не так уж давно. Убить нас трудно. Я лично знаю около двухсот охотников, половина — русские, но есть и такие, кто родился в народах, про которые сейчас люди и не помнят. Мы иногда объединяемся в группы, но всегда небольшие. Самая большая была в 1922 году, когда мы выбивали логовища оборотней на Тамбовщине. Этих тварей развелось в десятки раз больше, чем обычно, они маскировались под отряды Антонова³, под красноармейцев и вырезали целые села... — Славка покривился, и Ленка с неожиданным удивлением поняла, что он способен что-то чувствовать. — Нас было почти тридцать. Оборотни так обнаглели и осмелели, что меньшим числом даже мы справиться не могли. И то потеряли троих. Кстати, там я впервые лично встретился с Маардаем, — Славка помедлил и добавил: — Он работал в ЧК⁴. Обычно эти твари стараются держаться от людских дел подальше, только пользуются бедами, и катастрофами. Но злая нежить наоборот — лезет в самую гущу и принимает активное участие... Иногда даже сама организывает разные кошмары.

Например, Гиммлер⁵, слышали? — был нежитью Повесили вместо него человека-двойника⁶, а Гиммлера наши прикончили только в 70-х годах прошлого века, аж в

³ В начале 20-х г.г. XX в. бывший начальник милиции г. Кирсанов Антонов возглавил восстание тамбовских крестьян против Советской Власти. Восстание отличалось большой ожесточенностью и было подавлено лишь крайне свирепыми мерами в сочетании с уступками крестьянам

⁴ Чрезвычайная Комиссия — разведка и контрразведка Советской Власти и СССР вплоть до конца 20-х г.г. XX в.

⁵ Один из главарей фашистской Германии, соратник Гитлера, военный преступник, глава гестапо. Как виновник массовых казней повешен по приговору международного трибунала после войны

⁶ Небольшая неточность: на самом деле Гиммлер попытался бежать, но был задержан патрулем английской военной полиции и отправлен в контрольный лагерь для проверки, где и отравился заранее припасенной ампулой с цианистым калием — *Прим. редактора*

Мексике... И Тимур Тамерлан⁷ был нечистью, и Троцкий⁸... И еще много кто.

Витька слушал внимательно и удивленно, даже рот приоткрыл. А Ленка, хоть и кивала, но думала о чем-то своем. И внезапно спросила небрежным тоном:

— А у тебя была девушка? Ну, подруга? Или есть, может?

— Нет, — прямо и без смущения ответил Славка. — Мы не умеем любить. То есть — физически, — Витька перевел взгляд в пол и заерзал, Ленка порадовалась, что в комнате темно, потому что почувствовала, как краснеет, — физически мы все можем, как надо... если надо. Но ничего не ощущаем. Мы можем быть друзьями, защитниками, покровителями — но не... — он замолчал.

— Это ужасно, — прямо заявила Ленка и даже скривилась. — Такая жизнь — это не жизнь, а сплошное мучение.

— Я не живой, — напомнил Славка абсолютно безразлично, и Ленка передернулась: неприятно было думать, что это правда. И вдвойне неприятно — что Славка такой интересный парень — куда интереснее любого другого. И, чтобы перебить эти печальные мысли, Ленка спросила — ей в самом деле было интересно:

— А та собака, которая меня встретила около кладбища? Она тоже...

— Оборотень, — спокойно подтвердил Славка. — Скорее всего, он бы сожрал тебя.

— А Катку похитили зачем? — угрюмо спросил Витька. Славка терпеливо пояснил:

— Я же говорил, Маардай недаром выбрал ваш город. Ее собирались принести в жертву по древнему ритуалу — Маардай это любит.

Витька, процедил несколько неприличных слов и мрачно пообещал:

— Доберусь до него — будет ему ритуал, телепузику в пиджачке.

От неожиданного прозвучавшего резкого звонка в дверь все вздрогнули и повернули головы.

— Снова они, — предупредил Славка. Но за дверью раздался недовольный и хорошо знакомый голос:

— Ленок, Витька! Вы дома? Откройте, я ключи забыла, сумки сейчас руки оторвут!

— Мама! — вскочила Ленка.

— Стой! — Славка привстал на локте, — Это они! Я их чувствую!

Закусив губу, Ленка переглянулась о братом. Тот растерянно моргал.

— Да открывайте же! — сердитые интонации вполне соответствовали чувству женщины, во втором часу ночи не могущей попасть в дом. — Между прочим, это поросенство — обещала же быстро вернуться и пропала...

Ленка на цыпочках пробежала к двери, осторожно выглянула в окно возле нее. Мама стояла на крыльце, даже слегка покосившись от тяжести чемодана или сумки — не разберешь. Мысль, что в эту самую секунду к ней могут подбираться кошмарные существа, обложившие дом, обожгла Ленку. Конечно, ее пропустили специально, чтобы как-нибудь пролезть внутрь вместе с ней. Уже ни о чем больше не думая, Ленка рывком распахнула дверь:

— Ма, скорее!

— Закрой дверь, дура! — послышался истошный крик брата.

— Спасибо, дочка, — сказала стоявшее на пороге чудовище, похожее на летучую мышь. «Как то, в парке,» — подумала Ленка, и сильный удар бросил ее к задней двери. Девчонка приложила затылком так, что перед глазами все поплыло; как во сне, видела она лезущих через порог нечистей (интересно — а можно ли так сказать?), Витьку в дверях зала — пригнувшегося с какой-то палкой в руке... Потом Витьку швырнуло в сторону не слабее,

⁷ Потомок Чингисхана, покоритель Азии, Индии, свирепый и жестокий воин и беспощадный к побежденным врагам убийца.

⁸ Один из деятелей партии большевиков, командующий Красной Армией, организатор террора против русского народа, массовых казней и концлагерей.

чем ее саму — но ударом со спины. Следом за тварями в прихожую валил туман — клубами, а через Витьку перешагнул одетый в трусы Славка — в правой руке меч, левая поднята. Славка что-то кричал — странное и протяжное, угрожающее. Потом словно бы растаял в броске, незримом для глаза, и в дверях возникла свалка с визгом и шипением, сверкал меч... В свалку ввалился Витька со своей палкой — и прежде чем Ленка сумела встать (она честно пыталась это сделать, только ноги не слушались), мальчишки, навалившись на дверь, закрыли ее. С клинка Славки капала зеленая гадость, палка Витьки в нескольких местах обуглилась. В прихожей стоял тошнотный запах, тоже знакомый по парку.

— И скажите Маардаю, прихвостни, что я стою на ногах в скоро уложу его под камень! — проорал Славка через дверь. В устах на четыре пятых голого четырнадцатилетнего подростка это должно было прозвучать смешно. Но не прозвучало. Славка резко обернулся к спасителям, превратившимся в спасенных — от его ран не осталось и следа. — Я же сказал — это пришли они, — упрекнул он Ленку, но упрек был мягким. Витька, морщась, рассматривал свое плечо — майка оказалась разодрана, из глубокой рваной раны текла кровь. — А ты молодец. Палка-то как раз дубовая.

— Это ручка от швабры, — включилась Ленка. — Вить, что с тобой?!

— Когтями кто-то, — бледно улыбнулся брат и испуганно посмотрел на Славку: — А я не это... не...

— Если бы меня тут не было, — спокойно и обыденно ответил охотник, — то от этой раны ты бы умер часа через два. Сначала отнялись бы руки и ноги, а потом ты очень быстро сгнил бы заживо... Убери пальцы.

Славка построжал и положил меч на плечо Витьки, закрыв рану. Тот скривился:

— Печет... жжет сильно!

— Уже все, — Славка убрал оружие. На коже не осталось ничего, разве что подтеки молниеносно засохшей крови. — А вообще их клыки и когти для человека — не шутка.

— Что теперь будем делать? — тревожно опросила Ленка. — Они снова...

— Нет, все, — у Славки сделалось такое лицо, словно он к чему-то внимательно прислушивается. — Пока все ушли. Можно лечь спать, а утром...

— Что утром? — Витька, выворачивая шею, продолжал рассматривать свое плечо.

— Утром будет утро, — улыбнулся Славка — а Ленка почувствовала, как при виде его улыбки у нее что-то сладко заняло в груди.

Утро. Старое городское кладбище недалеко от города Болотова

Сидя на старой могильной плите, кем-то поставленной «на попу», Ленка и Витька наблюдали, как охотник по имени Ярослав перебирает вещи, которые он вынимал из большущей спортивной сумки. Тут были серебряные шарики и метательные звездочки-сюрикены, несколько ножей с серебряными же лезвиями, покрытыми странными угловатыми значками, большой, жутковатый арбалет и пучки коротких, толстых стрел — без оперения с увесистыми наконечниками-шишками из того же серебра, длинные цепочки с грузиками, шипастые перчатки, тонкая кольчуга, маски с выпуклыми ребрами по всей длине — и все это серебряное, серебряное, увесистое, загадочно мерцающее...

— Три дня, — сказал Славка, выпрямляясь. — Три дня, не меньше, — он смотрел куда-то поверх голов ребят на кресты церкви, видневшиеся над верхушками деревьев. — Один не справлюсь, а за эти три дня Маардай столько может натворить... Три дня, чтоб их!

— А что случится через три дня? — тихо спросил Витька.

— Через три? — Славка посмотрел на него отсутствующе. — Через три сюда приедут еще двое наших, а это уже... У меня будет к вам одна просьба: когда пойдете отсюда, — позвоните по телефону, я тут его видел за воротами кладбища. Номер я дам.

— Куда будем уходить? — вскочила Ленка. — А ты?!

— Я? — не понял Славка, но потом улыбнулся: — Нет, ребята, и не думайте. Я сам, конечно, очень благодарен, но с собой не возьму ни под каким видом. И не просите. Это мое

дело, я для него создан. А вы мне и так уже очень помогли.

— Ты же погибнешь один! — жалобно вскрикнула Ленка и вцепилась себе в плечи, словно ей стало очень холодно. Губы девчонки кривились.

— Во-первых, — совсем не обязательно, — ответил Славка, прикидывая на руке маску. — А во-вторых... ну так что же, я не живой. Смерть мне только кажется. А для вас она настоящая, поэтому уходите. И не пробуйте мне помочь.

— Это нечестно, — сказал Витька. — Нечестно тебя бросать.

— Вы мне можете только помешать, — жестко рубанул Славка, и лицо его сделалось замкнутым и холодным, словно из камня вырезанным: — Уходите и позвоните вот по этому телефону... — быстрым движением он достал из кармана новой куртки (ее он выводок из склепа) твердый прямоугольничек картона — визитку. — Просто когда подойдет кто-нибудь — назовитесь так: «Я Славка. Болотов.» И все, можете класть трубку. Если правда хотели помочь — идите немедленно... ну же! — его лицо из замкнутого вдруг сделалось несчастным, он отвернулся.

— Я не уй... — начала Ленка, но Витька молча схватил ее за рукав и поволок за собой через кусты, не обращая внимания на сопротивление сестры...

...Славка почувствовал, как они ушли. Он больше не смотрел в ту сторону — присел и начал осматривать кольчугу.

«Плохо мне,» — подумал он. Только ПОДУМАЛ — на самом деле он ничего не ощущал...

...Ленка расплакалась по-настоящему за воротами кладбища, на окраинной улице, уставленной гаражами. До этого, пока Витька тащил ее между могил и по заросшей тропке, она только тихо хлюпала, а тут ее вдруг прорвало, она вырвалась и заскулила, обливаясь слезами — Витька застыл в недоумении, изумленно моргая: такой он сестру ни разу не видел и даже не представлял, что она может так горько рыдать.

— Он же там один! — Ленка закрыла лицо руками. — Он погибнет! Что нам делать, Вить, что нам делать-то?! Ну скажи, как ему помочь?!

При виде плачущей навзрыд сестры, которая растеряла всю свою насмешливость, Витька почувствовал себя старше и решительней.

— Первым делом надо звякнуть, куда он сказал, — уверенными шагами мальчишка направился к телефонной будке, стоявшей тут с незапамятных времен. Но, не пройдя и двух шагов, он остановился и почти с ужасом обернулся к Ленке, вглядываясь в ее лицо: — Лен, — у него даже голос сел, — ты что, и правда на него... запала?!

Не отнимая ладоней, Ленка тихонько и горестно завывала, часто кивая головой. Витька ожесточенно плюнул в пыль и подошел к телефону.

Номер откликнулся сразу. На том конце провода играла музыка, Меладзе сообщал, что «она была отчаянно красива», кто-то смеялся и мальчишеский голос весело проорал:

— Кто это?!

— Я Славка. Болотов, — выдохнул Витька, сомневаясь, туда ли попал. Секунду на том конце была тишина — и Витька понял, что подошедший НЕ ДЫШИТ.

— Понял, — сказали там. И трубку наполнили длинные гудки.

— На дачу позвони, скажи, что я не приеду, — все еще мокрым голосом сказала Ленка.

— Да, — Витька набрал знакомый номер. Подошли тоже сразу: — Привет, бабуль!.. Нет, не собираюсь... Да вот так... А где?.. На огороде?.. Да нет, не надо, не зови, просто передай, что с нами все в порядке, а Ленка тут задержится. Нет, не позвоним, так приедем, ждите... Ага, целую, — он повесил трубку. Повернулся к Ленке, которая подошла к колонке и, нагнувшись, пыталась умыться. Витька молча подошел к ней, нажал рычаг, подождал, пока Ленка перестанет плескаться и тихо сказал: — Пошли домой, Лен. Я позвонил, они приедут.

— Пошли, — вяло сказала Ленка и покорно побрела рядом с Витькой. На душе у него было пакостно — не слишком привычное чувство для парнишки его возраста, не привыкшего рефлексировать.

Они успели дойти до того места, где надо было свернуть в проулок между гаражами. Но свернуть туда не успели — навстречу им вышел Серёга. Он шел и... плакал. Не как Ленка — просто слезы сами катились у него по щекам, медленно и тяжело, а Серега, всхлипывая, стирал их кулаками, спотыкался и продолжал идти.

Витька не видел Серегу плачущим с... нет, не «с», а никогда. Сергей слепо посмотрел на тех, кто оказался перед ним, скривил губы и повернулся, чтобы идти обратно, но Витька прыжком нагнал его и, схватив за плечо, спросил быстро:

— Что случилось?!

— Ольку убили, — ответил Серега. Махнул рукой и сел в пыльную траву около гаражей...

...Олькой звали девчонку Сереги. Как и все остальные герои нашей истории, она училась в одном и том же классе, ходила кроме того в музыкальную школу, и вообще все удивлялись, что между ними общего — а вот поди ж ты! Два часа назад, совсем рано утром, Серега заехал за ней на скутере, они договорились отправиться на пруд за город.

Ольку принесли домой за полчаса до этого. Милицейский патруль обнаружил ее останки в парке около моста. Опустили ее только по браслетке на запястье с ее фамилией и именем — браслетку подарил как раз Серега, сам на нее заработал и подарил, заказав надпись. Остальное опознанию не подлежало совершенно. Как девчонка, вечером спокойно легшая спать, оказалась в парке ночью, кто напал на нее — на эти вопросы ответить никто не смог. Дома у нее был настоящий кошмар, у матери случился инфаркт, и Серега, рвавшийся в комнаты, смог только краем глаза увидеть то, что лежало на столе посреди хорошо знакомой ему комнаты... но этого ему хватило. Он побрел куда-то и очнулся только столкнувшись с Витькой и Ленкой.

— А главное-то, — Серега поднял глаза, — не найдут они никого, верняк. Вот и все дела. И еще — я ночью дрых, как труп, не почесался даже, а она... вот что еще... — губы у него снова вздрогнули.

Ленка не смотрела на брата, но чувствовала, что он сейчас заговорит. И точно — Витька хрипло сказал:

— Серега, ты не подумай, что я шучу или еще что. Но понимаешь... мы знаем, кто убил Ольку. И вообще — кто убивает... Если хочешь — можешь идти с нами.

Он круто повернулся и зашагал к кладбищу...

...Славка сидел около своего склепа. И глядел в их сторону — очевидно, издали почувствовал приближение. Лицо у него было недовольное, если не сказать — злое, но Витька не дал ему и рта раскрыть.

— Маардай принес жертву, — выпалил он. — Ночью.

— ЧТО?! — Славка взвился на ноги. Ленка взяла Серегу за плечо и мягко попросила:

— Сережа, расскажи еще. Пожалуйста. Так надо.

— Не надо, — оборвал ее Славка, — Я все понял... Теперь мне не справиться одному. Вы позвонили?!

— Позвонили, — ответил Витька. — Тебе не придется одному. Мы пойдем с тобой, все трое.

— Он знает, кто убийца? — спросил Серега. Витек кивнул:

— Да.

— Тогда я с вами, — Серега даже не предложил обратиться в милицию.

— Идиоты, ненормальные идиоты, — горячо сказал Славка. — Да вы даже не представляете...

— Они напали на мою сестру, искалечили моего друга и пытались убить мою девчонку, — сказал Витек, и Ленка удивленно покосилась на своего брата — такой у него был НЕПРЕКЛОННЫЙ голос, голос взрослого, хорошо знающего, чего он хочет, человека. — Они убили Ольку и еще много людей. Пусть я их не знаю, но это были живые люди, и это — наш город, Славка, а значит, мы должны его защищать.

— Да, — сказала Ленка и подумала, что ей совсем не страшно, что страшнее было бы

знать — Славка ушел драться с нечистью один.

Несколько секунд Славка, смотрел на них с гневом и растерянностью. А потом вдруг улыбнулся — как раньше, широко и красиво.

— Вы правы, — сказал он. — Человек должен защищать то, что ему дорого — даже если это смертельно опасно. И кроме того, я не сказал вам всего. Когда мы уничтожали оборотней на Тамбовщине — с нами были и люди. Довольно много людей. И это не единственный случай...

...Идти нужно сейчас, — Славка перебирал свое снаряжение, — пока день, и они даже в своих логовах вялые. Конечно, Маардаю все равно, день или ночь, но он не может ожидать, что мы придем вчетвером и так быстро.

— Я одного не понимаю, — нахмурился Витек, — как это так получается, что никто не обращает внимания на происходящее? Вчера, когда у нас в прихожей дрались — такой вой был, так никто не почесался из соседей.

— И в парке, и на улице, — поддержала Ленка. — Не все же трусы, кто-то должен был вмешаться! Ну либо хоть случайно оказаться рядом!

— Это одно из опасных свойств нечисти, — ответил Славка. — Они искажают вокруг себя реальность. Людей либо охватывает беспричинный страх, либо они, сами не зная почему, сворачивают в сторону, обходят нужное нечисти место — и даже сами не замечают того, что делают. Например, когда Лена вытаскивала меня из парка, во всех домах по улице погас свет. Я уверен, что находившиеся в комнатах люди одновременно легли спать. И уснули мгновенно.

— Погодите, погодите, — Серега, молчавший с самого начала знакомства, хлопал глазами, — по-моему, у вас конкретно башни посрывало. Вы что, серьезно хотите мне втюхать, что все это, всю эту фигень, творит нечистая сила?!

— Если не передумал с нами идти — убедись в этом в ближайшие полчаса, — сказал Славка так определенно, что Витек засопел, а Ленка ощутила неприятное сосание под ложечкой. — А сейчас давайте снаряжаться. Лена, пожалуйста, надень кольчугу.

— Я? — Ленка недоверчиво посмотрела на серебристое одеяние, лежащее на траве. — Да ну...

— Надень, — сказал Славка, и Ленка, поднявшись на ноги, нагнулась за кольчугой. — Постой, я помогу.

Прохладная, шуршащая тяжесть легла на майку. Славка поправил металлический подол, одернул кольчугу на боках и плечах Ленки — та замерла, стараясь тщательней пережить, продлить ощущение от прикосновения его уверенных и сильных рук.

— Вот так, — Славка отступил, чуть склонил голову. Ленка жалобно спросила:

— Мне хоть идет?

— Класс, — одобрил Витек и коварно добавил: — Секс-символ.

— Отвали, — огрызнулась Ленка, а про себя пожалела, что нет зеркала. Вслух же посетовала: — Тяжело будет.

— Она легче, чем кажется, — заверил Славка. — Вот еще маска, но ее наденешь, когда скажу... Боюсь только, оружия на всех не хватит. Сейчас прикинем.

Всем троем мальчишкам досталось по маске и паре перчаток с шипами. Ножи и метательные звездочки Славка забрал себе, как и меч — впрочем, ничем этим ни Витек, ни Серега пользоваться не умели. Пружинник с запасом стрелок тоже остался на Славке. А вот арбалет и стрелы он отдал Витьку, коротко показав, как ими пользоваться. Серега сам выбрал оказавшуюся среди вещей металлическую рогатку — Славка ссыпал ему весь запас серебряных «подшипников». Ленка получила большой револьвер.

— Это «Аникс», — пояснил Славка, — мое недавнее приобретение. Он стреляет при помощи газа и не пулями, а серебряными дробинками, их тут 36 штук. Скорость достаточно высокая, чтобы даже человека серьезно ранить, а уж для нечисти хватит вполне.

Потом, поколебавшись, он отдал мальчишкам по одному большому кинжалу со странным двузубым лезвием и рукоятью, обмотанной тонкой серебряной цепочкой.

— Подумайте еще раз, — тихо сказал он, поднимаясь на ноги и спихивая практически пустую сумку в склеп толчком кроссовки. — Это не игра. Если вы погибнете — это НАВСЕГДА, а убить вас куда легче, чем меня...

— Давай сделаем это, — словами из какого-то американского фильма ответил ему Витька. А Серега хмуро спросил:

— Мы что, так и пойдем через весь город с этим?

— Насчет этого не беспокойтесь, — улыбнулся Славка, — никто не обратит на нас внимания.

— Мы что, невидимыми станем? — недоверчиво осведомился Серега. Славка замялся:

— Нет, но... короче, на нас не обратят внимания, и все тут. А сейчас немного помолчите, посидите тихо. Я должен сосредоточиться.

Трое друзей словно перестали для него существовать. Славка повернулся лицом к солнцу, поднимавшемуся в небо в ажурных прорезях между листьями крон...

— Там, куда я иду, очень темно, — услышала Ленка его негромкий, но ясный и спокойный голос. — Там трудно отличить правду от лжи, и неизвестно, кто скрывается в тени — мой враг или мой страх, который опасней любого врага, который питает силу врага. Так пусть у меня хватит умения отличить правду, победить врага и одолеть страх — в той темноте, куда я вступаю, чтобы принести с собой свет. Пусть будет так.

И Ленка удивленно поняла, что тихонько повторяет вслед за Славкой:

— Пусть будет так...

День. Бой в пригородном парке.

Даже в жаркий полдень на улицах Болотова было довольно много народу. Но — странно, жутко и интересно! — на четверых подростков в самом деле никто не обращал внимания! Нет, их явно ВИДЕЛИ, потому что даже в толпе на набережной люди расходились с ними, как обычно, но никто и не подумал засмеяться, вытаращиться или хоть удивленно покоситься, словно они выглядели совершенно обыкновенно.

И это действительно было не только интересно, но и по-настоящему жутко, потому что Ленка вдруг поняла: началось. Они ОТРЕЗАНЫ от остального мира невидимой стенкой. И либо они выйдут из-за нее победителями — либо найдут их трупы. Или не найдут вообще...

Парк выглядел совершенно обычно. Вот разве что людей в нем не было.

— Пришли, — Славка сунул руку под куртку, достал плоскую черную бутылочку без этикетки с завинчивающейся крышкой-стаканчиком. — Вот, погодите. Надо выпить это, — он свинтил стаканчик, налил прозрачной жидкости и протянул Ленке: — Дамы первыми.

— А что это? — немного опасливо спросила Ленка, принимая стаканчик. Пахло странно — травой.

— Мерзость несусветная специально для таких случаев, — пояснил Славка. — Что там намешано — я и говорить не буду. Но вкратце так: нечисть очень быстро движется и очень сильна. Эта штучка повысит скорость ваших движений, выносливость, силу, внимательность и так далее — примерно в шесть раз.

— Класс! — загорелся Витек. — Лен, пей скорее, я второй!

— Не особо радуйся, — осадил его Славка. — Есть побочный эффект. Все процессы в организме пойдут тоже в шесть раз быстрее — короче, вы начнете быстрее жить.

— Что? — Ленка отдернула стаканчик от губ и возмущенно уставилась на Славку. Она разобралась быстрее мальчишек: — Это в смысле — быстрее стареть?! Утром тяпнула, к вечеру — на пенсию, ночью — на кладбище?! Иди ты!..

— Не так страшно, — засмеялся Славка. — Процессы ускоряются тоже в шесть раз. День за шесть.

— Ну, это и правда не так страшно, — подсчитал Витек, — неделя за полтора месяца. А доза тут какая?

— Ровно на сутки, — успокоил Славка. Ленка выдохнула, жалобно и угрожающе

сказала:

— Если я превращусь в ворчливую бабку — вам же будет фигово, внучата, — и проглотила содержимое стаканчика.

— Ну как? — сунулся Витек. Лицо Ленки вдруг невероятно перекошилось, она согнулась пополам и сипло спросила:

— Ярослав, твой чокнутый учитель тебя не этим на тот свет отправил?

— Нет, — весело ответил тот, на лету подхватывая стаканчик и наливая следующую дозу. — Да, учтите, жрать надо тоже в шесть раз чаще.

— А можно в шесть раз больше? — спросил Витек, принимая стаканчик. Славка кивнул:

— Можно. Только желудок лопнет. Seriously, кое-кто пробовал. И на дальняк тоже бегать надо в шесть раз чаще.

— Упс, — вырвалось у Витьки, который уже «принял на грудь». — Ой, ма-ма... — еле выдавил он. — У тебя первобытное чувство юмора, Ярослав... Жидкое дерьмо!

— Давай и мне, — протянул руку Серега.

— Ничего, не ощуаю, — разочарованно сказала Ленка, прислушивавшаяся к своим ощущениям, пока Славка «выдавал фронтовые сто грамм» мальчишкам. — Может, он у тебя протух, твой алтайский бальзам?

— Прыгни, — вместо ответа предложил Славка, убирая фляжку.

— Чего? — не поняла Ленка. Славка терпеливо повторил:

— Ну прыгни. С места.

— По... ООООЙ!

Ленка договорила «ой!» уже стоя в десятке метров от остальных — резко покрыв все мировые рекорды по прыжкам с места и школьные — с разбегу. Больше вопросов у нее не возникло, и она, здорово присмиревшая, вернулась к остальным.

Славка оглядел свою компанию. Вздохнул. И начал последний инструктаж:

— Значит так, охотники за привидениями. Первое, что вам следует запомнить крепко-накрепко в парке ЛЮДЕЙ НЕТ. Любое существо, которое мы встретим, по размерам примерно соответствующее человеку — враг.

— Вопрос, — Ленка подняла два пальца. — Почему соответствующее человеку? А в муху например, или в голубя они не могут превращаться?.

— Ответ, — терпеливо сказал Славка. — Не могут. Закон сохранения массы. Правда, некоторые умеют распадаться на составные части — к примеру, превратиться в пчелиный рой или огромную муравьиную кучу. Но тут таких нет, я бы чувствовал... Дальше. Я понимаю — психологически тяжело, но увидели кого-нибудь — стреляйте немедленно! Еще запомните: сейчас полдень, время для нечисти самое ненавистное, она вялая и заторможенная, поэтому я и настаивал на быстроте действий. Мороки сейчас напускать она тоже не может. Очень опасен один Маардай... я даже не представляю, насколько после этой несчастной девочки, Оли...

— Ты мне его только покажи. — Сергей, совершенно не участвовавший в разговоре, вскинулся. — А там я его сам нашинкую...

— Командир здесь я, — не повышая голоса, но с какой-то непонятной силой ответил Славка. — И только я могу справиться с Маардаем. ТЫ к нему даже не подойдешь. Этот вопрос закрыт. И последнее. Первая в парк входит Ленка...

— Я ее первой не пущу! — напрягся Витька, но Славка объяснил подробно и спокойно:

— Впереди — самое безопасное место. Нападают чаще всего сзади, иногда — сбоку. Так делают люди, хищники, нечисть — все без исключений, это в крови.

Поэтому ты, Витек, идешь сразу за ее правым плечом а следишь за всем, что происходит справа. ТОЛЬКО справа, не смей никуда поворачиваться. Понял?

— Понял, — у Витьки хватило ума не препираться, хотя тон Славки был однозначно командирским.

— То же самое — у тебя, Сергей, только ты не сразу за ее левым плечом, а на три шага

сзади и следишь за всем слева. Я — в тылу. Помните, серебро для них — смерть. Об остальном позабочусь я. И последнее. Маардай — мой, вы должны не подпустить к месту схватки никого из мелочи. Если я погибну — бегите к выходу из парка. Держитесь вместе. Что тогда в городе начнется — трудно предположить. Спрячьтесь в склепе. Послезавтра приедет наш, он вас найдет. Все ему объясните. Понятно?

— Все, кроме одного, — за всех ответил Витек, — мы нигде прятаться не будем. Я уже сказал — это наш город.

Он вызывающе смотрел на Славку, готовый вступить в спор. Но тот вместо этого сказал:

— На Украине во время войны против поляков — это в XVII веке было — нечисть напала на большое село. Там был наш охотник, он погиб сразу, по нему били всей силой. Тогда селяне перебили кучу этих тварей вилами, топорами и просто дубьем. Три четверти их погибло тоже, но нечисть в свое село они не пустили. Сами. Одни. Я это часто вспоминаю... Пошли воевать, ребята.

...В парке Ленку вновь охватило то ощущение ОТРЕЗАННОСТИ, которое она уже испытала ночью недалеко от вокзала. Странно: вроде бы и солнце светило, а в парке на аллеях, тихих и пустых, лежала серая мгла. Невидимая, наверное, простым глазом, похожая на расплывшуюся в чистой воде капельку черной краски: вроде бы и нет ее, пока не посмотришь на свет. Даже солнечный свет казался тусклым и неживым.

Витек затрудненно дышал от волнения за правым ухом. Это было немножко смешно. В самом начале пути, когда они только-только вошли в парк, Ленка попыталась обернуться, посмотреть, как остальные, но наткнулась на разъяренное лицо Славки, его голос: «Смотреть только вперед!» И поняла — это серьезно. Как на чеченской войне, где люди погибали — рассказывал один парень, выпускник их школы, которого приглашали в класс — не вовремя закулив или моргнув.

Дыхания Сереги она не слышала. Подумать только — Ольки нет! Ленка попыталась ее вспомнить подробно — и не смогла, хотя они сидели через парту. Олька «ботанела», раньше Ленку это злило до чертиков. А сейчас ее внезапно охватил гнев: кому она помешала? Кому помешала их с Серегой любовь?! Каким-то пещерным тварям, которые свалились в их город невесть откуда?! И вот теперь ее нет вообще, Ник, пытавшийся защищать Катюху — в больнице, и этот джентльмен с акульей пастью — Маардай — хочет устроить в Болотове Варфоломеевскую Ночь! А вот хрен ему.

Большой и толстый. Прямо с грядки.

Дыхания Славки тоже не слышно. Впрочем, он ведь не дышит вообще... А интересно, умеет он целоваться? За столько веков наверняка научился... Только вот губы у него, конечно, холодные. «Температура тела равна температуре окружающей среды...» Ленка вздрогнула, но не от отвращения, а от жалости. От такого бессмертия взвоешь. Хотя, он же не умеет чувствовать... и все-таки любит смотреть сны. Сны про то время, когда был ЖИВОЙ.

Ни один мальчишка из тех, с которыми она танцевала, слушала музыку или целовалась, не нравился ей так, как Ярослав, четырнадцатилетний нежить. Или даже нет: «нравится» было слишком обтекаемым словом. Тут больше подходило другое...

...Старик-бомж брел навстречу не спеша — одетый в невообразимое рваньё, грязный, с большой авоськой в руке — собирал бутылки под скамейками. На подростков он не смотрел. Вот забрел дед, и не тронул его никто, хотя он, может, ночевал здесь — повезло.

— Лен, стреляй!!!

«В кого?!» — мелькнула ужасная мысль. Но лохмотья полетели прочь, и Ленка впервые увидела почти вплотную подобравшуюся тварь днем. Зрелище было омерзительным. Длинная серая шерсть дымилась в тех местах, где на нее попадал солнечный свет, из пасти текла слюна, буквально лилась с клыков, оскаленных в утробном рычании... «Аникс» Ленки щелкнул раз, другой, третий... рычание превратилось в беспомощный вой — и глаза девчонки не сумели уловить момент, когда оборотень распался, оставив после себя

знакомую кислую вонь...

— Я же сказал — людей здесь нет, — спокойно заметил Славка. А Серега неожиданно прочитал:

Девочка Леночка шла через парк.
В кустиках ждал сексуальный маньяк.
Не было слышно ни крика, ни писка —
Молча пришибла его каратистка...

— Простите, пацаны, я вам типа до последнего не верил. Думал — лажаετε.

— Какого хвоста тогда с нами поперся? — огрызнулся Витек. Судя по голосу, увиденное его напугало.

— От тоски, — коротко отрубил Серега. — Дальше-то идем?

— Это парк, — недовольно заметил Славка.

— Мы уже поняли, — обнадежил его Витек. — Что еще?

— А то, что в парках нет леших. Сергей, ты веришь в леших?

— Теперь верю. А зачем тебе лешие?

— Тогда было бы кого расспросить, где у них логово... Не бродят же они все по кустам?

— А если бродят? — с сомнением поинтересовалась Ленка, не сводившая теперь глаз со своего сектора.

— Тогда бы мы уже встретили не одного, а полсотни... Плохо я это умею делать, ну да ладно.

Славка завопил сзади, послышался легкий серебристый звон — словно ногтем стукнули по краю тонкого хрустального бокала — и мимо Ленки по воздуху проплыл один из ножей Славки. Покачался и двинулся в сторону кустов слева, от дорожки.

— Иди за ним, — окликнул Славка. Предупредил: — Кстати, теперь они точно знают, что мы здесь.

Это подтвердилось почти тут же. Ленка и шагу не успела сделать — навстречу из кустов хлынули десятка два тварей. Девчонка успела разглядеть оборотней, летучих упырей, какие-то мохнатые клубки, выбрасывавшие во все стороны когтистые лапы. Двигались твари медленно и так, словно их кто-то гнал, но все равно выглядели опасными и омерзительными...

Подробностей короткого боя Ленка вспомнить не могла, да и не очень желала. Она стреляла, в упор, потом ее кто-то рванул за кольчугу — послышался гнусный вопль, сбоку мелькнул кулак Витька, сверкающий шипами... Слышно было, как Серега ругается матом — и вот они уже стоят возле тех же кустов. И ей хочется есть.

— Значит, точно идем, — Ленке уже надоело слышать только голос Славки, хотелось обернуться.

— Спереди напали! — крикнул Витек. — Ты зачем ее вперед сунул?!

— Она в кольчуге, — невозмутимо ответил Славка. — А спереди напали от отчаянья, мы рядом с логовом... Все, пошли. Лена, у тебя осталось двадцать две пули.

Он еще считал, сколько она выстрелила. Большой оригинал. За кустами оказалась поляна — небольшая, посреди нее стояла лавочка, с двух сторон зажатая обомшелыми пнями. Лавочку сюда с одной из центральных аллей притащила молодежь, считавшая, что лучше разбирается в том, каким должен быть парк.

— Так, — сказал Славка. Нож его медленно рыскал над поляной, словно потерявшая любимую кость собака. А потом Славка чудовищным прыжком метнулся вперед и обрушил удар обеими руками занесенного меча на один из пней, разваливая его надвое. Послышался визг, от которого засвербило в ушах, второй пень зашевелился, но в его серединке, как в мишени, выросла с коротким стуком стрела Витька... — Уводни, — удовлетворенно бормотнул Славка. — Это надо же, еще два. А вход где-то тут, где-то, где-то...

Бормоча это, он тоже рыскал по поляне... и вдруг оказался по пояс втянут под землю! Славка вскрикнул и сунул вниз руку, ожесточенно рубя наощупь. Остальные бросились ему на помощь — и с разных концов поляны вновь рванулись с дюжину тварей — в основном, оборотней, вытянувших вперед когтистые лапы.

Ленка успела выстрелить, но оказалась сбитой с ног мощным броском волосатого тела. Оборотень взвыл дурным голосом, однако у подбежавшего следом в волосатых капищах взлетела дубина. Подскочивший Витек врезал твари в грудину ногой — чемпиона мира по каратэ этот удар убил бы на месте, но оборотень только сложился пополам и надсадно закашлялся.

А вот распрямиться ему было уже не суждено — с перекошенным, едва ли не более страшным, чем морда оборотня, лицом Витек всадил ему в затылок шипастую перчатку, став похожим на миг на воина-храмовника из боевика «Миньон». Ленка выстрелом над плечом брата уложила еще одну тварь — и все опять кончилось. Серега помогал выкарабкиваться из темного лаза Славке — левую ногу охотника явно жевали.

— Как же ты типа... — начал Серега, но Славка отмахнулся:

— Пять минут. Вторые джинсы жалко... Сейчас пойдем вниз, там они будут активнее.

— По мне так и хватит активности, — заявил Витек. — Слав, вам за вредность молоко не дают?

— Мы энтузиасты, — то ли в шутку, то ли всерьез отрубил Славка, усаживаясь на траву и закрывая глаза.

«А ведь он вышел на поляну, хотя должна была я, — подумала Ленка. — Потому что знал — его раны мгновенно заживают,» — вернула она себя с небес на землю. И улыбнулась, подумав, что немного правды в ее первой мысли, наверное, есть.

Невозможно было понять, как заживают раны у Славки. Не как в кино — где показывают, как они затягиваются и все такое. Момент заживления оказалось так же невозможно уловить, как момент распада нечисти: просто вот только, что были, а теперь нет. Славка поднялся, покрутил ногой в лохмотьях и драной кроссовке, с непонятной улыбкой сказал:

— Дэвид Копперфильд⁹.

Никто из ребят не понял, при чем тут знаменитый американский фокусник. А Славка уже нагнулся над дырой. Остальные, забыв об осторожности, столпились рядом. Особого страха никто не испытывал — он переплавился в возбуждение, какой-то нервный подъем.

— Там темно, — тоном человека, делающего открытие, объявил Витек. Славка терпеливо напомнил:

— Вы можете видеть в темноте, как и я.

— Подземелье какое-то, — Серега всмотрелся, — лестница... Что за фигня, я про такое не слышал. Нет у нас в городе ничего такого типа.

— Вряд ли это имеет отношение к вашему городу, — заметил Славка. — Скорее всего, это вход в храм — тот самый, о котором я рассказывал.

Он нагнулся над дырой, бросил в темноту одну из своих серебряных звездочек и начал к чему-то прислушиваться. Серега хмуро спросил у Витька:

— Какой там еще храм?

— Древний, — ответил Витек. — И вообще — проехали, я и сам толком не понял ничего, кроме того, что это местечко то еще.

— Ясно, — глубокомысленно ответил Серега.

— Странно, — Славка выпрямился. — Такое впечатление, что нечисти там намного меньше, чем должно быть.

— Мы идем или нет? — нетерпеливо спросила Ленка. Славка кивнул:

⁹ Славка, конечно же, имеет в виду не современного американского иллюзиониста, а роман английского писателя XIX в. Чарльза Диккенса о мальчишке-бродяге Дэвиде Копперфильде.

— Идем, конечно. Теперь я иду первым, ты, Лен, вторая, а вы, ребята, держитесь сзади плечом к плечу. Ну — пошли!..

...Наверное, внизу было очень темно, просто должно было быть. Но для нашей штурмовой группы темноты не существовало — все вокруг словно плавало в неярких сумерках. Неожиданно высокий и широкий подземный ход уводил вниз с заметным уклоном. Было сыро и холодно — изо ртов у всех, кроме Славки, валил пар, стены сочились водой. Где-то за каменными серыми блоками, из которых был сложен коридор, шумела река. Потолок выгибался аркой, через, равные промежутки из стен выступали словно поддерживающие его скрещенными над головой лапами статуи каких-то каменных уродов — чертей не чертей, летучих мышей не летучих мышей, людей не людей... Ленке казалось, что, стоит им пройти мимо, как изваяния поворачивают головы и гримасничают, а возможно, даже тянут свои жуткие лапы вслед. Наверное, мальчишкам тоже это чудилось — они то и дело оглядывались. И только Славка шагал вперед и вперед, словно чувствовал, куда ему нужно... да, наверное, так и было.

Иногда на стенках попадались высеченные картины — такие, что затошнило бы самого заядлого любителя порнографии и пыток из тех, что смотрят кассеты с «живой» записью. Судя по всему, те, кто строил этот коридор (страшно подумать, кто это был и какую пропасть веков назад происходило дело) отличались совершенно нечеловеческими вкусами и понятиями. Но в то же время, поняла с удивлением Ленка, она не испытывала какого-то особого страха или даже беспокойства.

Далеко впереди маячил вход в другой коридор или зал — высокая арка, камни, ее выкладывавшие, были оплавлены. Никто не спешил бросаться на идущих, не было даже слышно звуков, свидетельствующих о том, что в подземелье хоть кто-то есть. Арка приближалась — и вот Славка шагнул под нее и остановился со словами:

— Я так и знал.

Остальные заглядывали через его плечи. Большой пятиугольный зал в самом центре был украшен, если можно так выразиться, остатками чудовищного изваяния: от него сохранились только когтистые лапы, словно впившиеся в камень и основание трона, на котором сидела статуя. Ее куски валялись по всему залу — уже невозможно было определить (да и не очень хотелось это делать), кого она изображала. Во весь потолок распростерлась вырезанная в камне пятиконечная звезда: ее центр приходился точно над разбитой статуей. А около остатков трона в большую трясущуюся кучу сбились два десятка разной нечисти — когда ребята появились у входа в зал, поднялся негромкий, полный ужаса скулеж. Ленка просто не поверила своим ушам! Славка поднял руку — и на конце его меча ослепительной вспышкой полыхнул белесый свет. Скулеж перешел в вой; можно было различить слова:

— Охотник, охотник...

— Молчите все! — голос Славки эхом отразился от стен, остатки статуи заколебались и просели. — Я пришел за Маардаем. Пусть он выходит. Я вызываю его по древнему обычаю — как воин Солнечного Света!

— Маардая нет, охотник, — послышался чей-то дрожащий голос. — Маардай ушел.

— Ушел, ушел, бросил нас, — поддержали другие голоса из кучи.

— Он взял себе силу жертвы и ничего не оставил нам...

— Он ушел в Серые Земли, в Серые Земли...

— Не убивай нас, охотник, мы уйдем в леса, мы больше не тронем людей...

— Мы не виноваты, Маардай заставил нас...

— Маардай приказал нам, мы не могли послушаться...

— Не убивай нас, охотник...

— Дай револьвер, — сказал Славка. Ленка задержала руку:

— Зачем?

— Их нельзя выпускать, — терпеливо ответил Славка. Ленка опустила оружие:

— Они такие... жалкие, — тихо сказала девчонка. — Не трогай их. Пожалуйста. Они

уйдут, они же обещали.

Она почти ожидала, что Славка сейчас закричит на нее. Но он улыбнулся:

— Ты добрая... Это хорошо...

— Ты их отпустишь?! — подался вперед Серега. — Ты что, головой упал?!

— Я их не отпущу, — Славка мягко взял у Ленки револьвер. — Не отпущу, потому что они лгут. Они не могут жить иначе, чем живут. Да, Маардай заставил их собраться сюда. Но жалкие они только сейчас, Лена. Когда их много, а человек незащищен — они совсем другие. И ты это видела.

Он поднял револьвер.

Ленка отвернулась.

День. Разговор в пригородном парке.

Парк снова был как парк!

Словно сами собой откуда-то взялись люди. Притащила белый ящик с прозрачной крышкой продавщица мороженого, и Витек принес четыре порции. Сидя на скамейке около дыры, которую Славка даже не позаботился завалить, все четверо сосредоточенно, словно выполняя работу, грызли «Подмосковные вечера». Живые испытывали усиливающийся голод.

— Вот и все, — Славка точно швырнул обертку в дыру и аккуратно облизал пальцы. — Во всяком случае, к вашему городу вернулся мир. Может быть, даже навсегда.

— А подземелье? — кивнул в сторону дыры Витек. Славка отмахнулся:

— Никто туда не сунется. А потом постепенно дыру затянет... Спасибо за помощь вам всем.

— Все так просто оказалось, — немного удивленно заметила Ленка. Славка кивнул:

— Просто...

— Поживешь у нас на даче? — предложил? Ленка. — Или, если хочешь, дома... Пока твои не приедут.

— Нет, Лен, спасибо, — покачал головой Славка. — У меня еще дела.

— Ты собираешься искать этого... Мордатого? — спросил Серега.

Удивительно, что ему первому это пришло в голову. Славка повернулся к нему. Потом усталился в землю рядом со своей драной кроссовкой:

— Угу.

— Тогда я с тобой, — решительно сказал Серега. — Он у меня типа на счетчике.

Славка тяжело вздохнул. Витек быстро спросил:

— Погоди... А как эти сказали — куда ушел Маардай?

— В Серые Земли, — нехотя ответил Славка.

— А это что? — допытывался Витек.

— Долго объяснять, — буркнул Славка. Ленка забеспокоилась:

— Но ты же подождешь своих, один не пойдешь?

— Ждать еще два дня, — не глядя на нее, откликнулся Славка. — По Серым Землям Маардай может за это время в Америку уйти. Завтра утром пойду и сяду ему на хвост, а вы...

— А мы встретим твоих друзей и объясним им, как и что, — скучным голосом закончил Витек. Серега повторил упрямо:

— Я с тобой, — а Витек уже обиженно добавил:

— По-моему, мы тебя не подвели ничем...

— Вам что, приключений захотелось?! — досадливо спросил Славка и встал. — Так я вам скажу: то, что здесь было — это так, ерунда! А Серые Земли — это для нелюди — как для вас ваш город! Я бы туда и сам ни ногой, если бы не боялся, что Маардай уйдет!

— Короче — или с нами, или никак, — подытожил Витек. — Это теперь и наше дело тоже. Начали вместе — и закончим вместе.

— Да вы не закончить, вы кончиться можете на этом деле! — крикнул Славка.

— Мы тебя не бросим, — твердо сказала Ленка. А Серега особо добавил:
— Мне, если без балды, ты — по барабану. Но за Ольку я еще не посчитался.
— Ууйй! — Славка ударил кулаком о ладонь. — Ну вы о родных-то хоть подумайте!

Ответом ему было непреклонное молчание и внимательные взгляды трех пар решительных глаз.

— Вот придурки, — обреченно сказал Славка.

— Мы такие, — со значением ответила Ленка. Славка посмотрел на нее долгим взглядом и заметил:

— В принципе мне от вас можно избавиться довольно просто.

— Не вздумай, — на всякий случай предупредила Ленка. — Мы все равно с тобой пойдем.

— Со сломанными ногами не пойдете, — многообещающе пояснил Славка. Мальчишки вскочили и встали в боевую стойку. — Но ладно. Пусть так. В конце концов — все к лучшему, может, и вы на что пригодитесь...

... — Так что же такое все-таки Серые Земли? — спросил Витек, когда все четверо снова уселись на скамейку.

— Такое место, — туманно ответил Славка. — Если честно, я и сам не знаю, что это. Когда человек начал покорять землю, туда ушла большая часть нелюди, в том числе и нечисть.

— Что-то вроде параллельного пространства? — загорелся Витек. — Значит, они все-таки существуют!

— Наверное, — неуверенно согласился Славка. — Я не люблю там бывать. Человеку, даже бывшему, там легко сойти с ума. Вот например, я был там... э... раз двадцать. И ни разу не встречал одинаковых пейзажей. Например — возвращаюсь назад вроде той же дорогой, а там все поменялось. Среди тех, кто приедет, есть парень, который умеет там художественно ориентироваться, у него мать нелюдь была...

— Разве такое бывает?! — поразились Ленка.

— Бывало, — уточнил Славка, — давно и редко. Этому парню лет... не знаю, тысяч двадцать. Будь все более-менее тихо — я бы их обязательно дождался, но сейчас ждать мне нельзя... Так вот. Пить и есть там тоже ничего нельзя — мне-то это все равно, а вот вам придется запас нести с собой. И немаленький.

— Унесем, — храбро сказала Ленка. Подумала и поправилась: — Мальчишки упрут. Я дама.

— На дам там особый спрос, — заметил Славка и смерил Ленку долгим взглядом. — Не исключено, что нас всех там угробят, а тебя... короче, понимаешь. Еще и подерутся за то, с кем ты жить будешь, пока можешь их детей вынашивать.

Неприятный холодок пробежал вдоль позвоночника девчонки. Но кругом был понятный солнечный мир, сидели рядом трое защитников, и Ленка вздернула нос:

— Перемутятся без меня.

— Их там что — очень много? — спросил Серега. Славка честно ответил:

— Как когда. Пару раз я вообще никого не встречал. А как-то буквально на головах друг у друга сидели. Охотников там, кстати, опасаются, а нормальная нелюдь просто уважает.

— Нормальная нелюдь, — хмыкнул Серега. — Это кто?

— Ты не в курсе, — заметил Витек, — это там лешие и русалки разные.

— Точно, — кивнул Славка, — и, кстати, с русалками уже мальчишкам надо быть поосторожнее. У них фигурки, как у девчонок из «Плейбоя» и нравы, как у паучих.

— В смысле, они своих самцов того... жрут? — неверяще поинтересовался Серега.

— Угадал, — мило улыбнулся Славка. — Хотя, если правду, с ними можно контакт наладить без особых проблем.

— Очень надо, — возмущенно ответил Серега.

— Как когда, — пожал плечами Славка. — В общем, долго про все рассказывать, да и

не нужно. Там просто все не такое, как кажется. Далеко не всегда опасное. Но НЕ ТАКОЕ.

— А где вход-то в эти места? — спросил Витек. — Далеко?

— Да хоть здесь, — указал Славка себе под ноги. — Просто в большинстве мест его открывать — все равно что одному железнодорожный контейнер поднимать: теоретически возможно, на практике — надорвешься. А есть места — там все равно что хорошо смазанную дверь распахнуть: ткнул пальцем — и ни скрипа, ни усилий особых. Насчет этого не прыгайте — я сам это место найду.

— А сколько продлится наша экспедиция? — поинтересовался Витек.

— Или нисколько или вечность, — охотно пояснил Славка. — Времени там нет. Ушли — минуты через две вернемся, даже если неделю там проблуждаем. Кое-кто из наших там отдыхать наладился... Да! — вскрикнул Славка. — Если совсем повезет, мы там их встретим, хотя специально искать — времени нет...

— Отдыхать? — недоверчиво спросила Ленка.

— А что? — удивился Славка. — Есть-пить нам не надо. Выбрал место потише... Охота там классная, такие монстрики встречаются — куда там вашим «бродилкам». И весело и навыки не теряешь.

Сложно было понять, серьезно говорит охотник или прикалывается над ребятами. Витек и не стал в этом разбираться — спросил:

— Ну а «вечность» как понимать?

— Если нас там пришибут — вот и вечность, — охотно пояснил Славка. Ленка прищурилась:

— Я что-то не въеду: ты нас нарочно пугаешь, что ли?

Славка стрельнул в нее взглядом и рассмеялся:

— Немного. Нет, правда — плюньте вы на это... Понимаете, это все равно как если бы я полез решать ваши проблемы — в школе, дома... Намерения самые лучшие, но я бы такого наворотил...

— Не вопрос, — отрезал Серега, — я свое сказал и за базар отвечу.

— Ну а вы-то зачем лезете? — обернулся Славка к брату с сестрой. Те упрямо молчали.

Поздний вечер. Дом на улице Речкалова, 67.

Мальчишки налопались на ночь и завалились спать на диване в зале — там, где отдыхал раненый Славка. Какое-то время возились, потом затихли, и Ленка, сунувшись туда по своей надобности, увидела, что они уже спят. На полу стояли собранные рюкзаки, за своим Серега сгонял домой, попутно объяснив, что заночует у Витька. На письменном столе около стопки кассет лежал конверт с написанным рукой брата адресом Катюхи — уже заклеенный. Ленка вдруг отчетливо-отчетливо представила себе, как через три или четыре дня возвращаются обеспокоенные молчанием детей отец и мать, входят в комнату, находят конверт...

«Что с ними будет, и что я, дура, делаю?!» — с ужасом подумала Ленка, в эту секунду готовая расплакаться и отказаться от безумной затеи с походом. Она выпустила конверт мимо стола, но тут же подхватила быстрым, невозможным движением — снадобье Славки продолжало действовать, и это успокоило Ленку: — А, все будет отлично. Зато я еще побуду с НИМ.»

С этой мыслью она отправилась на кухню — мыть свинячьи остатки на тарелках, с которых ели мальчишки. Дверь на улицу была открыта — приятно думать, что можно снова ничего не бояться... Пуская воду, Ленка подумала еще, что в больших городах люди безо всякой нечисти запирают двери на ночь...

Газовая колонка ровно гудела. Время от времени пробуя воду. Ленка переставляла тарелки и не заметила, как вошел Славка — он нес гитару.

— Хороший инструмент, — сказал мальчишка-нежить, перебирая струны — и те откликнулись тонким звоном. — Это брата?

— Не, Витьке медведь на ухо наступил, — мотнула головой Ленка. — Это отца. На даче у него попроще, а это настоящий «Стратокастер» фирмы...

— ...«ФЕНДЕР», — с улыбкой закончил Славка. Снова перебрал струны — и вдруг полилась из-под его пальцев быстрая и бодрая мелодия, а Ленка удивленно вскинула глаза — Славка негромко, но задорно запел почему-то очень знакомую песню:

Куда
Подует ветер —
Туда
И облака!
По руслу протекает
Послушная река!
— Но ты — человек, ты сильный и смелый!
Своими руками судьбу свою делай!
Иди против ветра, на месте не стой -
Пойми, не бывает
Дороги простой!

— Где-то я эту песню слышала, — заметила Ленка.

— Художественный фильм «Детство Терминатора», — с неожиданным пафосом объявил Славка.

— Че-го? — изумилась Ленка. Славка объяснил:

— «Приключения Электроника».

— А, смотрела, — вспомнила Ленка, — только плохо помню — про что. Песня хорошая, и поешь ты классно. Ты учился петь, да?

— У меня талант, — без особого напряжения или смущения объяснил Славка. — Первый раз я пел на берегу Дона перед переправой воинов великого князя Дмитрия Ивановича на Куликово Поле, — Ленка смотрела во все гла за, даже рот приоткрыла, — а учил меня петь только один человек. Иоанн Васильевич. Прозвище — Грозный, характер — неприятный, певческие данные — отличные. Профессия — первый русский царь. Ленка перевела дух.

— Тебя слушаешь — как сказку... — призналась она. — Если честно, я не верю, что ты их всех знал — Донского, Грозного...

— Донского я лично не знал, — поправил Славка.

— Ну, все равно... Это как кино или книжка фантастическая, вот что. Столько веков, столько людей — знаменитых и просто... людей, про которых мы и не знаем ничего — и ты! — она потрясла головой так, что волосы разлетелись. — Значит, ты не только с нечистой боролся, но и во всяких войнах и такое все участвовал?

— А это неразрывно связано, я же объяснял, — Славка присел на край стола. — Эти твари собираются туда, где людям хуже всего. Но вообще — конечно, участвовал...

— А ты за красных или за белых воевал?

— За зеленых, — усмехнулся Славка. — Нет, серьезно. Там такой разгул нечисти был, что на обычные бои времени не хватало, я так и не определился...

— А до этого? — Ленка напрягла память. — В эту... первую мировую ты воевал?

Вместо ответа Славка положил гитару на колени, склонил голову, секунду помедлил, поднял руку и... струны с надрывом заплакали, а мальчишка, потряхивая головой, пропел:

Христос всеблагий, всесвятый, бесконечный,
Услыши молитву мою,
Услыши меня, о заступник предвечный,
Пошли мне погибель в бою!
Смертельную пулю пошли мне навстречу,

Ведь благодать безмерна твоя.
Скорее пошли мне кровавую сечу,
Чтоб в ней успокоился я...

Он оборвал пение и резко наклонил голову: — Честь имею представиться: прапорщик Его Императорского Величества Ахтырского гусарского полка Ярослав Охотник!

— Прапорщик?! — Ленка звонко рассмеялась, потом покосилась на дверь, ведущую в комнату. — Ты был гусаром, как в кино?!

— Был, только не как в кино, — покачал головой Славка. — Таких гусар в это время уже не было — и форма другая, и война... Осталось только название. Я к ахтырцам в 1914 году прибилсь, в Польше — соврал, что родные погибли и лет себе прибавил, я же рослый... Ходил в разведку. Потом офицеров стало не хватать — отправили в школу прапорщиков. Должен был корнета получить, но тут революция, фронт рухнул...

— А что ты пел? — любопытствовала Ленка, окончательно забыв про посуду и включенную колонку.

— «Молитву русского офицера», — нехотя ответил Славка. — Я дальше не буду, она грустная... Знаешь, Лен, я на той войне убил своего же, охотника.

— Убил? — заморгала Ленка. — Случайно?

— В том то и дело, что нет, — покачал головой Славка, — ничего случайного... Мы отступали из Волыни, немцы — на плечах. Я только-только из школы вернулся, но уже прослыл везунчиком. Командовал арьергардом полка. Арьергард — это отряд прикрытия. Зима, метель всюю... Со мной было человек десять, уже не помню точно, все — старше меня, конечно. В метель даже я хуже вижу — и вдруг прямо по нам в упор из двух пулеметов: р-р-раз! Я сперва думал — на звук. Двое, кажется, что сзади ехали, успели ускакать, а нас всех вместе с лошадьми кучей повалило. Меня навывлет тремя пулями. Лежу, слышу — идут, разговаривают. Четверо с двумя пулеметами на салазках остановились подальше, еле видно за метелью. А еще четверо подходят ближе — пруссаки...

— Кто? — переспросила Ленка, слушавшая с напряженным вниманием.

— Немцы, — мимолетная улыбка показалась на губах Славки. — Их тогда так называли... Четверо, трое солдат и офицер. Слышу — докалывают наших, там двое раненых было.

— Я думала, это только в последнюю войну так делала, — поморщившись, сказала Ленка. — А дальше?

— Что дальше? У меня на ремне было три гранаты, осколочных. И пистолет трофейный — «маузер», большой такой, ты, может, в кино видела. Пока они шли, я кобуру расстегнул, крышка там откидывается так, вытащил его. Подошли они ближе — я во всех четверых в упор, а потом — две гранаты в пулеметчиков. Осел снег, я на ноги вскакиваю, а меня по руке прикладом — шарах! Гляжу — их офицер.

— Он и был охотник?! — догадалась Ленка. Славка кивнул:

— Лари Веттерман. Мы с ним до этого виделись раз двадцать, он старше меня лет на триста... был. Я-то вроде говорить хотел. А он в меня штыком — еле увернулся! Я — за шашку. Ну и... — Славка махнул рукой, щелкнул по гитаре, виновато добавил: — Мы ведь знаем, как нас же убивать. И такое иногда случается. Появись в тот момент какая нечисть — мы бы вместе на нее напали. А так — он немец, я русский. И все дела.

— Ты рассказываешь, как взрослый, — задумчиво сказала Ленка. — Как настоящий взрослый.

— Лен, — мягко прервал ее Славка, — ты не забывай, что видишь только мою внешность. А мне сотни лет. Я не просто взрослый — я... даже названия не подберешь. По опыту, понимаешь. Войны, религиозные гонения, интриги придворные, эпидемии, великие открытия, революции — я все это видел. Я во всем этом участвовал. Так что не удивляйся тому, как я рассказываю...

— Я все равно буду думать о тебе так, как вижу, — упрямо покачала головой Ленка. —

Мне так легче, а то оторопь берет. Ладно?

— Ладно, — засмеялся Славка. — Давай помогу посуду мыть.

Вместе они быстро справились с тарелками. И, выйдя наружу, уселись на перила крыльца друг напротив друга, поставив ноги на перекладины. Запрокинув голову, Славка рассматривал звездное небо — звезды были крупные и яркие, похожие на застывшие электрические искры.

— Хорошая ночь, — сказал он. Ленка кивнула рассеянно — она думала о своем.

— Славик... — начала она и помедлила, ожидая реакции. Славка по-прежнему смотрел вверх. — А зачем вам это вообще? У вас же вечная жизнь. Жили бы себе и жили... Вас же никто не контролирует. Или на вас какое-то заклятье, что-то вроде?

— Нет никакого заклятья, — отозвался Славка. Обхватил колено руками, подтянул к груди. — Бывает, что охотники бросают свою работу. Я знаю такие случаи. Бросают и просто, как ты сказала, живут. Пользуются своей неуязвимостью и вечностью. Сегодня здесь, завтра там. Весело и весь мир повидать можно... Только потом все равно возвращаются. Кто через год, кто через век, но возвращаются.

— Почему? — прошептала Ленка. Славка ответил сразу:

— Есть такой рассказ: «Создан, чтоб летать.» Про космический корабль... А мы созданы, чтоб сражаться. Без этого нам... не по себе. Да и потом — трудно нам жить человеческой жизнью.

— Почему? — повторила Ленка.

— Потому, — Славка опустил голову, взглянул на девчонку с улыбкой, не соответствовавшей его словам. — Тяжело это — быть бессмертным, когда вокруг все смертные. Все стареют — и уходят, уходят... Друзья, знакомые, враги. Да, Лен, в конце концов ты начинаешь завидовать врагам-людям, потому что они могут умереть. И становится очень тоскливо от своей вечности.

Ленка соскочила с перил. Подошла и прислонилась к опорному столбу возле сидящего Славки. Протянула руку, коснулась джинсового колена:

— Мне тебя жалко...

— Не надо, — попросил Славка. — Я знаю, про что ты думаешь. Мы не умеем любить.

— Зато я умею, — произнесла Ленка прежде, чем успела подумать. И вспыхнула — но Славка не засмеялся, не отстранился. Он печально сказал:

— Это не спасает... Тебе будет пятнадцать, шестнадцать... двадцать, тридцать, сорок... сколько-то еще. А мне все будет четырнадцать. И в конце концов ты возненавидишь меня за то, что я такой. Потом ты умрешь... — Ленка вздрогнула, — а мне все будет четырнадцать, и я тоже начну тебя ненавидеть... Нет, еще раньше начну, когда разница в возрасте станет слишком большой.

— Но сейчас-то нам четырнадцать, — в отчаянье бросила Ленка. И услышала:

— Мне — только на вид.

— Ну и сиди здесь! — зло крикнула она и вбежала в дом. Славка не посмотрел ей вслед.

...Поплакав немного, Ленка успокоилась. А потом — как-то странно и неожиданно уснула. Странно потому, что продолжала видеть себя в своей комнате, отчетливо сознавать, что не спит, но при этом не имела возможности даже пошевелиться, что, конечно, бывает только во сне. Она видела, как в комнату совершенно бесшумно вошел Славка — его снадобье все еще действовало, и темнота не была помехой для глаз девочки. Он остановился у кровати, глядя внимательно и печально. Потом — достал из кармана джинсовки зажигалку и зачем-то поднес длинный язык пламени к губам. Ленка поняла — зачем, только когда он наклонился и осторожно, тихо поцеловал ее в уголок рта — теплыми, живыми губами, он подносил зажигалку, чтобы холод не разбудил и не испугал ее. Потом — отстранился, улыбнулся и тихо-тихо сказал: «Ну, вот и все. Извини. Спи.»

Повернулся — и вышел из комнаты тем же неслышным быстрым шагом.

А Ленка и вправду начала засыпать... но какая-то часть ее сознания, сопротивлялась

сну изо всех сил, кричала, что раз она СЕЙЧАС засыпает, то РАНЬШЕ это был не сон, что Славка уходит один, уходит! Спать хотелось очень, тело не слушалось, и все-таки Ленка заставила себя привстать. Стремительно и неприятно закружилась голова — зато потом сонливость разом прошла. Спеша, она накинула халатик и побежала в зал, оттуда — на кухню.

В открытую дверь она увидела спину Славки, его сумку, которую он, перетянув ручки, превратил в рюкзак. Славка уходил по тропинке к калитке.

— Стой! — крикнула Ленка ему в спину с обидой и отчаяньем. Славка замер, медленно обернулся. Спросил:

— Ты проснулась? Не может быть.

— Ты никуда не уйдешь один, — отчеканила Ленка. — Я тебя не отпущу. И ты поступаешь подло, обманывая нас.

— Вам не надо идти, — ответил Славка. Но он не сделал того, чего Ленка боялась больше всего — не ушел сразу, потому что остановить его она бы не смогла. — Зачем вам идти?

— Ты поступаешь подло, — повторила она, чувствуя, что сейчас расплчется. — Почему ты не даешь с собой подружиться, почему не хочешь, чтобы с тобой обращались как с человеком, охотник?! Не смей уходить.

Словно по тонкому льду, Славка двинулся обратно к крыльцу и остановился на земле около него, около Ленки, стоявшей на ступеньку выше — так их глаза были рядом.

«Ты не спала?» — спросил требовательный взгляд Славки.

«Нет!» — ответил дерзкий взгляд Ленки.

— Хорошо, — сказал Славка, сбрасывая рюкзак. — Я не уйду. Слово чести. Только об одном тебя прошу: не рассказывай ребятам. И еще — пойд и ложись спать.

— Это уже вторая просьба, — вздохнула Ленка. — Я буду бояться, что ты сбежишь.

— Я дал слово, — серьезно ответил Славка. — Я посижу на крыльце. Сегодня мне не хочется спать.

Утро. Кузькин лес в тридцати пяти километрах от Болотова.

Обалдевшие от сухой жары комары, вяло жужжа, поднималась из-под ног при каждом шаге, но тут же снова опускалась в еще сохранившие подобие сырости заросли. Кусать они способны не были, летать — почти тоже.

Четыре человека шли через лес без тропинки, цепочкой. Самым странным было то, что встретившийся им полчаса назад объездчик даже не посмотрел в сторону мелькавшей среди деревьев группы, не поинтересовался, что делают в шестом часу утра в лесу, в его гуще, четверо подростков без сопровождающего — просто проехал мимо в каких-то десяти метрах, скользнув по четверке равнодушным взглядом.

Славка шел первым. На этот раз он вполне открыто нес меч на поясе. Вооружены были остальные ребята — тем же, чем и во время схватки в парке, но не только. Витек прихватил с собой туристский топорик с обрешиненной рукояткой, Серега — большой нож, настоящий американский «кей-бар»¹⁰ — который утащил из отцовского стола. Славка пожертвовал еще два своих серебряных ножа, соорудив из них копыя мальчишкам.

В рюкзаках каждый из четверых нес по три двухлитровые пластиковые бутылки, наполненные водой, шоколад и консервы на неделю, а так же спальные мешки. В отличие от обычного турпохода, опыт которых был у всех троих, Славка отмахнулся от сменной теплой одежды, палатки, спичек и массы других первой необходимости вещей, заявив маловразумительно, но уверенно, что все это в Серых Землях не требуется.

¹⁰ Созданный в годы Второй мировой войны большой нож-тесак, который можно использовать и как рабочий инструмент.

Со стороны на Славку было странно и даже жутковато смотреть. Казалось, он приноживается к происходящему вокруг. Временами его лицо становилось напряженным и заострялось, как лезвие его же меча, а временами — отчетливо расслаблялось. Он молчал и требовал, чтобы молчали и все остальные, так что идти было довольно скучно. Выехав из города первой электричкой, ребята не выспались и, хотя и проснулись после часового марша, уведшего их вглубь Кузькина Леса, настроение было так себе. Даже не столько из-за недосыпа, сколько из-за вкрадывавшегося в души страшка, связанного с тем, что им предстояло.

Так они и шагали — не очень быстро, но целеустремленно, двигаясь к одному Славке известному месту — пока впереди лес не поредел, а потом разом прорвался, словно тенистый полог, и все четверо оказались на берегу широкой лесной речки. Над деревьями всходило солнце, ивы нагнулись к воде. Над частыми отмелями течение гнало густую рябь.

— Леснушка, — буркнул Витек, поддерживая лямки рюкзака. — Дальше куда, Сусанин?

Вместо ответа Славка полез в карман куртки и достал оттуда «флинт», самый обычный шоколадный батончик. Развернул его и положил на коряжину у берега, потом сделал всем знак отойти, а сам остался стоять возле шоколадки, широко расставив ноги. Тяжелая сумка-рюкзак ничуть не клонила его назад.

Почти немедленно из-под коряжины (Ленка вскинула ладони ко рту и только поэтому сумела не вскрикнуть, мальчишки вздрогнули) высунулась длинная, тонкая, мохнатая лапа и, ухватила шоколадку, утащила обратно под коряжину. Послышалось причмокивание, чавканье. Потом часть коряжины задрожала и почти волшебным образом превратилась в сутулого длиннорукого — руки волоклись по песку — и коротконогого... э... примата, так определила для себя Ленка. Лица у примата видно не было, оно заросло то ли корой, то ли шерстью, то ли и тем и другим пополам. Их этого непонятия поблескивали остро зеленые глаза, сторожко косившие на людей.

— Здравствуй, — Славка сел на корточки, оказавшись так чуть пониже существа. — Устал тебя искать.

— Подальше ушел, — послышался странный, нездешний, потрескивавший, как сучья в костре, голос, — от людей, от плохого воздуха. Тут хорошо пока. Нашел — пускай. За лакомство спасибо. А зачем искал и людей привел? Если б не ты, какой другой из ваших — не показался бы, хоть мешок со сладостями ставь.

— Помоги в Серые Земли пройти, — сразу же, без долгих предисловий, резанул Славка. — Ваш брат туда-сюда ходит, как по своему дому, а я кручусь, чувствую — можно войти, а где... — он пожал плечами.

— С людьми пойдешь? — снова кольнули в сторону ребят глаза. Славка кивнул. — Дело твое... Когда идти хочешь?

— Сейчас, — твердо ответил Славка, — А если подскажешь, куда там попаду...

Он не договорил — послышался звук, словно часто били друг о друга двумя сухими деревяшками. Существо смеялось. Потом махнуло длинной... нет, все-таки не лапой — рукой:

— Насмешил. Идите за мной, тут рядом, не подвело тебя чутье...

Неуловимым движением существо повернулось и, перебирая руками по траве, пошло-покатилось вдоль берега. Славка обернулся, подмигнул остальным, махнул рукой: догоняйте! — Это кто? — агрессивно спросил Витек, первым догнав охотника.

— Лешачок, — весело ответил тот. — Старый знакомый.

— Так ты в наших местах был, что ли? — удивился Витек. Славка кивнул:

— Угу... Давно только, города еще не было. Я его тогда от уводней спас. Сейчас... ага, вот!

Леший — странно было думать, что это он и есть! — остановился около большого валуна, словно высунувшего из песка над берегом каменную морду, ткнул в него рукой и... пропал.

— Так просто? — пробормотал Славка. — Вот ведь... всегда им за это завидовал...

Он по-хозяйски огляделся, сбросил рюкзак на песок. И, вытянув перед собой руку, начал ощупывать ей... воздух. Зрелище было странное и даже жутковатое. Не отрываясь от своего дела, Славка бросил:

— Снимайте рюкзаки. Хворосту натаскайте, побольше. И сложите кучей вот тут.

Он лягнул воздух ногой, указав направление.

Рюкзаки снять было большим облегчением. Ну а хворосту вокруг было много — даже далеко ходить не пришлось, он валялся под ногами, сухой, как порошок, Витек с Серегой натаскали целую гору. Ленка все еще наблюдала, как Славка щупает воздух — так, словно залез куда-то и вслепую шарит то ли дверную ручку, то ли выключатель... Сходство усиливалось от того, как Славка повернул ладонь — точь-в-точь, открывал дверь, держась за что-то. И повернулся к остальным:

— Поджигайте костер, - сказал он.

— Спички забыли, — не без яда ответил Серега. Славка усмехнулся, направил на костер клинок выхваченного из петли меча — рыжее пламя охватило разом всю груды.

— Это просто, — заметил он. Прищурясь, посмотрел в пламя, не глядя, поднял с песка свой рюкзак и швырнул его в костер.

Рюкзак пропал.

Ребята смотрели на то место, куда он должен был упасть, пролетев сквозь огонь. Там ничего не было, кроме песка и начинавшейся травы.

— Примерно так, — объявил Славка. — Бросайте свои.

Ленка шагнула первой. Неловко мотнула рюкзак — он должен был упасть на хворост и развалить пылающую кучу...

Он исчез тоже.

Мальчишки метнули свои рюкзаки сильно и с размахом, хотя уже было ясно, что можно его просто уронить в огонь. Витек спросил:

— Нам что, тоже туда?

— Не мимо, — успокоил Славка и сбросил куртку. — Раздевайтесь... Лен, отвернись. Я пойду первым. Потом — Лена, ты. Не бойся, ТАМ я смотреть тоже не буду, просто встречу тебя. Одежду бросайте впереди себя.

— Это что, еще и голыми?! — возмутился Витек. — Ну елки-палки...

— Не я придумал правила, — быстро, откликнулся Славка, вылезая из майки. Ленка медленно отвернулась. Мальчишки, смущенно переглядываясь и косясь на нее, начали расстегивать потертые, выцветшие камуфляжи с эмблемами школьного турклуба.

Чувствуя, что ее трясет — от реки тянуло холодком, так она это объясняла для себя, не желая анализировать охватившую ее смесь страха, возбуждения и волнения — Ленка поспешно складывала одежду, которую снимала с себя. Витек и Серега за ее спиной переговаривались, и она знала, что мальчишки не смотрят в ее сторону — все было слишком серьезно, чтобы заиграло детство:

— Ушел.

— Ломает меня туда прыгать.

— Боишься?

— А ты?

— Угу... придется. Интересно, вместе можно? ...

— Давай вместе... Лен, он сдернул, давай, мы не смотрим!

Ленка повернулась, держа одежду в руках и прикрываясь ею. Мельком глянула и ту же отвела глаза — мальчишки стояли к ней спиной, но все равно. От костра тянуло жаром — непереносимо, как из печи.

Ей показалось, что она спит и видит странный сон. Длинный, загадочный, страшный и красивый.

Не закрывая глаз, девочка шагнула в пламя.

Время и место неизвестно. Где-то в серых землях.

Ей казалось, что она смотрит из какого-то большого окна, по бокам которого клубится серый туман. Окно в нем словно плавало, перемещалось, как изображение в видеискателе камеры. Мелькнула плоская равнина, зажата с трех сторон лесистыми холмами, с четвертой — рекой, берег которой вскипал массой всадников — в мохнатых шапках, на небольших лошадках, они переправлялись через реку, затянутую льдом. Изображение сместилось — дальние холмы прыжком приблизились, с них тяжело, но очень быстро сваливалась лавина конницы: люди в сверкающей броне, на огромных бронированных конях шли мощным скоком, строем, уставив острия длинных пик, льдисто сверкавшие на зимнем солнце. Впереди, оторвавшись от остальных, мчался всадник в багряном, как грозовой закат, плаще, крылатом шлеме, подняв длинный вороненый меч. Над строем бились по холодному ветру сине-белые полотнища с силуэтом пикирующей золотой птицы. Ленке казалось, что всадники мчатся прямо на нее, стоящую в снегу — раздутые лошадиные ноздри под страшными масками, оскаленные человеческие рты в прорезях шлемов — но лавина врубилась в кипение мохнатых всадников на берегу...

Она стояла посреди широкого — пять рядов в каждую сторону — бетонного полотна, по которому беззвучно проносились низкие машины, похожие на капли. Летний вечер раскачивал густо растущие по обеим сторонам деревья; чуть дальше синие буквы на стоящем у дороги белом указателе гласили: «ВАС ПРИВЕТСТВУЕТ ВЕЛИКИЙ КИЕВ — СТОЛИЦА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ!» Ниже надпись дублировалась на нескольких языках — Ленка не успела разобрать, на каких. В небе совсем низко прошел треугольный, сверкающий, чем-то похожий на кусок торта аппарат...

Рывок за руку был таким сильным, что Ленка вскрикнула и упала на колени. Странный мир исчез, растаял.

— Очнись, очнись, Лен, — повторял знакомый голос. Дикими глазами она смотрела вокруг, не узнавая вроде бы знакомого парня в трусах, стоявшего к ней спиной. Вокруг серела каменистая равнина, полого уходящая вверх, в розовое небо, на котором не было солнца — просто нависала светящаяся пелена. Совсем рядом тек ручей — вода бежала ВВЕРХ по склону, синяя, яркая, как густой купорос. Возле ручья лежали рюкзаки и одежда — кучей. Воздух был теплым и неподвижным, как вода в прогретой насквозь луже.

Короче говоря, вокруг лежал мир, которого не могло быть. Именно это и заставило Ленку странным образом успокоиться и все вспомнить.

— Отвернись, — бросила она Славке, хотя он и так на нее не смотрел, и принялась быстро одеваться: — А где мальчишки?

Охотник не успел ответить — прямо из воздуха, словно ему дали пинка, возник Витек. Поспешно отвернувшись, Ленка отметила, что лицо у него было на редкость глупое — неужели и у нее такое же? Судя по шуму за спиной, Серега спикировал на Витька, послышался его довольно хладнокровный голос:

— Это типа и есть квартира вашего Мардохая?

— Маардая, — педантично поправил Славка. — Да, это Серые Земли.

— Ну и в лейблах все... Блин, шухер какой-то в чайнике... Витек, отдай носки, это мои.

— По запаху чую, — мрачно ответил братишка Ленки. — Держи свом бумеранги... Что дальше делать, Слав?

— Хлебнуть настоя, — определил Славка, — скоро действие закончится... А потом пойдем.

— Куда? — поинтересовалась Ленка, осторожно оборачиваясь. Мальчишки уже почти оделись.

— Туда, — решительно указал Славка в направлении, где небо сливалось с землей.

— Почему? — удивилась Ленка.

— А чем там хуже? — пожал плечами Славка.

В это «время» в Болотове. Разные места.

Кольке Селиванову по прозвищу Ник было очень больно. Он лежал в темноте палаты, наблюдал, как пробегают по потолку редкие желтые полосы автомобильных фар и слушал, как дышит на соседней кровати мать — она уснула лишь после того, как Ник притворился, что спит.

Больше всего на свете Ник хотел заорать, заплакать, разбудить всех — и пусть ему вколют морфий, промедол, лидокаин, что там еще у них колют? Таз тупо мозжило, но это было даже хорошо — значит, нервы не тронуты. Так сказал с самого начала врач. А вот голова болела так, что перед глазами плыли цветные круги, судорожно сжимался пустой желудок, все тело раз за разом, приступами, покрывал холодный пот. С закрытыми глазами было еще хуже — уснуть все равно не получалось, зато появлялось ощущение стремительного полета вниз и нарастающий ужас ожидания удара обо что-то твердое, которым должен был завершиться этот полет.

Стиснув зубы, он терпел и ждал, когда за окном начнет светать. Примерно в шесть утра боль ослабевает, и он сможет уснуть, чтобы потом уверять на обходе, что «терпеть можно».

Но ведь терпеть и правда можно. Можно, можно... Он загадал — если сможет вытерпеть без наркотиков, то Ленка будет с ним. Обязательно будет. Отступит боль — и она войдет в палату, к тому времени уже будут, конечно, пускать посетителей...

Главное — вытерпеть.

Он вздохнул и начал смотреть в окно, на небо, выискивая признаки зари. И, наверное, уснул, потому что проснулся не от боли, а от страха — он во сне догонял Ленку по непонятной серой равнине под диким розовым небом, похожим на штаны-лосины кислотницы. Надо было догнать — он отпустил ее туда, куда она не должна ходить одна... но перед ним выросли несколько фигур в бесформенных плащах — а страх вытолкнул его из сна.

— Коленька, — так нелепо и ласково его звала одна мать, сейчас она наклонялась над кроватью, — Коленька, что, очень больно? Или тебе водички?

— Мам, — позвал он, удивившись тому, какой сухой рот, — мам, ты пожалуйста днем сходи к Лене. Я тебя очень прошу. Узнай, как она там.

— К Кате? — переспросила мать. — К Кате ты хочешь сказать, Коленька?

— Мам, к Лене, — настойчиво повторил Ник. И добавил: — Дай попить...

...Катюха проснулась от того, что Нинка, младшая сестра, трясла ее за плечо и шептала жалобно:

— Кать, Кать, Кать...

— Что?! — девчонка села в мокрой от пота постели. Ночная рубаша прилипла к спине, во рту стоял привкус ужаса: только что она видела жуткий сон, которого уже не помнила.

— Кать, ты воешь, — испуганно и сердито сказала Нинка, выпуская ее плечи. — Ты воешь, как волчица, а мне страшно. Не надо!

— Ложись, это я во сне, — Катюха перевернула подушку. Сестра вернулась в свою постель, завозилась, укладываясь, а Катюха осталась сидеть, обхватив руками колени.

Луна серебристо заглядывала в окно. Часы показывали третий час утра.

«Что-то случилось, — отчетливо и необычайно серьезно подумала девочка. — Что-то с Витей. И я видела это во сне, вот что.»

Она прислушалась. Нинка спала, уснула сразу, как сурок. Катюха осторожно спустила ноги с кровати и, помедлив, встала около нее на колени. Сложила руки перед грудью. Она никогда не молилась всерьез, но сейчас ей было очень страшно — страшно не за себя! — и она не знала, как помочь Вите: молчаливому, внимательному, красивому, самому лучшему на свете мальчику...

— Господи, — прошептала она, — он самый хороший. Я, наверное, глупая и болтливая, я не для него, но... спаси и сохрани его, Господи, Господи...

Время и место неизвестно. Где-то в Серых Землях.

Идти по Серым Землям оказалось трудно. Не физически — морально. Физически-то как раз после принятия патентованной славкиной гадости трудностей не ощущалось. Но представьте себе, что вы идете и идете, а вокруг ничего не меняется. Говорят, даже в пустыне один бархан не совсем похож на другой. Тут создавалось впечатление, что ты шагаешь и шагаешь на месте — как в спортивном зале на вращающейся дорожке. Ленка ненавидела эти залы. Она не могла понять, для чего они, если есть на свете лесные тропинки, полевые дороги, настоящие весла в настоящей, плывущей по воде, лодке, настоящие велосипеды, на которых можно гонять по улицам...

— Знаешь, что я видела? — спросила она, чтобы просто подать голос: тишина (звуки были, но они казались частью этой тишины) доставала. Славка вопреки ее ожиданию охотно откликнулся:

— Что?

Она рассказала о своих странных видениях. Мальчишки, шедшие слева и справа, тоже внимательно слушали, потом Серега уверенно определил:

— Глюк.

— Нет, — возразил Славка, — не глюк, а параллельный мир.

Никто из ребят не удивился. За последние дни они видели столько и узнали так много, что параллельным мирам их было не прогнуть. Только Серега поинтересовался:

— Это что же: Ленка могла там зависнуть?

— Это вряд ли, — покачал головой Славка. — Понимаете... представьте себе, что Серые Земли — это такой коридор, длинный и немного скучный. А по обе стороны коридора — прозрачные двери. Много-много! Это и есть параллельные миры. Часто бывает — особенно когда ты не совсем точно представляешь себе Серые Земли — что ты как бы «выходишь из своей двери» и «останавливаешься в коридоре». И видишь...

— Значит, можно войти? — загорелся Витек. Славка с сомнением замычал:

— М-м-м-м... на... наверное, можно. Только я не знаю — как. И никто из моих знакомых не знает. Они хоть и прозрачные, эти двери, но доступна тебе только та, из которой ты вышел. А вот наблюдать интересно. Вот Лена, кажется, видела мир, где не произошло разделения Руси на княжества, и монголо-татары зимой были разгромлены на реке Сить. Единым русским войском, представляете?! И — как результат — Киев стал, точнее — остался столицей, а наша страна и по сию пору является империей.

— Круто, — оценил Витек. Славка кивнул и продолжал воодушевленно:

— Есть миры, где события стали разниться совсем недавно — например, Гитлер взял Москву в 41-м, или наоборот — увяз в пограничных боях, и война закончилась победой нашей страны уже в 43-м. А есть — где все пошло не так, как у нас, с незапамятных времен. Ну — Римская Империя не пала. Или племена арийцев пошли не на запад, в Европу, а на юг, по островам Тихого океана, и центром цивилизации является Австралия!

— Вот это фишки, — удивленно покачал головой Серега. — А этот...

— Маардай, — с улыбкой опередил его Славка.

— Ага... он не мог сдернуть в один из этих типа миров? Мы же тогда крыши себе подорвем, пока искать его будем!

— Он не может перемешаться в параллельные пространства, — пояснил Славка. — Как и мы, он привязан к своему, где появился. Кстати, ребята, я за шесть с половиной веков видел десятка три параллельных пространств. И не было ни одного, где отсутствовали бы славяне. Такой народ есть везде.

— Выходит, мы вечны, — задумчиво сказала Ленка. Славка согласился:

— Выходит... А теперь смотрите фокус. Красиво, да?

Все трое живых застыли. Каменной осыпи не было и в помине. Они стояли на опушке леса. Сотни деревьев с белесыми стволами опускали изогнутые арками дуги ветвей до земли

— и каждая ветвь пускала побеги, сама становясь деревом — у леса не было ни начала, ни конца. Ярко-ярко зеленая листва перемежалась с огромными красными плодами, похожими на тыквы. Прямо на опушке, метрах в ста левее брели двое леших — как две капли воды похожих на виденного возле Леснушки. На людей им в высшей степени было наплевать.

— Блин! — сказал Серега и стремительно обернулся. Позади до самого розово-кислотного неба поднималась отвесная стена из черного камня, отражавшая уродливо растянутые и изломанные фигуры путешественников.

— Заболтались, — заметил Витек и повел арбалетом. — И часто тут такое?

— А на каждом шагу, я же предупреждал, — беспечно ответил Славка. — Да все нормально, я предупрежу, если что опасное... А сейчас нам вроде как и повезло. Можем поискать в лесу одну мою знакомую. Если найдем — задачка упростится.

— Ай! — взвизгнула Ленка. — Кто это?!

На фоне черной стены медленно и величаво плыл, не взмахивая крыльями и вытянув три головы, здоровенный дракон. Сравнить его было не с чем — а значит, не поймешь, далеко он или близко, насколько на самом деле большой. Однако, вид у него был неприятный. Как у братка не из самых важных, буквально жаждущего мелких конфликтов.

— В лес, — скомандовал Славка и отступил последним. Дракон небрежно фуганул тремя струями огня, которые, впрочем, до земли не долетели — и, махнув крыльями, круто ушел в небо.

Стало слышно, как Витек хихикает.

— «Дорога Славы», — выдал он название книжки, которую очень любил читать. — А у вас нет драконов, которых надо перебить?

— Да это несложно, — то ли не понял шутки Славка, то ли наоборот — поддержал ее. — При желании я потом покажу — как. Пошли?

— Пить хочется, — заметила Ленка. Славка покачал головой:

— Попьешь на привале, не раньше. Извини, Лен.

— Потерплю, — мужественным голосом партизанской связной ответила девчонка. — Пошли...

...Лес оказался как лес. Никто не попадался навстречу, но много кто шуршал по сторонам от идущего отряда. Витек, замыкавший строй, обернулся и не выдержал — заорал: по пятам за ними тащилась грандиозных размеров синяя улитка. От крика мальчишки она пронзительно взвизгнула и с неожиданной для улитки скоростью умчалась куда-то в сторону. Славка, долго и обидно хохотал.

— К-к-то это? — еще не оправившись от потрясения, спросил Витек — он даже забыл рассердиться: на смех. Славка пожал плечами:

— Откуда я знаю? В этом мире биологов нет, все, что ползает, бежит, растет и летает — не классифицировано. Даже не названо чаще всего.

— Синяя Витя, — предложила Ленка. — Давайте ее так назовем?

— Сама ты синяя, — обиделся Витек. — Посмотрел, бы я на тебя, окажись эта гадина за твоей спиной!

Справедливости ради Ленка решила промолчать. Она поддернула лямки рюкзака и зашагала дальше.

Часы у Витька остановились. Ленкины шли назад. Серегины — вперед, но с такой скоростью, что секундной стрелки не было видно вообще. Судя по всему, время, как и расстояние, тут значения не имели и никого не интересовали. Однако пить хотелось уже всем троим. Но все трое молчали, понимая, что от разговора легче не станет, а начинать хлебать воду, едва выйдя в путь — не лучшее занятие. Даже на Земле — и тем более здесь, где хорошей воды нет...

...Уже довольно долго они шли следом за Славкой вдоль берега совершенно нормально выглядевшего озера. Лес подступал к самой воде, ровная гладь была прозрачна, как стекло — различались камни и водоросли на дне, стайки рыб и два философски сидящих на донных камнях лягушкоподобных существа. Славка мельком пояснил, что это водяные, идти здесь

можно было только по самой кромке между лесом и водой: деревья с их ветвями-стволами встали сплошной стеной, в этой чащобе мерзко попискивало и скрипело — звуки наводили на мысль о большом то ли раке, то ли крабе, сидящем среди деревьев. Не слишком приятно было представлять себе такое. Славку эти звуки тоже беспокоили: он ухитрился втиснуться между остальными и лесом настороженно посматривал туда. И все-таки не углядел.

Может быть потому, что нападение произошло не сбоку, а именно спереди — существо было или слишком голодно, или слишком умно. Ленка увидев только, как часть леса будто бы ожила, вытянула ей навстречу ветки — молча и быстро, эти ветки проросли шипами и открытыми мокрыми ладонями... Она успела метнуться назад, а мимо нее проскочил Витек с арбалетом в левой и копьем — в правой руке. Арбалет щелкнул, послышался шипящий стон — и лес, внезапно оживший, утихомирился.

— Ты цела?! — Витек был очень бледен. — Кто это был?!

— Не знаю! — раздраженно ответил Славка. Лицо у него было виноватым. — Я уже говорил — тут трудно разобраться!

Он прошелся вдоль кустов, несколько раз ткнул мечом в ветки, свистнул и махнул рукой:

— Пошли...

...Они шли еще какое-то время — может быть, очень долгое. Озеро почему-то не кончалось, хотя его берега отчетливо виднелись и до них было недалеко. Славка мрачнел на глазах, и Ленка, нагнав его, тихонько спросила

— Что-то случилось?

Ответом ей стала вымученная улыбка и непонятные слова:

— Не желает признавать меня старая карга.

— А? — вякнула, Ленка. Славка тронул ее за плечо:

— Подожди, Лен, не мешай.

Он явно что-то искал — и не мог найти. Наконец — приказал устало:

— Привал. Садимся спина к спине, можно попить, но не больше стакана.

Они уселись на берегу, вытянув ноги: в круг, чтобы видеть все. Пить оказалось хуже, чем не пить — хотелось, присосавшись, вытянуть все два литра воды, подхлестнутые организмы требовали после долгой ходьбы больше жидкости, чем их хозяева могли им уделить.

— Мы заблудились, что ли? — с усилием завинчивая бутылку, спросил Серега

— Тут нельзя заблудиться, потому что нет направлений, — ответил Славка. Помолчал и добавил: — Но можно не попасть, куда хочешь, а это еще хуже.

— Ой, блин! — Витек дернулся. — Смотрите!

Пять или шесть уводней — сухоруких, когтистых, рослых, с глазами, мерцающими гнилушечьим светом — вышли из леса совсем рядом. Подростки повскакали на ноги, развернувшись лицами к врагу, только Ленка, держа револьвер обеими руками, уже привычно осталась контролировать тыл.

Уводни остановились в нескольких шагах. То ли в силу многочисленности, то ли потому, что они находились в своем мире, но они казались уверенными и спокойными. Стоявший впереди проскрипел:

— Скрриии... охотник... крип...

— Охотник, — согласился Славка. Меч он держал опущенным вдоль ноги, но левая рука, согнутая в локте, смотрела прямо на уводней — а значит, они находились на прицеле пружинника: — Что вам нужно?

— Наша земля, — скрипнул уводень. Славка вытянул правую руку:

— Мой меч.

Уводней отбросила невидимая сила — метров на пять. Там они и стояли, поскрипывая и покачиваясь, будто ожившие деревца.

— Идем дальше, — приказал Славка. Ленка хладнокровно ответила:

— Куда? Смотри.

Быстро взглянув через плечо, Славка увидел еще столько же тварей, отрезавших путь с другой стороны. Водяные поднялись на поверхность, лежали на воде, еще больше похожие на здоровенных жаб, и один из них булькал, взмахивая перепончатой лапой:

— К нам, к нам!

У него получалось до смешного похоже на «квак, квак».

— Слушай, почему они все говорят по-русски? — задумчиво поинтересовался Витек, поводя арбалетом.

— Они говорят не по-русски, — возразил Славка, — это мы слышим русский. Немец услышит немецкий, швед — шведский. А что, это очень важно?

— Интересно просто, — дернул плечами Витек. — Что будем делать?

— Если бы тут была нормальная вода — прыгнули бы в озеро, — ответил Славка, — а там — куда водяные вынесут. Но поскольку вода тут...

И он быстро выстрелил три раза — уже в прыжке...

...Последнего уводня из рогатки застрелил Серега — уже когда тот вломился в лес, шарик догнал тварь точно в затылок. Странно — здесь, в Серых Землях, нечисть не распадалась в ничто, а оставалась лежать на земле самыми обычными трупами. Ленка отметила это уже когда они неслись во весь опор вдоль берега следом за Славкой. За ними никто не гнался, но охотник предпочел почему-то бежать. Остальные, конечно же, не выясняли, что случилось, и только Серега, когда остановились, начал:

— За каким... ух!

Любой из них мог поклясться, что до конца озера они так и не добежали. Но вот поди ж ты — ни озера, ни того странного леса. Их окружали редкие, умопомрачительно высокие деревья, раскинувшие где-то в розовой мути неба широкие густые кроны. Могучие стволы покрывал бородастый мох. Под ногами чавкало, белая трава торчала из черной, мокрой земли редкими пучками. Мрак осязаемо ползал у корней древесных чудовищ, но Славка выглядел неожиданно довольным:

— Ну, это уже лучше, — заявил он, улыбнувшись своей обычной улыбкой — широкой, веселой и беззаботной. — Вот как полезно иногда побегать... Теперь недалеко, я думаю. Лен, иди вперед.

Ленка покорно заняла лидирующее место, но Витек недовольно спросил:

— Ну зачем ее опять вперед? Мало было всего?

— Затем вперед, что впереди опасно сейчас, — пояснил Славка. Витек огрызнулся:

— Вот именно!

— Для нас опасно, — терпеливо дополнил Славка. — Девчонке ничего не грозит, наоборот — она и нас спасет... А вы не дергайтесь. И не вздумайте стрелять — тут вам не уводни. Пошли, Лен.

— Куда? — беспомощно огляделась она и сделала шаг. Славка удовлетворенно пробормотал:

— Ну вот, правильно... — и ободрительно добавил: — Лен, давай, давай!

Ленка фыркнула, дернула плечами и пошла. Просто пошла, не вполне понимая, почему идет именно туда, куда идет. Вокруг становилось все темнее, но впереди между сливавшимися в сплошную стену деревьями узкими полосами брезжил розовый свет.

— Над вами что-то вроде совы летит, — прошептал Витек. — Громадная — как Карелин!

— Все нормально, — ответил Славка. — Даже лучше, чем я ожидал.

Розовый свет будто прыгнул навстречу, деревья раздались, и у Ленки с мальчишками вырвался единый звук, выражающий высшую степень недоумения и недоверия к собственным глазам.

На большой поляне.

За редким кругом из кольев с насаженными на них черепами.

На вытоптанной до твердости камня земле.

Под кривобокой крышей из бересты.

Гордо стояла.
СТОЯЛА ИЗБУШКА НА КУРЬИХ НОЖКАХ.

Время и место неизвестно. Где-то в Серых Землях, у избышки на курьих ножках.

Слава богу, никаких курьих ножек, конечно же, не было — иначе психика ребят точно дала бы сбой. Настил, служивший избышке полом, держался на разлапистом пеньке одного из здоровенных деревьев, вцепившемся в землю узловатыми корнями, похожими на птичьи когти. Но, если честно, эффект все равно был сокрушительный — иначе не скажешь. Слов не нашлось ни у кого, кроме Сереги. Прокашлявшись, он надменно заявил:

— Это... типа избышка-избушка, повернись ваще к лесу задом, а ко мне... ну это, типа, передом.

— Ты чего несешь?! — прошипел Витек. Серега ответил ему взглядом, начисто свободным от всякой мысли — было ясно, что ляпнул он свою вдохновенную тираду с перепугу и изумления.

Но исправлять что-то было уже поздно. И это стало ясно мгновенно. Конечно же, избышка не стала поворачиваться (хотя никто не удивился бы). Но где-то в глубинах ее ухнуло — звук был такой, словно в центр огромного гулко-го спортзала грохнулась люстра на шестьдесят ламп. Потом вполне мирно и обычно скрипнула дверь.

— Так, — стеклянным голосом констатировал Славка, — напомните мне кто-нибудь, что идиотов с собой не берут даже проводить до сортира.

Серега не возразил. Он виновато сопел. В чем его вина — мальчишка не понимал, но уяснил уже, что она имеет место.

Кто-то, тяжело ступая, шел по настилу избышки. Пока — невидимый, но хорошо слышимый. Ленка, почувствовав неприятные взгляды в спину, не выдержала — резко обернулась. Огромное количество сов — не меньше сотни! — сидело на траве у опушки, окружив поляну кольцом. Розовый свет не мешал им — немигающие, внимательные желтые, глаза смотрели на пришельцев. Совы были громадными — если не как Карелин, то с Брюса Ли — точно. В остальном совы были самые обычные. На берестяной крыше, каким-то чудом ее не проваливая, появился кот. Нет — КОТ. Дымчатый, длиннохвостый, с огромной башкой, не казавшейся, правда, такой уж большой в сравнении с общими тигроподобными размерами. Он облизнулся, зевнул и сел на самом краю, щурясь вниз — ребята ощутили себя мышами посреди большой пустой комнаты. Наконец, и черепа на кольях бесшумно и плавно развернулись, как прожектора на корабле. Сходство усилилось тем, что из черных глазниц полился синеватый свет — и Ленка, Витек и Серега поняли, что не могут пошевелить и пальцем! Славка скривился, его лицо осунулось.

Бум. Скрип. Хрюсть. Бум. Скрип. Хрюсть. Бум. Скрип. Хрюсть. Хозяин приближался. Больше всего Ленке хотелось закрыть глаза и описаться — в самом прямом смысле слова. Возможностей для этого у девчонки не было — она не принадлежала сама себе.

— Завтрик пришел, — торжествующе и уверенно сообщил визгливый старушечий голос. И Ленка не сразу поняла, что хозяин-то уже появился — просто она смотрела на уровне метров двух от настила, уверенная по звукам в том, что припрется нечто такое, чему в избышке только лежать. А на краю настила, обеими руками и грудью навалившись на толстую суковатую клюку, стояла бабулька, до удивления похожая на ворох тряпья и грибо-трутовик одновременно. Во что она была одета и обута — понять трудно. Над головой двумя рогами торчали концы платка. Выпиравший вперед подбородок порос серой щетиной. Между двух впадин, обозначавших щеки, выгибался чудовищный нос с бородавкой. Морщины походили на шрамы. Но глаза...

Глаза были молодые. Цвета весенней травы под голубым небом. Внимательные. Зоркие. Совсем не старческие. И, стоило присмотреться — вы видели именно их, а не остальное уродство. Хотя и жутко было смотреть в них — глаза поражали нечеловеческой

безжалостностью и беспечностью, у людей, особенно старых, не бывает таких глаз.

— Кися, кися, — позвала бабуля. Чудовищный «кися» каплей стек с крыши на настил и замурчал — казалось, в глубинах избушки заработал мощный мотор. Хозяйка почесала его клюкой под подбородком — кот вовсе зажмурился и впал в ступор. — Завтрик тебе, — сообщила бабуля, и глаза кота, раскрывшись, вспыхнули алым. — Ты уж выбирай, кого хочешь. И совушкам-голубушкам ишо оставь, а остальных я сама приберу, значить...

— Бабка! — неожиданно гаркнул Славка. — Хватит чушь пороть, ягая!

— Погодь, кися... — бабуля навалилась на клюку и вопреки всем законам гравитации наклонилась с настила под опасным углом, всматриваясь: — Ась? Ихто эта? — и вдруг гаркнула не хуже Ярослава: — Ать! Славка, во всякой песне заставка! Ыть как жа ты?! Все заклятья мои заставные обошел, нежить неугомонная! Ой хлопот с вашим братьем! Кой леший тебя принес?! —

— Так-то гостей встречать стала?! — Славка покачал головой. — Отпусти моих друзей, Яга!

— Значитца — не завтрик, — философски заметила бабка, оказавшаяся Бабой-Ягой, как и предполагалось. — Оченно жаль. Гуляй, кися... Кшшшш, подруженьки! — она неожиданно легко взмахнула клюкой. Кот встал на все четыре лапы, с достоинством потянулся, поднял хвост трубой и исчез за углом. — А я уж обнадеялась — молоденькие, сочненькие. Уж сколько детишек не ела...

— Глаза разуй, дура старая, — бестактно и быстро перебил ее жутковатые гурманские излияния Славка, убирая меч в кольцо. Яга озадаченно моргнула, подалась вперед и охнула:

— Девка?! Знал, чем под корень подрубить, — она укоризненно покачала головой, закричала и указала клюкой: — Прошли бы. Там и поговорим.

И, не удостоив гостей больше ни одним словом, ухромала за угол. Черепа синхронно отвернулись, свет погас, и все трое ощутили, как неведомая сила отпустила их. Даже Славка вздохнул с облегчением.

— Это что, Баба Яга?! — Витек часто сглатывал. Славка кивнул. — Настоящая?!

— Электронный монстрик, — задумчиво ответил Славка, думая о чем-то своем. — У нее отдохнем и заодно узнаем, что надо.

— Угу, — Серега встряхнулся. — А если у неё «стинол» голимый стоит? Я ей что — «бигмак»?!

— Да она пугала, — возразила Ленка. Она испугалась меньше мальчишек, которые даже не могли скрыть страха.

— Нет, не пугала, — возразил Славка. — Съела бы, а черепа... — он кивнул на колья. — Ей сейчас человечина редко перепадает, с тех пор, как мы ее сюда выселили...

— Вы?! — захлопала глазами Ленка. А Витек удивился:

— А не убили почему?! Она же нечисть настоящая!

— Не нечисть она, а нежить, как и я, — покачал головой Славка. — А убить? Мы просто не знаем — как. Она, наверное, старше всех охотников, вместе взятых.

— То-то и просекаю — динозавр конкретный, — проворчал Серега. — Не, я туда ни ногой.

— Она никому из нас теперь ничего не сделает, — терпеливо возразил Славка. — А на Ленку вообще молиться будет... Лен, — серьезно сказал он, приблизив свое лицо к лицу девчонки, — будет бабка уговаривать остаться с ней — не соглашайся. Учениц-то ее мы всех перебили, — Славка: поморщился. Ленка испуганно замотала головой:

— Я?! Нет, ты что, крэйзи?!

— Идетя?! — раздался голос Яги из-за избушки.

— Идем! — отозвался за всех Славка. И первым зашагал к избушке.

...Внутри избушка оказалась больше, чем снаружи. Это звучало и выглядело дико и даже страшновато, но это так и было — ни отнять, ни прибавить! В углах лежала темнота, посверкивали чьи-то глазки — похоже, пауков. Печь занимала один из углов. Под низким потолком висели пучки трав — от них сухо и сильно пахло. Противоположный от печки угол

заваливали вороха соломы.

Бабка сидела за столом, словно выросшим из деревянного пола, на широкой лавке, все так же опершись на клюку.

— Не угощаю уж, — проворчала она. Стрельнула в Ленку зеленым взглядом: — И тебя, краса, уговаривать не стану, уж чо там тебе обалдуй наговорил — не бойся. Хотела бы уговорить, дык вижу, что не сладится. Дура ты, девка. Куды лучше было б в камень влюбиться — тот хучь во дворе воткнуть можно...

— О чем вы, б-бабушка? — замялась Ленке. Яга отмахнулась:

— Ни о чем. Поняла — вот и ладненько... С этими, — Яга смерила мальчишек долгим взглядом, — у меня и вовсе разговора не сварится. Для котла не сошли — ну и на... — бабка со смаком вставила неприличное ругательство, — пошли, — Славка захохотал, сам уселся на лавку, хлопнул по ней:

— Садитесь, ребята.

— Не успел войти — уж и ноги вытянул, — проворчала Яга. — Ой, смотри, охотничек — не протянуть бы!

— Наши были? — деловито спросил Славка. Остальные расселись, сбросив рюкзаки, начали доставать консервы и воду, стараясь держать себя непринужденно: уже поняли, что тут это важно. Яга пожевала беззубо, ответила без охоты:

— Гжегож тут с места на место катается. Мож, ишо кто — не видала.

Славка плавно подался вперед, сцепил руки на столе:

— Маардай где? — негромко спросил он.

Бабка подпрыгнула. В лесу заорали заполошно совы. Кот грохнулся с печки и противно заорал, выгнув спину и выпустив дециметровые когти. Избушка вздрогнула, словно и правда собралась бежать со всех куриных ног.

— От дурень, — отдышавшись сказала бабка. Начертила в воздухе какой-то, на миг непереносимо ярко вспыхнувший знак. — Чо кликаешь?! Кисю мово напугал...

— А что-то ты его так боишься? — прищурился Славка. — Было время — ты таких, как он, двор себе косить заставляла. Колдовства старше твоего нет на свете. И сильнее нет.

— Я б его и сей день в связлень связала, — пробурчала бабка. — Да только устала я... Вон, злоба на вас — и та выгорела, как костер лесной. Мир тут для нас, нелюди. Время не капает, боль уходит, злоба пеплом становится. Не хочу по-старому в драки влезать.

— Укажи, где ОН, — не назвал Маардая Славка. — И не бойся, не придет. Он бежал от меня и этих ребят, Мы поклялись его найти.

— Бе-жа-ал? — протянула Яга. — Вона... Как это ты его уработал?

— С ними вместе, — повторил Славка. — Так поможешь?

— Посмотрю, — уклончиво откликнулась бабка. — Ложитесь отдыхайте пока. Поедите — да и на солому... Ты-то, — она ткнула Славку клюкой в колено, — неугомонь, спать будешь?

— Посмотрю, — ухмыльнулся Славка и повернулся к остальным: — А вы и правда ложитесь. Тут ничего интересного не ожидается...

...Сергеа проснулся в полной темноте. Через секунду ночное зрение вернулось к нему, и он различил спящих рядом друзей. Витек зарылся в солому, Ленка спала на животе, обхватив руками рюкзак, Славка лежал на боку, подтянув колени к животу. За стенами избушки ухало, выло и хрустело, кто-то осторожно шатал ставни на окнах, пробуя их на прочность. На печи поблескивали драгоценными камнями глаза кота.

Куда делась бабка — совершенно непонятно.

Сергеа хотелось в сортир. Но наружу не тянуло совсем. Он подумал, что не видел у бабки ступы — иначе воспользовался бы обязательно. Или поискать?

Дверь бесшумно открылась. Сергеа сел, рука сама нашарила нож, но пальцы тут же разжались. В дверях стояла девчонка — одних лет с Сергеей, рослая, очень красивая. Длинные волосы цвета меди падали на спину и грудь тяжелыми волнами, зеленые глаза шально посверкивали из-под густой пряди.

Кроме этих волос на девчонке ничего не было, и Серега, поймавший себя на том, что пялится на нее, открыв рот, отвел глаза. Девчонка засмеялась стоя у входа:

— Испугался, бедненький, — насмешливо сказала, она — голос походил на позванивание колокольчиков. — Куда же ты, такой пугливый, пришел-то? И зачем? Если за Ольгу свою мстить...

— Ты... — Серега вскочил: — Ты что знаешь о ней?!

— Жива она, — усмехнулась девчонка. — Жива, дурачина. Другую в жертву принесли, браслет твой ОН сам на руку мертвой надел. А Ольгу ты не здесь ищешь — ее ОН лесным уводням Кузькиного леса до поры на сохранение отдал. Убьете ЕГО — и не найдете Ольгу никогда. Уводни ее тоже убьют.

— Ты кто? — угрюмо спросил Серега. — Откуда ты вообще типа все знаешь?

— Не важно, — девчонка подошла ближе. Серега отшатнулся, она заулыбалась:

— Не бойся, глупый. Мне от тебя ничего не нужно, уж тем более — про что ты подумал.

— Ни про что... — начал Серега, но девчонка отмахнулась:

— Подумал, подумал... Если хочешь — прямо сейчас провожу тебя в Кузькин лес. К гнезду уводней. Их там немало, ну да ты справишься. И подружку свою освободишь, и отсюда выберешься...

— Согла... — вырвалось у Сереги. Но он тут же посмотрел на спящих: — А они?

— Так ты ж с ними и пошел, чтобы Ольгу свою мстью почтить, — удивилась девчонка. — У них своя дорога, у тебя — своя.

Серега молчал, кусая губы. Незнакомка ждала спокойно, только глаза блестели. Наконец мальчишка медленно заговорил:

— Витек — мой друг. Вот когда он типа проснется — мы побазарим на эту тему. Ну и решим там — что делать. А так просто их кинуть я не могу. Это типа не по-нашему.

— Утром от меня помощи не дождешься, — вкрадчиво сказала девушка. И послышался насмешливый голос Славки:

— И не надоело тебе? Ты, Сергей, осторожней — у нее повадки как раз самые русалочьи. Ей так и так наследница нужна, вот она и решила хоть ребенка от живого человека родить.

Славка сидел на соломе, обхватив колени руками. Девчонка бесшумно топнула ногой:

— Ну, охотник!.. — крутнулась на месте, волосы взлетели вокруг ее тела занавесом — в избушке очутилась Яга. Серёга отшатнулся, мотая головой.

— Зачем парня мучаешь? — уже сердито спросил Славка, поднимаясь на ноги. — Горе у него, а ты лезешь.

— Что ты в человечьем-то горе понять можешь?! — взвилась Яга. — Ты, деревяшка оструганная! И не соврала я ему, жива его девка!

— Правда? — нахмурился Славка. — Нет, правда?

— Кривда! — передразнила Яга. — Подымай своих. Говорить буду... А тебе, — она подмигнула Сереге, — понравилась я? — тот затряс головой с обалделым видом. Яга скрипуче рассмеялась: — Поддался бы та — и запропал. Охотник-то правду говорит — наследница мне нужна. А вот свидетели — низачем. Давно б себе подобрала какую девку, да вот эти, — она плюнула под ноги Славке, — мне ходы в мир ваш закупорили, ровно горшок смолой. Прости уж.

— Да ладно... ничего... — Серега сглотнул слюну, с трудом подавляя тошноту — настолько велик был контраст между нынешней Ягой и ее воплощением.

...Когда все расселись вокруг стола, Яга, важно задрав волосатый подбородок, прошла по комнате.

— Ну чего, — начала она и откашлялась. — Поговорила я с кем ни есть. Туч мне и про девку его, Ольгу, сказали — думайте, как быть, убьют ее уводни, едва Маардай... — Яга мазнула рукой по воздуху, тот вспыхнул, — от ваших рук погибнет. Это первым делом — пока не надумаете то, я вам и слова не скажу. Нешто дело — такого верного парня на беду

обрекать?

Сергеа смущенно уставился в стол. Славка выглядел раздосадованным и растерянным. Витек неуверенно сказал:

— Может, мне... — но покачал головой. — Прости, Серый, я Ленку тут не оставлю.

— А она без этого идола не пойдет, — Яга метнула сердитый взгляд в Славку.

— Да я один!.. — Серега был счастлив и возбужден. — Справлюсь, ты мне только оружие оставь, покатит?

— Не справишься, — как от комара, отмахнулся Славка. — Гнездо уводней — это и для меня проблема. А ждать тебе, пока ТАМ наши в Болотов подъедут, чтоб с ними идти — значит, Маардая упустим мы. Извини, не пойдет... — и вдруг дернулся: — Придумал!

— Что?! — крикнул Серега. — Ну, говори же!

— Останешься у бабки, — Славка щелкнул пальцами. — Она тебя не тронет, да и недолго ждать придется.

— Нахлебника-то... — заворчала Яга. Славка возразил:

— Не объест. Ему твоя еда даром не нужна... А я... — он протянул руку к сумке, запустил ее в карман — и в окно вылетела, серебряная молния. Все вздрогнули. — Вот, — довольно сообщил Славка. — Гжегож будет тут очень быстро, я за ним гонца послал. Только ты, Яга, ему троп не путай.

— Я еще и помогу, лишь бы скорей убрались оба, — пообещала бабка. И одобрила неожиданно: — Это ты хорошо придумал. Гжегожу я, так и быть, сама все обскажу. Он тебе, — повернулась Яга к Сереге, — и поможет с уводнями сладить.

— И наших заодно встретит, если что, — вздохнул Славка. — Но вообще-то я надеюсь вернуться, — он подмигнул остальным. И посмотрел на Ягу: — Теперь давай о главном, бабка.

— О главном, — пристукнула в пол клюкой та. — Говорю ж — пень, чурбан без души, без сердца! Ему не жизнь девкина главное, а победа его...

— Не надо так, бабушка! — вырвалось у Ленки. Яга посмотрела на нее долгим взглядом и покладисто откликнулась:

— Не буду... Слушайте. До НЕГО доведет вас слуга мой, — бабка сунула узловатую коричневую руку в складки своего одеяния и достала... клубочек. Витька даже засмеялся:

— Значит, не врут сказки?

— Не врут, — бабка окинула его с головы до ног и ядовито прибавила: — И про то не врут, что такого, как ты, я б раньше в печь спровадила, да и...

— Кхм, — кашлянул Славка. — Отвлеклись.

— И то, — кивнула Яга, — От слуги моего ОН не спрячется, не собьет его, не зачарует. Одно спасение — в обратную идти, ну да на Земле вы и сами ЕГО сыщете. Да и не пойдет он туда, раз сбежал от вас. Драться будет. Тут я вам не помощница.

— Тут мы сами, — согласился Славка. — Ну что, спасибо тебе. Пойдем мы. Ты помощничков своих от избушки разгони, а то ведь прорубаться придется, ты меня же и виноватым сделаешь...

Яга криво усмехнулась и вышла, прихрамывая. Ребята стали собираться. Серега — он, как видно, чувствовал себя неловко — всем помогал и путался под руками, потом прямо сказал:

— Получается, я вас все равно типа бросаю, — он умоляюще обвел всех взглядом и тихо добавил: — Но там же Оля...

— Не бери в голову, — Витек пожал ему руку, хлопнул по плечу. — Главное, там не подкачай, слышишь? Вставь им как следует.

— Гжегож скоро будет, — добавил Славка. — Он надежный... э... охотник...

...Бабка стояла на настиле и не повернулась, когда Ленка подошла сзади и тихо позвала:

— Бабушка.

— Чего? — ворчливо откликнулась она.

— Бабушка, ты же все поняла, — у Ленки дрогнул голос.

— Да уж поняла, — нехотя сказала Яга, — не выжила из ума-то. Жаль мне тебя, девка. Хочешь — настой дам?

— Какой? — удивилась Ленка. Яга зашевелилась, вздохнула:

— Выпьешь — забудешь его, — пояснила она. — Уйдет — и все, с глаз долой — из сердца вон.

Ленка отшатнулась:

— Не хочу!

— Ой, дура, — вздохнула Яга. Ленка зашептала:

— Я хотела просить... бабушка...

— Да знаю, знаю, — отозвалась Яга. — Знаю, чего хотела. Думаешь, первая ты? Куда там... По охотникам во все века, во всех землях много красавиц сохло, да и засохло... Нет на свете такой силы, чтоб мертвое сердце разбудила, нежить в живого перекинула. Мне ли не знать... Пустой он, твой Ярослав. Людям одно несчастье от него, он и сам это понимает. Подумай, девка. Нельзя живому неживое любить.

— А я не могу без него, — ответила Ленка.

— Тогда никто тебе не помощник, — сумрачно отозвалась Яга.

Время и место неизвестно. Где-то в Серых Землях.

— Зря мы оставили Серегу, — сказал Витек, перепрыгивая через серебристый ручей, в котором текла вода, похожая на ртуть. — Как бы она чего с ним не завернула.

— Ничего она не сделает, — откликнулся Славка. — Да и Серега, наверное, уже на Земле. Гжегож быстрый парень. Только злиться будет, я ему отдых поломал.

Уменьшившийся отряд шел зеленым косогором, вдоль которого росли почти нормальные деревья, а низом тянулась каменная, зеленая ото мха и зубчатая от времени стена. Клубочек неспешно катился впереди. При ближайшем рассмотрении он состоял вовсе не из ниток, а из плотно сваленной шерсти. И вообще — какой-то живой.

Впереди была встреча с Маардаем. Странно, но она никого не пугала — откуда-то взялась уверенность, что с этой проблемой удастся справиться легко. Местная нелюдь тоже не досаждала, предпочитала держаться поодаль — то ли из-за клубочка Бабы Яги, то ли прослышав по беспроводному телеграфу, что юные путешественники тяжелы в общении и обидчивы.

Косогор сменился дорогой. Выложенная алыми квадратами камня, она вела между серебряных песков, похожих на горы алюминиевой пыли. Когда это произошло — как обычно, оказать не мог даже Славка; просто произошло — и все. Стало жарко, шаги цокали, как по металлу, под которым — пустота.

— Ну жарища, — не выдержала Ленка. Они шли в ряд — ширина дороги это позволяла. Славка, покосившись на нее, пропел:

Как все просто удастся
На словах и на бумаге,
Как легко на гладкой карте стрелку начертить...
А потом идти придется
Через горы и овраги,
Так что прежде, человечек, выучись ходить...

— Ты на что это намекаешь?! — обиделась Ленка, но Славка пожал плечами:

— Ни на что. Просто пою.

— Давайте и правда споем, — предложил Витек, вытирая пот со лба.. — Веселей шагать.

— Давайте, — согласился Славка и громко, весело затянул песню, которую брат с сестрой не знали: — А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер!..

Песня оказалась классной, жаль — подпевать не получалось, и уже Ленка грянула, а мальчишки подхватили «Под железный звон кольчуги...» из «Старых песен о главном—2». Потом Витек заорал, а Славка охотно подхватил «Солдат группы Центр» Высоцкого, а когда она кончилась, Славка вновь соло начал:

Железный шлем, деревянный костыль —
Король с войны возвращался домой,
Солдаты пели, глотая пыль —
И пел с ними вместе король...

А когда и она закончилась, охотник подмигнул спутникам и поддал:

Жил-был Анри Четвертый...

— О, эту я знаю! — обрадовалась Ленка и подхватила:

— Он славный был король!
Вино любил до черта,
Но трезв бывал порой!
Лёна-лёна бум-бум,
лёна-лена бум-бум,
лёна-лёна
Бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум,
Бум-бум,бум,бум!

После того, как допели и эту, Славка спел ее же по-французски, объяснив, что слышал ее от солдат Наполеона во время их похода на Россию.

— Слушай, сколько же ты языков знаешь? — поинтересовался Витек.

— Все европейские, — гордо ответил Славка, — и многие — народов России. Китайский, турецкий, персидский, пушту, дари. Может, еще какой. Трудно учатся только первые три, потом — ерунда.

С песнями шагалось веселей. Правда, угнетала бесцельность пути. На Земле, как бы трудно не было идти, человек все равно представляет себе конечную цель путешествия. Пусть она далеко, хоть за тысячи километров, но она ЕСТЬ. А здесь никто из троих не знал, как далеко придется шагать за бабкиным клубочком, имея в рюкзаках по десятку банок консервов и по несколько литров воды. Так что и пение в конце концов увяло — шли молча отдуваясь от жары, а клубочек неумоимо и монотонно катился впереди, принаравливаясь к тому, как шагают люди.

— А настоящие люди тут бывают? — спросил вдруг Витек.

— А что? — посмотрел на него Славка, но ответа ждать не стал: — Кое-кто бывает. Люди тоже разные...

— Я про такие дороги во многих книжках читал, — задумчиво сказал Витек. — Думал, писатели это просто придумывают. А получается, они могли тут бывать?

— Все может быть, — согласился Славка. — Тут ничего не скажешь точно. А где ты читал про такие дороги?

— Ну... — Витек подумал: — У Лукьяненко. «Хозяин Дорог». Читал?

— Не читал, — признался Славка. — Я мало читаю, почти ничего совсем. Много читал до Второй мировой, а потом как-то интерес пропал... Там такая же дорога?

— Похожая, — ответил Витек, вглядываясь в алюминиевые пески.

— Мальчишки, — опасливо позвала Ленка, до тех пор не вмешивавшаяся в разговор, — кто это?

— Где? — встрепнулся Витек, а Славка просто всмотрелся вперед и молча обнажил

меч...

Впереди появилась фигура всадника. Горячий воздух плыл над дорогой, невозможно было понять, близко он или далеко, шевелится или стоит неподвижно.

— Так, — словно гвоздь забил Витек, беря арбалет наперевес. Они замедлили шаг, разошлись пошире, насколько позволяла дорога.

Стало видно, что всадник неподвижно сидит в седле такого же не шевелящегося огромного коня. Плащ с капюшоном, падая складками, скрывал фигуру человека — с головой и обувью.

— Как он солнечный удар не получит? — прошептала Ленка. Славка спокойно ответил:

— Очень просто. Он неживой.

И после этих его слов словно наваждение пропало. На обочине дороги в самом деле стояла статуя — конь и всадник, изваянные в натуральный рост. Клубочек прокатился мимо, путешественники шагнули вслед — и обнаружили, что мощеная дорога превратилась в пыльный проселок, пустыня — в луг, статуя — в покосившийся столб с неразличимыми письменами. На лугу прыгали и скакали какие-то существа, слышался смех, выкрики. В розовом небе парили длиннокрылые птицы, в отдалении на невероятно тонкой и высокой скале чудом лепился угловатый, вытянутый ввысь замок.

— Еще интереснее, — признал Витек, застегивая камуфляж. После сухого жара пустыни было прохладненько.

— Ой, смотрите! — даже взвизгнула Ленка, — Что с клубочком?!

Клубочек и впрямь вел себя странновато. Он остановился. Рыскнул вправо, влево. Дернулся назад, подпрыгнул на месте. И покатился по кругу, набирая скорость — быстрее, быстрее, быстрее. В центре круга, который он описывал, воздух начинал словно бы закипать, теряя прозрачность.

— Пришли, — лихорадочно быстро Славка заткнул меч обратно в кольцо, шагнул вперед, сбрасывая рюкзак. — Скорее, он нам делает проход. Похоже, Маардай все-таки удрал обратно на Землю.

— Где же мы сейчас окажемся, в Америке? — Витек тоскливо оглянулся, взялся за лямки рюкзака. Окружающая дичь показалась близкой, родной по сравнению с очередной ожидавшей их неизвестностью.

— Может быть, — коротко ответил Славка. Клубочка уже почти не было видно, а посреди дороги пузырился, как яичница на сковородке, белый круг. Ленка, как и в прошлый раз отвернувшись, услышала голос Витьки:

— Лен, Славка ушел, давай за нами!

Когда она повернулась — на дороге было пусто. Ее внезапно охватил пронзительный страх одиночества — и, швырнув впереди себя одежду и рюкзак, девчонка прыгнула в круг обеими ногами, постаравшись как можно четче представить себе самый важный ориентир — лицо Славки...

...На этот раз не было никаких видений в зыбком окне. Она стояла посреди дороги, утонув босыми ногами в жирной грязи. Шел теплый дождь. Слева расстилалось черное поле, утыканное серой стерней, справа над густым лесом медленно и густо колыхались два дымных хвоста. Низкое серое небо продавленным матрацем висело над головой, ключьями вылезшей ваты торчали разбухшие дождевые тучи. Блеклым пятном просвечивало на востоке солнце.

— Где мы? — спросила Ленка, нагибаясь с брезгливой гримасой за упавшей в грязь одеждой. — Это не Америка, а?

Ей ответил Славка — и в голосе охотника звучало потрясение, заставившее девчонку испуганно выпрямиться:

— Это вообще не Земля. Я не знаю, где мы и как мы сюда попали!

Утро. Место неизвестно начисто.

Бывает, что на человека сваливается такая куча непонятностей, что в момент, когда надо испугаться, он остается совершенно спокоен. Просто чудеса и диковинки перегружают сознание, и оно отказывается удивляться или волноваться.

Ленка, накинув на себя куртку, подошла к большой и на вид чистой луже, чтобы вымыть ноги. Покончив с этим полезным занятием, она поинтересовалась:

— А с чего ты решил, что это не Земля? Вон солнце. И небо над нами нормальное. И деревья. И вообще. Это не Серые Земли, не так, что ли?

Мальчишки стояла на дороге. Трусы и штаны они уже успели натянуть («по-свински», как не преминула отметить Ленка — прямо через грязные ноги), куртки тоже надели. Витек просто осматривался, Славка, кусая губы, тер ладонь о ладонь, словно очень замерз. Не прекращая этого занятия, он ответил убитым голосом:

— Не Серые Земли, точно. И не Земля. А откуда знаю? Просто чувствую, и все.

— Тогда где же мы? — без особого напряжения спросил Витек — очевидно, и он устал удивляться.

— В одном из параллельных пространств, — вздохнул Славка. — Я и представить себе не мог, что Маардай умеет в них перемещаться! Этого никто не может — из тех, кого я знаю. И я не видел никого из нечистей, кто...

— Значит, это все-таки возможно, — Ленка, быстро оглянувшись на мальчишек, продолжала одеваться. — Слав, а ты сможешь отсюда вернуться в Серые Земли?

— Да в принципе — да, — неуверенно откликнулся Славка, проведя по грязи ногой. — Только это будет трудно. Во-первых. Во-вторых, я просто не знаю тут ничего и не знаю, где Маардай. А в третьих... — он виновато посмотрел на живых и, собравшись с духом, закончил: — В третьих — пока мы здесь, время идет. И тут. И на Земле. А если мы застрянем на месяц? Я же говорю, что ничего не знаю про этот мир!

Вот тут было впору заорать во всю глотку. Ленка и Витька переглянулись — лица у обоих были отчаянные и побледневшие: они одновременно представили в панике вернувшихся домой родителей и... ой-ой-ой! Но орать не имело смысла, и Витька дрогнувшим, очень мужественным голосом сказал:

— Ну что теперь... Давай, командир, решай, как быть. Что скажешь, то и сделаем.

А Ленка добавила:

— Ты же не виноват. Совсем-совсем! Мы сами с тобой пошли.

— А я вас с собой взял, — с горечью добавил Славка и треснул себя по лбу ладонью, зло добавив: — Мало мне, дураку!.. В общем, так. Пень с ним, с Маардаем. Никуда он не денется, как бы ни шнырял по мирам. Главное — вас домой вернуть, этим и займемся.

Витька быстро открыл рот, чтобы отважно возразить, что дело в первую очередь — и у него не хватило сил. Он снова представил себе родителей — и промолчал, презирая себя. Чтобы скрыть чувства, он отправился к ленкиной луже отмываться. Сама Ленка, балансируя на одной ноге, обувалась. А Славка по-прежнему стоял босиком и озирался.

— Не нравится мне здесь, — вдруг объявил он. — Особенно — что торчим тут, как три тополя на Плющихе.

— Нет же никого, — возразила Ленка.

— Нет, — угрюмо ответил Славка. — Вот и подозрительно.

— Дождь, — пожала Ленка плечами.

— И давно, — согласился Славка. — И поле в июне должно еще зеленое стоять, а от него — одна стерня. Обгорелая. И за лесом что-то горит, если вы еще не заметили... Но все равно — надо в лес подаваться, я среди деревьев себя уверенней чувствую, да, может, кого из нелюди встретим.

— Может, это все-таки Земля? — предположил Витек. — Где-нибудь в Македонии. Или в Чечне.

— Это средняя полоса, — уверенно возразил Славка, тоже споласкивая ноги, но не переставая озираться. — И это не Земля, я же говорю — чувствую!

— А ты нас прикрой, — предложила Ленка. — Ну, чтобы не замечали, понимаешь?

— Я же не могу все время, — возразил Славка. — Час, два — и вы меня понесете. Так что это — на крайний случай... Ну, все готовы? Пошли скорее, пошли!

Они сошли с дороги и, перебежав вырубку у опушки, нырнули в мокрые кусты один за другим. Славка — последним, аккуратно поправив ветви кустов.

— А то у некоторых, — пояснил он, — есть скверная привычка рассматривать кусты по ходу движения.

— По ходу какого движения?.. — заикнулся Витька, но Славка молниеносно присел на корточки, прошипев:

— Садитесь!

В полукилометре от них — там, где размытая дорога поворачивала в лес — послышался звук сразу нескольких мощных двигателей. Слышно было, как они натужно режут на подъеме, отфыркиваясь и рыча форсажем.

— Сюда кто-то едет, — сообщил Витек, ерзая в мокрых кустах. Славка прошептал в ответ:

— Сиди тихо!

Витек заткнулся. А потом желание болтать так и не восстановилось — на дороге появились боевые машины.

Они шли колонной, на небольшой скорости, ныряя в колдобины, залитые водой, юзом сползая на раскисшие обочины и выметывая в стороны фонтаны жидкой грязи. Впереди, занимая всю дорогу, двигался плоский, приземистый танк, весь покрытый зелеными и бурыми маскировочными разводами. В большой угловатой башне торчала параллельно дороге короткая пушка, чем-то похожая на складной стаканчик. Борту украшала вертикальная желтая полоса с черным номером 126, на лобовой броне башни была нарисована белая лилия, похожая на эмблему скаутов. Следом ползли три бронетранспортера, напоминавших коробки из-под обуви — в носу торчали по два пулемета. Бронетранспортеры украшала та же полоса, но без номера и та же лилия. Сверху они были открыты — над бортами качались и дергались пятнистые каски с чудными гребнями, как у греческих воинов из учебника истории, только без султанов и поменьше. Замыкал колонну второй танк, к пушке которого был привязан дергающийся мешок — сквозь рев и грохот ребята расслышали пороссячий визг.

— Так, — сказал Славка, когда колонна отползла подальше, — покой нам только снится... И нелюди я в лесу не чувствую, а это говорит одно — разбежалась от войны. Если не нечисть, а обычная нелюдь — то она не любит это.

— Кто с кем воюет? — без опаски спросила Ленка. Техника не показалась ей опасной — не страшнее, чем на парадах по телевизору или в кино. Трудно было представить себе, что она создана, чтобы убивать людей.

— Если бы я знал, — ответил Славка. Подставил ладонь под капли дождя, срывающиеся с веток, пошутил: — Ну, по крайней мере с водой тут проблем не будет... Жаль, что я не знаю никого, кто побывал хотя бы в одном параллельном пространстве. Наверное, потому...

Он не договорил. Но Ленка поняла, что он хотел сказать. Наверное, потому, что из побывавших там ни один не вернулся на Землю.

...Действие снадобья кончилось, и на ребят навалилась усталость. Но Славка, наотрез отказавшись дать отхлебнуть еще — ответил, что, во-первых, его немного, а во-вторых — не надо им злоупотреблять. Слова были, конечно, справедливые, но легче от них не становилось... — тем более, что Славка не разрешил даже вылить воду из бутылок, мотивируя это тем, что возможность возвращения может подвернуться в самый неподходящий (или наоборот) момент.

Дождь не прекращался — уныло и неуклонно моросил, временам начиная шелестеть в листве громче — тогда сквозь кроны пробивались целые струйки. Славка по этому поводу рассказал анекдот про маленького англичанина, который на вопрос туриста, давно ли у них в Англии начался дождь, ответил: «Откуда я знаю, сэр, мне всего пять лет!»

Лес был довольно чистенький, не буреломный, часто встречались человеческие тропинки. Славка, прежде чем пересечь их, долго прислушивался, приглядывался и даже принюхивался, стоя за кустами — и мрачнел все больше и больше. На вопрос, что ему не нравится, он ответил:

— Лес ухоженный. Где-то близко населенный пункт, а не слышно ни людей, ни скотины... — он с досадой притронулся к рукояти меча и, вздохнув, сказал: — Сейчас бы «калашников». Люди — не нечисть, их в наше время мечом не напугаешь.

— Кто в дождь в лес пойдет? — возразила Ленка, — Поэтому и пусто.

— Я же сказал — ничего не слышно, — поморщился Славка. — Даже собаки не ла...

Они как раз подходили к тропинке — и Славка застыл столбом, окаменел. То же самое — инстинктивно! — сделали и брат с сестрой. Потом Славка медленно, плавно опустил не одно колено, пригнул голову и сложил руки перед грудью — в правой оказался нож, Славка держал его за лезвие. Он так присел потому, что человека в лесу часто выдает не звук, а фигура и рост — больше таких нет ни у кого, кроме больших обезьян, а ведь они в лесах средней полосы не водятся? Поэтому важно не только не шуметь, но и спрятать свою фигуру. Разведчики часто специально нашивают на камуфляжи лоскуты, полосы ткани, куски сетки, искусственные листья, чтобы враг видел не человека, а куст или пригорок заросший. Если же этого нет — лучше всего просто присесть.

Все это Витек подумал, уже повторив Славкино движение и держа наготове арбалет. Во рту стоял привкус волнения, как во время военной игры, когда ты весь напряжен до предела. Краем глаза он видел лицо Ленки — потное и с закушенной губой. Уныло и одиноко чирикала расстроенная дождем пичуга. Потом часто и испуганно запищала неподалеку мышь — именно этот писк насторожил Славку — его спина напряглась, он медленно отвел руку вниз, назад и в сторону для броска... Витек успел удивиться — что он, с мышами воевать собрался?! — и...

И на тропинку вышел бесшумный и осторожный человек. Наверное, он стоял совсем неподалеку и тоже прислушивался, приглядывался, принюхивался. И, не будь у Славки изощренных умений охотника-нежити, выследил бы брата с сестрой, когда они вышли бы на тропинку.

Человек был рослый, бесформенный и безликий, одетый именно в такой камуфляж, о котором думал Витек. Даже руки обтягивали пятнистые перчатки, даже голову и лицо закрывала маска, колыхавшаяся от осторожного дыхания, даже ботинки были не черные, а серо-зеленые. За плечами человека горбился большой незнакомый рюкзак — тоже пятнистый, непонятно было, как он ухитряется совершенно бесшумно ходить с таким по лесу. Прикладом к правому плечу, стволом к левому бедру человек держал не очень большой автомат с прикладом из толстой проволоки, дырчатым пузатым кожухом на стволе и похожим на консервную банку барабаном магазина слева. Автомат тоже был обмотан свисающими лохмотьями. На поясе висели несколько подсумков, коробок и нож в чехле.

Человек водил головой, осматриваясь. Когда его взгляд скользнул по тому месту, где в кустах прятались трое друзей, Витек закрыл глаза. Не от страха, а потому, что глаза могут выдать даже хорошо замаскированного человека. Секунду он физически ощущал на себе холодный взгляд незнакомца, потом это ощущение ушло — и снова послышался писк мыши.

Когда Витек открыл глаза — на тропинке стояли еще трое. Один — вооруженный таким же автоматом (за плечами рядом с рюкзаком угловато торчала радиостанция в чехле), другой — с длинной винтовкой, оснащенной оптическим прицелом, третий — с пулеметом, из которого косо свисала лента. Теперь Витек заметил объединявшую всех четверых деталь: на левом рукаве под локтем проходила чёрно-желто-белая — сверху вниз — полоса.

Люди постояли минуты три. Эти минуты показались длинными, как последние минуты экзамена. Потом тот, что вышел первым, бесшумно зашагал по тропе — так бесшумно, что даже удивительно было: как может двигаться, не издавая ни звука, восьмидесятикилограммовый дядя с сорокакилограммовым грузом? Следом — шагах в десяти — пошли радист и снайпер. Последним — еще в пяти шагах — двинулся пулеметчик.

И все. Как и не было никого. От этой молчаливой собранности, бесшумности и быстроты становилось даже как-то не по себе.

Славка молчал довольно долго. Потом — поднялся на ноги, убирая нож, сказал задумчиво:

— Знакомые дела... Колонна на дороге, а эти — спецгруппа, видно. Разные, из разных армий. Теперь бы выяснить, кто из них прав...

— А если и те и другие плохие? — Ленку начал бить нервная дрожь, запоздалая. Славка поморщился:

— Так не бывает... Это только по телику очень умные люди говорят, что на свете есть войны, в которых-де «правых нет!» В любой войне кто-то защищает справедливость, кто-то — зло и насилие. Хотя, конечно, — признал Славка, — с ходу в нас могут и не разобраться. На войне все становятся подозрительными, иначе просто нельзя, а страдают часто невинные. Поэтому будем действовать осторожно.

— Пойдем следом? — предложила Ленка. Славка посмотрел на нее, как на сумасшедшую и промолчал, просто двинулся в противоположном направлении. Пройдя шагов десять, он остановился и напряженно сказал:

— Черно-желто-белый. Что-то знакомое. Честное слово — знакомое.

День. Место по-прежнему неизвестно!

Деревню сожгли недавно.

Точнее, это была не деревня даже, а какой-то лесной кордон, горели, дотлевали под унылым дождем два двора, невозможно было понять, сколько там было строений. Около обваленного забора лежала убитая собака — ее Ленка заметила сразу, а потом посмотрела ближе и обмерла.

Около самой опушки в мокрой траве замер человек, женщина — это Ленка сумела разглядеть. А дальше ей не дал глядеть Витек — прижал к себе и насильно развернул лицом в грудь. Ленка слышала, как часто колотится у него сердце, от брата пахло сырой тканью и потом. Он негромко окликнул Славку:

— Что такое, что?! — и охотник ответил издаലെка:

— Убили на бегу, в затылок... Попали мы с вами, ребята.

— Не ходи, вдруг там засада, — сказал Витек, но Славка ответил:

— Нет. Это те... на машинах, вот следы. Я посмотрю.

— Вить, пусти, — попросила Ленка. Брат отпустил ее. Капельки дождя бежали с его волос по лицу.

— Не смотри, — попросил Витек, но Ленка все-таки, посмотрела и ужаснулась. Казалось бы, она уже столько видела, сама убивала... но оказалось, что нет на свете зрелища страшнее убитого человека, пусть и совершенно чужого. Можно убить десяток нечисти, относясь к этому, как к приключению. Нельзя смотреть на человеческий труп и думать, что и это — приключение тоже.

Славка, появился из-за горящих развалин — хмурый и сосредоточенный. Покосился на Ленку, сказал:

— Там еще пятеро. Сгорели, или сожгли их — не знаю. И вот.

Он показал листок плотного картона — с альбомный лист размером. Наверху листа золотилась лилия, ниже шли красные, как кровь, строчки латинских букв.

— Это не английский, — определил Витек. — Какой это язык?

— Старофранцузский, — ответил Славка, — по крайней мере, очень похож. Вот, я сейчас переведу... — он сосредоточенно свел брови и заговорил, запинаясь: — Во имя Императора Нейстрии, именем Его, волей Господа Бога нашего. Приговорены и казнены на основе военного закона... *нонкомбатантэ* ... о гражданских лицах за пособничество... *ле бригэ* ... разбойникам, партизанам те, кто жил... непонятное слово, наверное — деревня или поселок. Командир Первого бронекавалерийского полка шассер граф д'Англар, полковник

службы Императора. 21 июня 1967 года Р.Х.

— Что такое шассер? — тихо опросила Ленка. Славка, все еще рассматривая бумагу, рассеянно ответил:

— Легкая пехота... Р.Х. — Рождества Христова. Вот как тут обстоят дела. Вам понятно?

— Нет, — растерянно ответил Славке Витек.

— Нейстрия — это... — начал Славка, потом махнул рукой и пояснил: — Короче, здесь Франция — империя, не республика. И ведет войну.

— Мы... во Франции?! — изумился Витек, оглядываясь, словно собирался увидеть над деревьями Эйфелеву Башню.

— Может быть, если война гражданская... — неуверенно ответил Славка. — Тогда все сложнее — там очень мало нелюдей осталось. Хотя, — досадливо бросил он, — в том-то и дело, что тут все может быть по-другому! А черный, золотой и белый, — неожиданно добавил он, — это вообще-то русские цвета.

— У нас белый, синий и красный, — возразила Ленка. Славка улыбнулся, и эта улыбка, испугала Ленку — совсем рядом лежали трупы, но потом она подумала, что Славка видел их тысячи и не так переживает.

— Были и другие... При императоре Александре Втором флаг сделали черно-желто-белым.

— Александр Второй — это вторая половина XIX века, — вспомнил Витек. — В бумаге сказано...

— Я же говорю — тут все может быть по-другому! — напомнил Славка. — Например, Александра Второго не убили в 1881 году террористы. Или его вообще не было, а совпадение цветов — случайно. Все, что угодно, можно предположить!

— Мальчишки, — подала голос Ленка, — ну что делать-то? Нелюди поблизости нет, я мокрая насквозь и голодная, война идет... — голос ее предательски задрожал. Славка тут же заявил оптимистично:

— Да найду я выход! В крайнем случае — сделаю, отлежусь потом. Не прогоните?.. Но в целом — интересно, — он посмотрел вокруг. — Ах, бабка, ах, старая карга! Если ее слуги умеют такие дырки вертеть, что можно в параллельные пространства попадать....

— Клубок по следу Маардая шел, — напомнил Витек, — бабка, может, этого и не умеет.

— Может, и не умеет, — легко согласился Славка. — А вот что мне и правда интересно — есть тут охотники или нет?

— Мальчишки, уйдем отсюда, — попросила Ленка. Славка виновато заторопился:

— Да, конечно, конечно. Пошли! Найдем место для привала и поедим...

...Дождь кончился, когда они, уже совсем усталые, выбрались на лесную опушку. Проглянуло солнце, сразу стало как-то теплее и веселее, хотя ноги гудели непередаваемо.

За большим лугом начинался пригорок, поросший понизу кустарником. На пригорок извилисто взбегали несколько тропок, торчала на нем кирпичная водонапорная башня — точь-в-точь как на одной из окраинных улиц Болотова. Слышался лай собак, сразу нескольких.

— Деревня за пригорком, — сообщил Славка. — А место открытое, пойдем через луг — будем как на ладони... Вот оно!

Два вертолета — сине-серых, помеченных лилиями — впереди своего отсеченного пригорком звука выскочили из-за башни и понеслись над лугом. Под растопыренными полозьями у них металось пламя, слышался резкий, похожий на звук рвущейся плотной ткани треск очередей. Вертолеты заложили вираж над лугом, прошлись еще раз, особенно тщательно поливая кусты у пригорка — и ребятам, неподвижно стоявшим под защитой деревьев лесной опушки, стало видно, как из кустов выскочили пять или шесть человек и, пригибаясь, по плечи в траве бросились зигзагами, к лесу... Вертолеты обрадовано метнулись за ними, расходясь в стороны и беря бегущих в клещи. Двое упали в траву и

больше не поднялись. Один, бежавший последним, остановился, что-то прокричал, махая рукой, своим товарищам и, вскинув в обеих руках пулемет, который тащил на плече, полоснул очередью по вертолетам. Он стрелял до тех пор, пока пули не свалили его в траву, а вертолеты бросились за бегущими следом, как гончие — по следу зверя.

Ленка заплакала навзрыд. Славка, не глядя, обнял ее за плечи, Витек обхватил с другой стороны. Так они и стояли, не давая девчонке смотреть и сами не сводя глаз с происходящего на лугу убийства. Иначе как убийством это было нельзя назвать.

Витек стоял и думал, что в Чечне вот так же вертолеты охотятся за бандитами. Он видел по телевизору и никогда не жалел тех, кто внизу. Они были враги. А тут — каким-то чутьем, которое бывает у многих подростков и редко встречается у взрослых людей — он понимал, что на лугу гибнут ХОРОШИЕ люди. И ни он, ни Славка не могли им помочь.

И еще он подумал, что никогда уже не будет прежним после всего, что увидел и узнал за последние дни — такие длинные и странные.

Последнего бегущего вертолеты убили метрах в ста от леса. Покружились над этим местом и ушли обратно — уже не мечась из стороны в сторону, а ровненько, с сознанием хорошо сделанной работы. Их гул пропал за пригорком.

Первым очнулся Славка.

— Надо посмотреть, — сказал он, и Ленке с Витькой стало ясно, что он имеет в виду.

— Пошли, — сурово сказал Витек и повернулся к сестре: — А ты стой здесь.

— Я с вами... — возразила. Ленка. — Я перевязывать умею.

— Некого там перевязывать, — тихо ответил Славка, — поверь моему слову. Мы просто посмотрим и возьмем оружие. Нам оно пригодится. Жди. И пожалуйста, Лен, пожалуйста — не высывайся на луг.

Мальчишки скинули рюкзаки и, пригибаясь, как недавно бежавшие люди, нырнули в траву. Ленка осталась смотреть им вслед. Легче в сто раз riskовать самой, чем смотреть, как рискует кто-то. Особенно если этот человек тебе... небезразличен.

...Витек впервые видел убитого человека так близко, и его замутило. Наверное, на вертолетах стоял крупный калибр.

— Да, — сказал Славка, — мы и без нечисти неплохо справляемся, Маардай где-то был прав, сволочь.

Славка не понял, о чем он говорит. Он и не старался понять, а пытался справиться с рвотой. Это удалось, вот только смотреть на труп он не мог, хотя и боялся, что Славка станет его презирать. Но тот молча мотнул головой: «Идем дальше».

— А оружие? — спросил Славку Витек.

— На обратном пути, — коротко ответил тот.

И они пошли дальше через луг, по мокрой траве. Следующий убитый, лежал ничком, разбросав руки, и Славка почему-то остановился, а потом одним прыжком оказался рядом с лежащим и упал на колени. Витек тоже приблизился. Большая, рана с черными краями была у лежащего в спине, в середине позвоночника. Из раны текла красная пена, не кровь, и Витек вздрогнул и отступил, когда мертвец... негромко сказал:

— Переверните меня.

Сказал по-русски! Но самым удивительным было даже не это, а то, что он говорил вообще! Славка взялся за кожаную куртку, в которую был одет лежащий, перекатил на спину. На ребят смотрели строгие синие глаза их ровесника — высокого, плечистого парнишки. Лицо мальчика было мертвым, и Витек подумал, что слова ему слышались... но Славка потрясенно сказал:

— Ты охотник!

— Ты тоже, — пошевелились губы лежащего. — Странно, я думал, что остался последним здесь. Откуда ты?

— Издалека, — Славка наклонился над мальчишкой. — Меня зовут Ярослав.

— Не слышал, но это не важно, — мальчишка пошевелил руками. — Меня зовут Ратмир и я кончаюсь. Хорошо, что ты оказался здесь.

— Я слушаю тебя, Ратмир, — тихо произнес Славка.

— Ночью в деревню войдет полк шассер, — Ратмир закрыл глаза. — Предупреди людей — пусть уходят. И найди отряд Краюхина. Шассер из деревни выпускать нельзя. Там д'Англар.

— Как я найду Краюхина? — спросил Славка, — Я тут никого не знаю!

— Откуда ты? — Ратмир открыл глаза. — Счастливый, если не знаешь... Возьми мой нож, он доведет. И предупреди людей. Я ничего не успел.

— Много людей у д'Англара? — быстро уточнил Славка.

— Людей? — Ратмир даже приподнялся, лицо его стало подозрительным: — В Нейстрии давно нет людей. Ярослав... Там только нелюди...

— ОДНИ нелюди?! — вырвалось у Славки. Вместо ответа Ратмир повторил:

— Откуда ты?.. — но локти у него внезапно подломились, он упал в траву и вытянулся.

— Я всё сделаю, Ратмир, — Славка, поднял глаза на Витьку, неподвижно стоявшего, рядом. — Это жуткий мир, Вить. Тут целая империя нелюдей. И, судя по его словам, почти не осталось охотников.

— Я слышал, — кивнул Витек. — Что делать? Он умер, чем его?..

— Заклятая пуля, — Славка передернулся. — Не удивлюсь, если вертолеты охотились как раз за ним...

Он вынул из ножен на поясе погибшего охотника длинный кинжал. И повторил:

— Я все сделаю, как положено, брат.

...К Ленке они вернулись, нагруженные оружием. Славка тащил пулемет — он оказался таким же, как тот, виденный в лесу у спецназовца. Витек подобрал два автомата — довольно длинных, с короткими, вставлявшимися сверху магазинами. У обоих были пистолеты — большие, тяжелые, с выступавшими из рукояток обоймами, по несколько похожих на теннисные мячики гранат и все патроны, которые они смогли собрать. Еще по пути Славка обратил внимание Витьки, что пули в патронах покрыты пленкой серебра.

Ленка выслушала рассказ мальчишек почти спокойно, лишь побледнела, а потом с тихим отчаяньем сказала:

— Слава, неужели везде, во всех пространствах одно и то же? Воюют, убивают, жгут... Неужели везде так?!

Славка изучал пулемет. На вопрос Ленки он ответил, не поднимая головы:

— Скорее всего — да.

— Но это же ужас, — Ленка, замотала головой: — Как же тогда жить?!

— А вот так и жить, — Славка поднял голову и улыбнулся ей. — Во всех мирах есть зло. Но знаешь Лен — такие, как мы, они тоже есть во всех мирах. И пока мы есть — зло не победит. — Славка лязгнул затвором.

— Вас же мало... — заикнулась Ленка и замолчала. Она поняла, что Славка имел в виду не только охотников.

— Что делать дальше, командир?.. — спросил Витек. Автомат висел у него поперек груди, пистолет выглядывал из кармана камуфляжных штанов.

Вместо ответа Славка подбросил в воздух кинжал погибшего охотника. Серебристо сверкнув, он повис на уровне человеческой груди, медленно крутнулся и застыл.

— Слушай мою команду, — приказал Славка без улыбки. — Пойдете за ним. Он вам покажет отряд Краюхина. Все объясните. Честно — если тут нелюдь обычное дело, то и наши приключения никого не удивят. А я пойду эвакуировать деревню.

— Без тебя... — начала Ленка, но Славка неожиданно холодно отчеканил:

— Я сказал — слушай, мою КОМАНДУ.

— Но как же... — начала, по второму кругу Ленка, готовясь захлопать, однако Славка просто отвернулся, чтобы подать Витьку флажку с настоем:

— Примете по одной крышечке. Сейчас это нужно... Да, гранаты оставь мне. И патроны свои, возьми пару магазинов. Разобрался, как с ним обращаться?

— Проще простого, — лихо ответил Витек. Помолчал едва секунду и сказал: —

Слушай, давай я останусь с тобой, и пусть Ленка идет одна.

— Не пойду!!! — завопила Ленка. — Вы чего?! Одна вообще никуда не пойду!

— Конечно, не пойдешь, — успокаивающе ответил Славка, показывая Витьке кулак. — Вместе пойдете, ВМЕСТЕ, и вернетесь с подкреплением. Давайте скорее, вечер уже скоро.

— Ладно, — вздохнул Витька. — Только ты ни во что тут не лезь. Предупредишь селян — и сиди, нас жди.

— Конечно, что я — дурак, с целым полком нечисти драться, — искренне ответил Славка.

Потом он просто стоял и смотрел, как брат с сестрой, по очереди отхлебнув из фляжки, пошли следом за радостно (если можно так говорить о неодушевленном предмете!) рванувшимся к лесу ножом. Вот только Ленка вдруг обернулась и, подбежав к Славке, обняла его. От нее пахло живым и приятным. «Закружилась голова», — подумал охотник и положил руки на плечи девчонке.

— Иди же, — ласково сказал он. — Мы еще увидимся, а ты как будто прощаешься.

Вместо ответа Ленка, отстранившись, поцеловала его в холодные губы и, всхлипнув, бегом бросилась к лесу.

А Славка еще долго стоял, опершись на пулемет и бездумно, радостно улыбался, словно впереди его ждал большой праздник.

Вечер. Место все еще неизвестно точно. Но где-то на оккупированной Нейстрией территории Российской Империи.

Люди тут оказались, привычнее и понятливей, чем на Земле. Никто не метался, не совался к Славке с ненужной помощью (да и от кого она — помощь; в деревне оставались старики, женщины и совсем маленькие дети!) — уходили организованно, вещи оставили, угоняли немногочисленную уцелевшую скотину. Люди были русские, совершенно однозначно, и из коротких разговоров Славка понял, что находится на территории Российской Империи, оккупированной нечистой Нейстрией, которая за последние тридцать лет захватила чуть ли не полмира, вторглась в Россию и была остановлена только на границах Московской губернии, в чудовищном сражении у города Серпухова, где русскими армиями и отрядами людей, спасшихся из других стран, командовал сам император Петр Шестой Романов. С тех пор прошло больше года, нечисть удалось потеснить, егерские спецкоманды, казачьи пластунские отряды здорово досаждают ей в оккупированных землях вместе с местными партизанами, а в Африке высадилась большая армия английских добровольцев, набранных в американских колониях успевшими спастись из Англии членами королевской семьи. Так что все было не так уж беспросветно — разве что у Славки голова пошла кругом от такого крутого обращения с историей.

Тем более, что его собственное положение от этого ничуть не улучшилось. Деревня все-таки была слитком большая — и, когда последние беженцы скрывались в лесу, на подъездной дороге зажглись неестественные зеленые огни, и послышался рокот едущих машин. Полк шассер был на подходе к деревне. Славка, как раз последний разок пробегающий по домам, круто остановился и выругался. Минут через пять вся эта орда будет тут. Догнать медленно движущихся людей ночью для нечисти — одно удовольствие. Славка зажмурился, представив себе, что будет происходить в лесу. Ему не нужно было напрягать фантазию — он такое видел и на Земле, и не раз...

...Забравшись на крышу одного из домов, он на глазок прикинул численность противника. Танков было два десятка, бронетранспортеров с пехотой — штук семьдесят.

— Какой дурак станет в одиночку со всем этим драться? — спросил Славка сам себя, спрыгивая на землю. И ответил сам себе: — Да ты станешь.

Вот и все. Кончалось его существование. Шум бронекolonны мешал думать, а ему очень хотелось напоследок подумать, все ли он сделал в жизни так, как было надо? Это

почему-то было очень важно... Он громко засмеялся в небо, очистившееся от туч, усыпанное звездами: «В жизни!»

— Ленка, прости меня, — сказал он и, взяв пулемет на бедро, побежал на околицу. Он не стал стрелять по технике, а аккуратно подождал, пока ссыпавшиеся с транспортеров пехотинцы с воем толпой ломанутся в улицу в каких-то двадцати метрах от него.

И тогда охотник Ярослав начал спокойно и методично делать работу, для которой его создавали...

...Его — уже почти безоружного — несколько раз подорвали гранатами и, подбежав толпой, с наслаждением перебили прикладами руки и ноги, не дав выпустить две последние стрелки из пружинника. Славка лежал посреди улицы и с трудом вслушивался в голос, хорошо знакомый и страшный этим:

— Такого я просто не ожидал.

Лицо Маардая выплыло в звездном небе — заслонило его целиком. И тогда Славка, улыбнувшись, сказал:

— Говорят, если в него плюнуть — он пропадет.

Слюны не было (и не могло быть, а жаль!), поэтому Славка с наслаждением харкнул в рожу нелюди розовой пеной. Маардай отшатнулся, а охотник, продолжая улыбаться, добавил:

— Брехня. Но какое удовольствие!

Потом стало очень темно...

...Два назойливых голоса бубнили, бубнили рядом по-русски, и один это делал с акцентом, который очень мешал воспринимать сказанное — а воспринимать было нужно, потому что бубнеж был важен, очень важен...

— Ньеужель тактик пьереход столь прост?

— Я попробовал это с отчаянья. Еще не вполне оправился от раны, а этот бешеный придурок висел на хвосте.

— У нас ми кончалъ с такимъи ужье давно. Оставалось немнѣжько. И мнѣго зьдесь, в Русья. Но подробнѣ о тактик.

— Просто двойная жертва. Причем один из компонентов жертвы должен сохраняться живым до возвращения. Ну... и определенные слова, о которых позже.

— Ви мине нье довьерять?

— До определенного момента. Думаю, ваш император оценит открывающиеся возможности. Правда, очевидно, переход оставляет некий след, по которому могут придти и нежелательные визитеры. Вроде этого.

— О, это льегко исправлять. Простая засада у мьесто пьереход... А что ви будеть с этим?

Наступила тишина, и Славка понял, что на него глядят. Да, он ощущал этот двойной взгляд тварей — и открыл глаза,

Он был привязан к поставленной наискось от стены лавке в комнате деревенского дома. Горела переносная лампа, за столом сидели двое: офицер в незнакомой травянисто-зеленой форме — и Маардай.

— Команьдьир Пьервого бронекавалериски полк шассер граф д'Англар, полковньник слюжьба Имьператѣр, — представился офицер. — Рад видеть столь рьедкий гость. Живой охотник!

— Чушь, д'Англар, — оборвал его Маардай, — он не более живой, чем мы. Ваши солдаты, и те живее его. Он просто мертвый дурак, который не сумел извлечь из выгод своего положения никакой пользы и сейчас поплатится за это.

Маардай встал.

— Помнишь, — сказал он, опираясь на стол, — я обещал тебе новую встречу? И что я сделаю так, чтобы твои крики разорвали тебе горло? Надеюсь, ты готов, Слава.

Он улыбнулся своей чудовищной акульей улыбкой.

— Тебе не надо было ходить за мной.

Ночь. Бой в деревне Неводы.

В отряде Краюхина было больше трехсот человек с минометами и тремя легкими орудиями на конной тяге. Конным был весь отряд — кони не требовали горючего и хорошо чуяли нечисть. За три часа до прибытия ребят к отряду присоединилась егерская спецкоманда императорской армии — та самая, которую путешественники видели в лесу.

Самым приятным было то, что Краюхин не удивился рассказам Витьки и Ленки, отнесся к ним просто как к разведанным и скомандовал «по коням!» через какую-то минуту после того, как ребята закончили объяснять ситуацию. Кони нашлись и для брата с сестрой, у которых был опыт верховой езды. Короче говоря, они и опомниться не успели, как уже неслись через лес во весь опор в общей колонне.

Отряд ворвался в деревню неожиданно даже для самих подростков. Просто где-то сзади упруго захлопали минометы, отрывисто рывкнули пушки, а слева и справа понеслись темные силуэты домов, послышались крики, вой, посвист, взрывы и выстрелы — какофония ночного боя.

Нападение получилось внезапным и сокрушительным. Часть партизан отсекала поставленную в центре села бронетехнику, перебила охрану и подожгла несколько домов. У многих людей были посеребренные шашки, которыми они на скаку рубили выскакивавшую из домов нечисть. При свете горящих зданий часть карателей метнулась в специально оставленный коридор, где их накрывали мины — судя по вою и визгу, тоже с серебряным покрытием. Падали с седел и люди — нечисть была очень быстра и сильна, кроме того ей помогала ночь, вечный союзник злых сил — но в целом ясно было: удача на стороне партизан, и едва ли кто-то из тварей уберется сегодня живым.

Витька скакал следом за Ленкой, совершенно не понимая, зачем и куда. Ему казалось, что они мечутся по деревне среди криков, стрельбы и горящих домов уже минут десять — на самом деле прошло не больше тридцати секунд с начала атаки. Он видел, как сестра соскочила с коня у дверей одной из деревенских изб, дважды выстрелила, в грудь метнувшемуся из тени наперерез вражескому солдату, взлетела на крыльцо и пинком открыла дверь...

...Д'Англар, отскочивший от вылетевшей вместе с петлями двери, не успел схватиться за оружие — прыгнувшая следом девчонка опустошила ему в грудь весь барабан длинного револьвера. Такого количества чистого серебра не мог вынести даже полковник — нечисть высшего ранга. Он глухо застонал — совсем как человек — и повалился на пол. Не убитый, но парализованный — его тело подергивалось...

Маардай зарычал, узнав маленькую тварь, спасшую Ярослава на Земле. Он схватился за автомат, лежащий на столе, девчонка с отчаянным и бесстрашным лицом под крик Славки: «Лена, назад!!!» — замахнулась рукой с револьвером... но тут же тяжелые удары высокоскоростных пуль отшвырнули Маардаю от стола.

Витек стрелял, пока не кончился магазин. Маардай хрипел и выл, разрывая на себе одежду, его тело дымилось — но он не умирал и продолжал шевелиться! Ленка, спеша, кромсала на Славке веревки — те обжигали пальцы, словно были сделаны из раскаленного металла, Ленка вскрикивала и продолжала полосовать их. Славка бился с перекошенным лицом.

Витек прыгнул вперед и обрушил на спину Маардая приклад винтовки — тот обломился, Маардай с такой силой ударил мальчишку в грудь ногой, что Витьку вышибло, в открытую дверь. С ревом, от которого просела крыша, Маардай поднялся на ноги. В его лице больше не оставалось ничего человеческого — черты были смазаны и стерты, кожа стекала, как расплавленный воск, на спине росли два перепончатых крыла. Из правой руки чудовища выскочил короткий черный меч.

— А-А-А У-УЮ-Ю-Ю А-А-А-С! — провыл Маардай, и Ленка поняла, что он сказал.

Я УБЬЮ ВАС.

Отчаявшись справиться с веревками, она встала перед Славкой и выхватила нож. Но тут же ее отшвырнули в сторону, над полем просвистела тяжеленная скамья, и Маардай сам откатнулся. Скамья в щепы разлетелась о его грудь — покрытую черной чешуей, выпирающую вперед, каким-то птичьим ребром. Голос Славки — такой же жуткий, как вой Маардая — проревел:

— КО МНЕ, ЛУЧ!!!

...В воздухе головокружительно запахло озоном. Серебряной молнией, проломив крышку сундука, стоявшего в углу, меч Славки прыгнул ему в руку.

Стоящая на четвереньках Ленка увидела, как Ярослав и Маардай метнулись навстречу друг другу — и на их месте возникла вспышка пульсирующего пламени...

Нигде. Никогда.

Славка стоял посреди необъятного белого пространства. Оно не имело ни формы, ни размера, ни верха, ни низа. Маардай замер напротив. Странно — он не спешил нападать.

— Где мы? — спросил Славка. И услышал мирный и спокойный ответ Маардая:

— Тут нам никто не помешает, Ярослав.

— Защищайся, — приказал Славка. Маардай поднял руку с мечом — длинную, перевитую жгутами мускулов:

— Подожди. Хочешь увидеть кое-что?

— Тебе не помогут твои хитрости, — отрезал Славка.

— Это не хитрость, — крылья Маардая дернулись. Он задрожал всем телом... и Славка увидел мальчишку своих лет. Держа в опущенной руке черный меч Маардая, он стоял на месте исчезнувшего демона и смотрел на Славку в упор.

— Ты кто? — спросил Славка.

— Таким я был, — сказал мальчишка. Голос у него изменился тоже, но Славка понял, что перед ним по-прежнему Маардай. — Ты нас ненавидишь, — Маардай чиркнул кончиком меча по воздуху, — это очень просто — ненавидеть. А ты хоть когда-нибудь пытался ПОНЯТЬ, откуда берутся такие, как я? Ты же знаешь, что я не природная нечисть. Может быть, ты думаешь, что нас сотворил какой-нибудь могущественный и злой чародей? Нет, Славка. Дело-то в том, что я вышел из тех же рук, что и ты. Не из ТЕХ ЖЕ САМЫХ, но из ТАКИХ ЖЕ. Я был охотником, Славка.

— Ложь, — ответил Ярослав. — Все, что ты говоришь — ложь, ты лжешь всегда. Ты и своим солгал — заманил их в Болотов обещаниями добычи и бросил под мой меч.

— Ты волен думать, как хочешь, — легко ответил Маардай. — Но я был охотником. Очень долго, почти тысячу лет. Я преследовал и уничтожал нечисть, я защищал людей... А потом я подумал — зачем? ЗАЧЕМ, Славка? Зачем мне защищать этих жестоких, жадных, глупых и неверных существ? Нечисть лучше их, она не притворяется. Она такая, как есть. А люди... — лицо мальчишки скривилось, он презрительно поднял угол рта. — Они выдумали тысячи красивых слов и тысячи мудрых законов. Но ни слова, ни законы не мешают им убивать друг друга десятками тысяч — и оправдывать убийства теми же словами и законами. Сегодня они говорят одно, завтра — другое. Сегодняшний герой для них — завтра преступник и наоборот. Вот тогда я подумал еще: почему я, которому дарована вечная молодость, вечное существование, должен тратить свою вечность, рисковать собой ради этого мусора, именующего себя царями природы? Кто обязал меня на это? И я ушел. Я стал тем, кого ты видишь. Не сразу — но стал.

— Даже если ты говоришь правду — ты просто предатель, — тихо ответил Славка. Маардай вздохнул очень по-человечески:

— Слава, — сказал он, — а если ты попытаешься просто прислушаться к себе? Спроси себя: ради чего ты сражаешься, совершаешь подвиги, рискуешь головой? Неужели ради людей? Да никто из них и не заметит, если ты исчезнешь! Нет, Слава, будь честным. Ты делаешь все это РАДИ СЕБЯ. Ты умнее, сильнее, быстрее, живучее людей. И тебе нравится

быть самым сильным, самым ловким, самым могучим, самым смелым. Вот и вся причина. Ты уже давно существуешь только ради себя. Остался всего один шаг — и ты встанешь рядом со мной. Станешь таким же, как я. И я не буду иметь ничего против. Мы, знаешь ли, не воюем друг с другом, мы же не люди. А после моего открытия миров хватит на всех.

— Ты боишься меня, — прошептал Славка. Маардай покачал головой:

— Нет. Я сильнее тебя. Просто я хочу, чтобы ты понял меня и прозрел сам. Те, кто создали нас, прожили свои короткие человеческие жизни. Они не знали, что это такое — жить века и видеть вокруг всю ту грязь, которую множат и в которой живут люди. Они не предполагали, что мы, созданные, чтобы защищать, можем возненавидеть наше стадо, отданное нам под охрану.

— А теперь послушай меня, — не приказал, а попросил Славка. Маардай склонил голову. — Ты прав. Это люди придумали концлагеря, крематории и газовые камеры. Люди организовали Варфоломеевскую ночь¹¹ и нашествия кочевников. Люди создали суды инквизиции и еще многое, от чего меня тошнит. Вы, нечисть, только грелись у пламени пожаров, возле человеческих бед... Но потом — слушай очень внимательно, Маардай! — те же люди боролись с болезнями, наводнениями, засухами, отдавали жизни за чужие им народы и страны, сражались против насильников и убийц, которых поддерживали вы — вы, Маардай! Да, они уязвимы, они лгут и нарушают законы. Но они же пытаются их выполнять. Да, они разрушают больше, чем вы, убивают больше, чем вы. Но они создают, они любят, дружат — делают то, на что вы не способны. Я не человек, Маардай, но я БЫЛ им. И я останусь с людьми, как бы тяжело это не было. Ты говоришь — попытайся понять. Но когда в мой дом вламывается грабитель, я защищаюсь, а не пытаюсь понять его причины. Ты — Зло, Маардай. Зло по всем меркам. И мне не интересно, как ты стал Злом. А теперь — попробуй меня уничтожить. И не жди легкой победы. Меня ждет девчонка, к которой я хочу вернуться. Я не умею любить, но умею ненавидеть — и я ненавижу тебя, нечисть. Больше ты никому не причинишь зла.

— Сгинь, — сказал Маардай.

И они бросились друг на друга.

Ночь. Деревня Неводы.

Ленка не успела даже закричать. Пламя вспыхнуло еще ярче — и погасло. На деревянном полу остался лежать Славка. В обугленной руке он сжимал почерневшую рукоять меча с оплавленным остатком клинка. Одежда Славки дымилась, лицо обгорело, на груди, плечах, ногах виднелись глубокие развороченные раны.

— Славик! — истошно закричала Ленка, падая рядом с ним. — Славик, открой глаза! Славик, пожалуйста!

— Лена, — не открывая обгоревших век, внятно и четко сказал Славка, — я его убил. Но, кажется, и он меня тоже убил. Позови Витьку. Скорее, мы можем опоздать.

Но Витек уже сам вошел в двери, держась за грудь. Следом лезли разгоряченные, с безумными глазами и оружием наперевес партизаны Краюхина, но тут же останавливались, опускали стволы, лица у них становились хмурыми и печальными. Ленка слышала, как сзади шепчут:

— Эх, пацан, себя за наших не пожалел...

— Он ведь полк удержал, пока бабы и дети в лес уходили...

— Да он охотник, мужики, оживет еще!..

— Чего ты несешь, охотников всех перебили...

¹¹ 24 августа 1572 года в Париже христианами-католиками было перебито множество обманом завлеченных в город христиан-гугенотов. Избиение было организовано с благословения королевской семьи и при ее непосредственной поддержке.

— Охотник, точно говорю. Еще оживет!
— Они вообще не из нашего мира, вестовой Батьки сказал...
— Да иди ты, это егеря из спецгруппы, а под пацанов замаскированы...
— Передайте Краюхину, — громко сказал Славка, и тело его сотрясла электрическая дрожь. Ленка жалобно вскрикнула, стиснула обугленную руку, — пусть сообщит, что мы будем искать пути. Мы придем и поможем. Мы все люди, а люди должны помогать друг другу... Вить, иди сюда. Скорее.

Виктор подошел, встал рядом на колени. Славка нашарил его руку, сжал и вдруг улыбнулся:

— Закройте глаза.

Белое кипение воздуха на миг возникло там, где только что двое подростков стояли на коленях возле лежащего третьего.

Комната опустела.

Раннее утро. Улица Речкалова, 67.

Меньше всего Ленка ожидала, что во дворе их дома будет столько людей. Едва рассвело, а впечатление было такое, что тут ночевала неслабая туристическая группа. На ступеньках крыльца в обнимку сидели Серега и опухшая от слез Олька. Катюха, похожая на замерзшую птичку, устроилась на ступеньках приставной лестницы. Три быстрых и четких парня и одна девчонка в одинаковых позах, негромко переговариваясь, стояли возле забора, держа прямо на виду серебряное оружие — мечи и арбалеты.

Именно эти четверо первыми встрепенулись, когда Ленка, Витька и Славка возникли на дорожке — в абсолютно той же позе, в которой покинули мир, где нашел свой заслуженный конец Маардай.

Ленка очень плохо помнила, что происходило вокруг нее. Они все как-то оказались в зале, и Славку уложили на диван. Он был страшный, непонятно — живой или нет, да и как понять это по человеку, который не дышит?!

Рыжий, как огонь, лохматый парень встал около дивана, нагнулся. Девчонка — невысокая, стройненькая — держалась руками за плечи и покачивалась, шепча: «Ойдуракойдуракойдурак...» Серега тихо спросил:

— Гжесь, что там с ним?

Рыжий — это и был Гжегож — выпрямился, скользнул равнодушным взглядом по Ленке и сказал:

— Активность 20% и падает, — потом покачал головой. Ленка стояла около дивана, глядя бешеными глазами.

— Уйдите все, — яростно сказала она. Больше ничего не добавила, но все — и люди, и нежити — молча и быстро покинули комнату. Только Катька попробовала задержаться, но Витька мягко и решительно проводил ее, закрыл за ней дверь и вернулся к дивану.

— Славик, Славик! — голосом, полным ужаса позвала Ленка.

Охотник не пошевелился. Он лежал на диване так, как его положили туда — в рост, разбросав ноги и свесив до пола правую руку, из которой еле удалось взять рукоять меча, в обгорелой куртке и джинсах, в полопавшихся от жара кроссовках, с почерневшим лицом, оскалив белые, ровные зубы.

— Он еще... есть? — отчаянно спросила Ленка. Витька покачал головой:

— Я не знаю, Лен.

Ленка поняла, что вопрос ее в самом деле не имеет смысла. Она не поймет, когда Славка уйдет, оставит ее навсегда. Как определить уход того, у кого не бьется сердце, нет дыхания и реакции на свет — ничего человеческого?!

Кто, если подумать, и жив-то не был.

— НЕТ! — Ленка сама испугалась этого крика. — Нет! Не хочу! Не отдам! Не отдам! Уходи! Убирайся, сука! Не смей!

Она и сама не понимала, почему и кому так кричит. Просто — кричала и прижала к лицу холодную руку, пахнущую, как новое сиденье в машине — синтетикой и мертвой кожей, а еще — гарью, и чем-то совсем чужим.

— Славка! Не умирай! Пожалуйста! — Ленка закричала так, что Витька вздрогнул испуганно — ему показалось, что сестра сошла с ума, что она сейчас умрет около этого дивана, на котором лежит его, Витьки, дважды мертвый друг.

А Ленка стояла на коленях, не выпуская холодной руки — с надеждой, глупой надеждой не на чудо даже. На что-то, чему нет названия, чего не бывает...

...В сером тумане, где, покачиваясь, плыл Славка, его сознание продолжало холодно оценивать степень опасности для организма полученных повреждений. Боли и страха он не ощущал, но организм сигнализировал о повреждениях, делающих невозможным дальнейшее нормальное функционирование. «Как в «Терминаторе», — вспомнил он видео, которое смотрел несколько раз. — Поражен на 80%. Нет, — он прислушался к себе, — больше. Только думать и могу. Страшно.»

Слово было бледным, как зимнее солнце. Просто — слово. Много ли храбрости в поступках того, кто не знает страха? Отвага — преодолеть страх. Если нечего побороть — чем хвастаться? Люди знают настоящий страх и борются с ним. Как Ленка.

«Ленка, Ленка, Ленка...» — повторил он. И внезапно ощутил СТРАХ. НАСТОЯЩИЙ СТРАХ.

Страх пятнадцатилетнего мальчишки, ужаснувшегося при мысли о том, что он теряет свою любовь.

«Не хочу умирать!» — закричал он. Истошно закричал — и услышал голос своего учителя.

«Она погубила тебя.»

Старый волхв стоял в серой мути, опираясь на посох. Седые пряди падали на плечи, скрывали лицо.

«Не думай о ней. Соберись с силой. Исцели себя. Ты можешь.»

«Ленка!» — закричал он снова и забился в тисках внезапно ставшего чужим тела.

«Глупый! — стукнул посохом волхв. — Себя погубишь! Пропадешь совсем, глупый!»

«Я больше не хочу так! — закричал Славка. — Слышишь, учитель?! Не хочу! Оставь меня! Я хочу жить!»

«И УМЕРЕТЬ? — сурово спросил волхв. — Сгинет твоя любовь, как туман поутру. Не бывало ее вечной. Что останется?»

«Ленка», — повторил Славка упрямо, как заклинание.

Волхв опустил голову. И сказал вдруг очень устало: «Раз так — иди. Не буду держать. Тебя одного — удержал бы, не отпустил. А вас обоих — не могу, силы не хватает. Крепко она за тебя держится. Уж и смерть отогнала, и мне не отдает...»

«Прости, учитель», — искренне ответил Славка.

И ощутил чудовищную, непредставимую боль...

... — Ленка, — позвал Витек. Не выпуская руки Славки, девчонка повернула залитое слезами лицо к брату. — Ленка, смотри.

Тело Ярослава подергивалось. Сгоревшая кожа сходила пластами, открывая здоровую, чистую. Раны закрывались на глазах.

Девчонка, вскрикнула и прижалась лицом к слабо подрагивающей руке. А Витек продолжал смотреть в лицо Славки. Потом быстро нагнулся и положил ладонь на грудь под остатками майки...

... — Лен, — услышала она потрясенный голос брата, — Лен, у него сердце забилося.